

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (47) — 2008

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Общероссийское общественное движение женщин России

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (Ивановский государственный университет; *сопредседатель редакционной коллегии, главный редактор*), **Е. Ф. Лахова** (Общероссийское общественное движение женщин России; *сопредседатель редакционной коллегии*), **С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва), **В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет),
А. И. Евстратова (Костромской государственный технологический университет),
Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет), **З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет), **Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Канадского фонда «Гражданское общество»*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: anyasmir@yandex.ru
Наш адрес в Internet: www.gender.ivanovo.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (47) — 2008

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University
Women's Movement of Russia

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on
Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

Editorial Board:

O. A. Khazbulatova (Editor-in-chief, co-chair of editorial board, Ivanovo State University),
E. F. Lakhova (Women's Movement of Russia, co-chair of editorial board, Moscow),
S. G. Aivazova (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
V. N. Egorov (Ivanovo State University), **A. I. Evstratova** (Kostroma State University of Technologies),
T. B. Ryabova (Ivanovo State University), **Z. H. Saralieva** (Nizhniy Novgorod State University),
N. B. Gafizova (Ivanovo State University), **N. A. Shvedova** (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences)

*Edition is realized with financial support
of the Canadian Civil Society*

Editorial Office Address:
153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79
E-mail: anyasmir@yandex.ru
Internet page: www.gender.ivanovo.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (47) — 2008

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О В. Батова, О. Я. Литвак*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 02.06.2008 г. Формат 70x108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»)
153002 Иваново, пр. Ленина, 47

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Н. Л. Пушкарёва

СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ (X—XX вв.): ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО И ЭТАКРАТИЧЕСКОГО ГЕНДЕРНЫХ ПОРЯДКОВ

Историю частной жизни русских женщин за 10 веков (с конца X столетия, когда было создано Древнерусское государство, и до XXI в.), а в рамках ее — историю эволюции ее сексуального компонента очень трудно изложить в коротком тексте. Эта тема привлекла меня много лет назад, задолго до современного дискурса сексуальной либерализации. Подробные результаты исследований, опирающихся на конкретные источники, изложены в моих книгах «Женщины Древней Руси» (1989) [26], «Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница» (1997) [27], изданных на русском языке, а также (отчасти) в появившейся в США, а затем в Англии монографии «Women in Russian History from the 10th to the 20th Century» (1997, 1999) [59, 60]. Скрупулезное внимание к фактам, анализ которых читатель найдет в этих книгах, и позволяет мне, как я полагаю, предложить вниманию коллег то *общее* понимание сложных и противоречивых социальных и ментальных процессов, которые конструировали и детерминировали статус женщин различных страт, а также отношение к их частной жизни и сексуальности со стороны современников.

Методологической основой для меня является социально-детерминистский подход, который признает социокультурное производство норм социального (в том числе сексуального) поведения и позволяет переместить сексуальность¹ из природного и физиологического мира в мир культуры и общества [61]. Он предполагает также сравнительное рассмотрение вариантов норм сексуального поведения в семье и вне ее для представительниц разных социальных страт, признание изменчивости этих моделей, наличие властного

© Пушкарёва Н. Л., 2008

Исследование поддержано РГНФ (грант № 07-01-90100а/Б) и Программой Президиума РАН «Русская культура в мировой истории».

¹ Под сексуальностью в данном тексте разумеется часть гендерной идентичности, охватывающая сексуальные характеристики (ориентацию, предпочтения и т. п.) и сексуальное поведение (см.: [8]).

компонента — как в семейных отношениях, так и в сексуальных взаимодействиях. Напомню, что в рамках эссенциалистской традиции сексуальность рассматривалась как природный феномен, подлежащий регулированию (а в модернистской традиции — раскрепощению). Для меня же, как сторонницы социального детерминизма, главным является вопрос о сексуальных *значениях*, которые придавались мужской и женской сексуальности в разные времена и в разных культурах, а также о *способах*, которыми эти значения воспроизводились в различных контекстах — этнических, конфессиональных, классовых (социально-стратификационных) (подробнее см.: [43, с. 125]). Таким образом, сексуальность женщины исследуется мной как социально воспроизводимая, а сексуальное поведение женщин — как создававшееся во взаимодействии, предписывавшееся и оценивавшееся социумом в целом и отдельными его группами.

Я предлагаю представить русскую женскую историю как последовательную смену устойчивых поло-гендерных порядков, систем или укладов², характерных для древности, средневековья, предындустриального, индустриального и советского периодов в русской истории, и показать изменения в отношении к частной жизни женщин и их сексуальности.

Первый этап: рождение православного гендерного порядка и его влияние на нормы сексуального поведения в Древней и Средневековой Руси (X—XV вв.)

Наши представления о частной жизни людей в Древней Руси, государственность в которой возникла в конце IX в., ее содержании и изменениях основаны на свидетельствах летописей и первых правовых кодексов, на данных церковно-правовых источников и церковной дидактической литературы. Все эти памятники создавались авторами-мужчинами, а потому фиксировали прежде всего мужской социальный опыт и мужскую систему ценностей, делая женщин не столько «невидимыми», сколько «незначимыми», незамечаемыми. Крещение Руси в 988 г. призвано было превратить православную церковь в главного регулятора всей семейно-брачной и сексуальной жизни древних руссов. И хотя утверждение православного гендерного порядка шло очень медленно (вплоть до конца XV в. в повседневной жизни можно обнаружить свидетельства сохранения языческих ритуалов), все же церковь постепенно добилась желаемого и стала монопольным регулятором всех социальных отношений, связанных с взаимодействием между полами.

Следствием победы к концу XV в. православного гендерного порядка явилось укрепление в идеологии того времени системы взглядов, принижающих женщину и роль «женского», ставящих его в положение вторичного и малозначимого по сравнению с «мужским». Если в публичной сфере такие взгля-

---

² *Гендерный порядок* (gender order) — публичный порядок социальных взаимодействий между полами, организованных по формальным и неформальным правилам. Рамки социального взаимодействия, в которых осуществляется производство и воспроизводство гендера, определяются как *гендерный уклад* (gender arrangement) (подробнее см.: [38, с. 91]).

ды на «женское» обосновывали отсутствие женщин среди тех, кто мог быть занят в делах управления или вести церковную службу, то в сфере частной (сфере повседневности) выражались в запретах, дистанцировавших «женское» от «нормального». Запретов таких была масса — от менструальных и родильных табу (исключавших посещение женщинами храма в дни месячных и 40 дней после родов) до вербальных инвектив о женской греховности [27].

Интерпретация женского тела как «сосуда греха», будучи противопоставлением некой «мужской непорочности», отчуждала женщину от легальных каналов духовности [41, с. 33] и вела в конечном счете к обеднению ее духовной жизни (женщине, особенно в дни месячных, не давали в руки церковных книг, если, конечно, она не была монахиней). В известном смысле признание триединства Отца, Сына и Святого Духа — подразумевая значимость мужского единства — было попыткой христиан, в том числе православных руссов, исключить «женское» как животворящую силу [53].

С категоричностью, не известной католикам и тем более протестантам, православные руссы оставили в средневековых дидактических текстах лишь две модели женских образов: грешной Евы, «ответственной» за грехопадение Человека (мужчины!), и святой Марии — воплощения святого материнства без греха и порока. Ни в одном православном агиографическом тексте не восхвалялась активная жизненная позиция женщины. Образцом для подражания выступали лишь жены и матери русских правителей, славившиеся самоотверженностью, терпением, жертвенностью (преп. Евфросинья Полоцкая, Евфросинья Суздальская, св. Иулиания Лазаревская и др.) [45]. Два «полюса», две ипостаси женщины диктовали отражение в источниках того времени только двух типов сексуальных сценариев³, то есть образцов сексуального поведения, адекватных культуре и адаптированных к конкретным условиям. Как бы ни была на самом деле богата частная (и сексуальная) жизнь женщин данного периода, современный историк имеет в распоряжении отражение лишь этих двух типов поведения. Такая категоричность вела к тому, что духовная составляющая частной жизни древнерусской женщины искусственно ограничивалась, а активность — репрессировалась.

Двойной стандарт в отношении разных сторон повседневной, в том числе интимной, жизни мужчин и женщин быстро стал нормой. Главными субъектами всех социальных процессов изображались представители «первого» и «главного» пола. Своеобразие же духовных и физических потребностей женщин того времени — невосстановимо, так как нет письменных источников, женское авторство которых было бы убедительно доказуемым. Все, что мы знаем о частной жизни женщины в Древней Руси X—XV вв., — это свидетельства мужского восприятия, точнее, *неприятия* всего, что выходило за рамки созданных церковнослужителями правил и норм.

---

³ Сексуальные сценарии обычно рассматриваются на двух уровнях — ментальном (рефлексия по поводу сексуальной жизни) и интраперсональном (уровне социальных взаимодействий). Подробнее о сценариях и возможностях их анализа см.: [57, р. 14].

Второй этап: утверждение и развитие православного гендерного порядка в России раннего Нового времени (конец XV—XVII в.)

Чем более утверждался в России православный гендерный порядок — тем более очевидной становилась тенденция к регулированию женской сексуальности, выступавшая как стремление к ее подавлению⁴. Нормы «правильной» частной жизни практически исключали сексуальную составляющую, а для женщины — в особенности. В отличие от культуры Юга Европы, сексуальность и телесность в «высокой» культуре России XV—XVII вв. так и не заняли своего места в системе ценностей, определив тем самым и категории морали, и стандарты гендерных отношений в повседневности.

Официальная (церковная) мораль того времени прямо возвеличивала «вне-плотское» зачатие и рождение (этот мужской идеал продуцирования детей идеальным способом, «из головы»), противопоставляя их естественно возможным формам производства человека на свет (плотским и связанным с женщиной)⁵. Таким образом, обычная женщина легко превращалась в «осквернительницу идеала», а потому оказывалась отнесенной к категории если не «злых жен», то уж точно женщин небезгрешных. Одновременно церковным дидактикам удавалось навязать женщинам мотив страдания как единственно возможного пути искупления за их «грехи». Восхваляя же Богородицу, забеременевшую без коитуса, православные дидактики доказывали тем самым возможность абстрагироваться от женской сексуальности, не размышлять о ее содержании и физиологических потребностях женщин.

Бинарность, антиномичность мышления средневековых дидактиков особенно отчетливы при анализе текстов именно XV—XVII вв. Каждая женщина предстает в них либо блудницей, либо девственницей, либо «производящей матерью», либо невестой Христовой. Именно тогда складываются в России и основные черты репрессивной сексуальной морали: запреты изображений нагого женского тела, прилюдных обнажений и разговоров на сексуальные темы [28], требование отдельных опочивален и даже «половин» для мужа и жены (что могло быть исполнено только высшим сословием). XVI—XVII вв. в русской истории — эпоха господства так называемого теремного затворничества: традиции, согласно которой женщины из высшего общества должны были содержаться в специальных помещениях, теремах, редко и только с позволения мужчин показываясь на глаза слугам или гостям [32, с. 214—215]. Безразличие к личным духовным и иным запросам женской личности, которую попросту запирали, как в тюрьме, в ее покоях, отношение к женщинам как потенциаль-

---

⁴ Отмечу здесь, что с точки зрения французского сюрреалиста Жана Батая, создавшего в 1920-е гг. свою теорию «сексуально-деструктивного происхождения искусства», в большинстве архаических культур тема сексуального насилия подавляла тему сексуального наслаждения, поэтому и русские культурные и конфессиональные запреты, связанные с женщиной и «женским», предстают в общем ряду таких культур, а не выпадающими из европейской культурной парадигмы (см.: [1, с. 60]).

⁵ Разумеется, это не было следствием именно русской православной традиции. Во множестве культур древности и средневековья мужчины старались обосновать свое «право на рождение», что воплотилось в мифах о рождении Афины из головы Зевса, сотворении Евы из ребра Адама и др. (см.: [54]).

ному «товару», который необходимо сохранить для будущего обмена (торга) между мужчинами двух фамилий, коррелировало с укреплением русской культуры как культуры патриархатного типа. Не случайно и образ Спасителя был в России мужским образом, диктуя прихожанкам русских церквей идею поисков защиты от всех невзгод у мужчины, обучая умению внимать мужским потребностям и слышать требования «мужа и повелителя» (в то время как католики искали спасения у женщины, у Девы Марии).

К концу XVI в. окончательно складывается национальный русский женский костюм, скрывавший очертания тела, прятавший волосы (символ сексуальности) под платки и шапки. Тогда же в России формируется и женский «анти-идеал» (который восстановим по иконографии XVII в.): большегрудой соблазнительницы с длинными вьющимися волосами и крупным ртом, которая летит — на иконах, изображающих Страшный суд, — вверх тормашками прямо в Ад [33].

В те же два столетия (XVI—XVII вв.) очевидным становится и расхождение между официальной (православной) моралью, предписывавшей постоянное воздержание, и моралью повседневной (бытовой). Если от более раннего времени до нас практически не дошли известия о нормах последней, то источники XVI—XVII вв. с трудом, но позволяют реконструировать ее черты. В бытовой морали России этого периода не могли поддерживаться идеи теремного затворничества женщин, которые участвовали в повседневном трудовом процессе наравне с мужчинами. Центральной темой народной сексуальной культуры с ее откровенным натурализмом было обеспечение здорового воспроизводства; сексуальная функция и мужчин, и женщин была тесно увязана с репродуктивной.

В рамках народной культуры произошло окончательное разобщение телесности и духовности. Следствием его стало, во-первых, развитие изоциреного сквернословия (всячески осуждаемого церковью), которое по-своему приносило роль «женского» в сексуальных отношениях. Во-вторых, церковные запреты вкупе с народным натурализмом обусловили отсутствие высокой эротической лексики, которой могли бы пользоваться влюбленные. Такие слова, как «ласкать» (с сексуальным смыслом), «нежить», «нежность» возникли в русском языке не ранее XVII в., а «влюбленность» — лишь в XIX в.

И в то же время, несмотря на экспансию православного гендерного порядка, в русской народной культуре существовала тенденция к восхвалению сильной и умелой женщины (которая в дохристианской древнерусской мифологии была еще и воительницей), способной в каких-то вопросах главенствовать в семье. Русские эротические пословицы и поговорки (их первые записи сделаны в XVII в.) также могут быть свидетельством латентного восхищения такими героинями, бывшими и в сексуальных делах не только притягательными, но и активными⁶. В отличие от Западной Европы, где в течение нескольких веков женское тело и сексуальность подвергались экзекуциям [55], в православной России (по всей видимости, в связи с ее географическими размерами) ее идеологам так и не удалось развернуть общегосударственных кампаний про-

---

⁶ «Хороший жернов всё мелёт, а худая жена и на х.. дремлет», «Хорошая жена х... потешается, а м..... забавляется» и др. [47, с. 115].

тив ведьм и колдуний. Именно к ним в деревнях (а нередко и в городах) женщины шли за помощью в любовных делах, прося привораживающих и/или контрацептивных зелий, настаивая на абортах. Запрещая женскую магию (незаконные знания женщин в области контрацепции), православные дидактики старались установить контроль за деторождением и регулировать последнее исходя из интересов государства, а не отдельных женщин.

Постулаты православной морали, предписывавшие женщине быть тихой и покорной (в том числе и в постели), обращаться за советом если не к отцу и мужу, то тогда уж к мужчине-священнику, выступают в свете сохранения культуры женского знахарства безуспешной попыткой русских церковников нейтрализовать женское лидерство и женскую активность в брачно-семейных, в том числе сексуальных делах.

Третий этап: вестернизация образа жизни и умонастроений дворян в православной России; прединдустриальный период (XVIII — первая половина XIX в.)

Активное взаимодействие России с Западом, инициированное Петром Первым (1689—1725), сильно повлияло на русские этнокультурные стереотипы, в том числе в сфере частной и сексуальной жизни. «Геремная система» (затворничество дворянок) рухнула. Вместе с ростом уровня образованности женщин из высших слоев общества менялась и степень их участия в публичной жизни. Часть общества воспринимала изменения в образе жизни россиянок, сказавшиеся даже на их одежде (они стали следовать европейской моде), как разложение нравов (кн. Михаил Щербатов). Другая часть видела в европеизации немало хорошего; и действительно, медленное развитие индивидуализации было необходимой предпосылкой сексуального (как и иного) плюрализма и терпимости.

Европеизация принесла в Россию резкую секуляризацию общественного сознания. Одновременно с ростом всевластия бюрократического абсолютистского государства ширилось и осознание высшим, образованным сословием ценности «частного» — частной сферы, частной жизни. Порожденная этим осознанием культура «писания себя», интереса к автобиографическому и мемуарному творчеству оказалась воспринята не только мужчинами, но и женщинами. И если от более раннего времени до нас не дошло ни одного автобиографического женского текста, то век XVIII сохранил их несколько десятков. Одной из типичных для того времени черт всех этих «женских текстов» было полное отсутствие в них сексуализированного или эротизированного дискурса [30], величайшая сдержанность в изображении любовных отношений⁷. Это резко отличает русские автобиографические женские тексты XVIII века эпохи от западноевропейских. Классическое определение викторианского дискурса М. Фуко — «табу, несуществование, молчание» (см.: [56, р. 5]) — точно характеризует и репрезентацию сексуальной темы в первых русских женских текстах [7, с. 105; 10, с. 25].

---

⁷ О путях анализа умолчаний в женских нарративах (в том числе исторических) см.: [50].

Парадоксально, однако же, что именно эти тексты открыли «шлюзы» мощным потокам личностного, индивидуального (хотя и не обнаженно-раскованного) женского восприятия мира. Именно они породили и русскую женскую прозу, всего лишь за век не только ставшую на ноги, но и заставившую заговорить о проблеме женской личности в эпоху бурного обсуждения «женского вопроса», то есть в 1860-е гг. Именно россиянки — проще и естественнее, чем их современники-мужчины, отягощенные чинами и должностями, — первыми завели речь о том, что их окружало в повседневности, в семье, в кругу близких. Тем самым они выговаривали подчас потаенное, сокровенное, приватное. Собственный семейный быт был для них главной «сферой обитания», и потому оставленные ими тексты способствовали (прямо или косвенно) переоценке ценностей в пользу частной сферы жизни человека, на что в полной мере решились лишь последующие столетия [51, р. 147].

Рубеж XVIII и XIX вв. может рассматриваться в русской гендерной истории как период, в который начала создаваться автономность отдельных гендерных субкультур. Эрозию традиционной бинарности, равно как начало формирования большей терпимости и плюрализма в отношении гендерных ролей, можно приметить в это время в появлении новых типов женских личностей, позиционировавших себя как мужчин и, тем не менее, принимавшихся социумом (среди них — например — «кавалерист-девица» Надежда Дурова, участница войны с Наполеоном, заслужившая боевые награды).

Появление необычных женских личностей, как и усиление саморефлексии, стремительное развитие самостоятельного «женского письма» в начале XIX в., все более активное включение женщин в публичную сферу жизни (хотя бы как благотворительниц, меценаток, создательниц литературно-художественных салонов, а в годы войн — как организаторов и участниц всевозможных патриотических обществ) способствовали возникновению в России женского движения, которое окончательно оформилось к середине XIX в. (в 1858 г. в России была создана первая самостоятельная женская организация).

**Четвертый этап: патриархатный гендерный порядок
индустриальной России второй половины XIX — начала XX в.;**
**общественные обсуждения «полового вопроса»
и «открытие» женской сексуальности**

В центре внимания сторонников женской эмансипации были в России XIX в. прежде всего социальные проблемы, поэтому и вопрос об отношениях между полами⁸ рассматривался тогда прежде всего в социальном ракурсе — как вопрос о праве женщин на труд, на образование, несколько позже стал дискутироваться вопрос об их праве участвовать в местном управлении. Именно в контексте освобождения от «ига семьи» рассматривалась тогда тема гражданских браков и изменения брачного законодательства в интересах женщин [44]. Свою — и очень значительную — роль в расшатывании постулатов православно-патриархатного гендерного порядка в отношении интимной сферы женской жизни и женской сексуальности сыграла тогда художественная литература и

---

⁸ Первые употребления словосочетания «половой вопрос» см.: [21, 46].

публицистика. До поры до времени «большая литература» дистанцировалась от этих тем и вплоть до второй половины XIX в ни в коей мере не учила «науке страсти нежной», что и отличало ее от литературы европейской [58].

Однако вместе с именами Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого («Крейцера соната») в русскую литературу, а с ней и в общественный дискурс ворвалась тема женской страсти и «инфернальной» (Достоевский), роковой, сексуально-притягательной женщины, которую писатели-мужчины, взяв на себя роль судей, наблюдали и изучали. Но и время женского «безъязычия», молчания уже ушло. В тени «великих мастеров слова», откликнувшихся на злободневную тему, на литературной арене возникли фигуры Апполинарии Суловой и Марии Башкирцевой — первых русских писательниц, решившихся заговорить о женской сексуальности [13] и поражавших современников решимостью обсуждать ранее запретное, равно как своей внутренней самодостаточностью, граничащей с нарциссизмом⁹.

Эпоха модернизма в русской культуре (1890—1910-е гг.) вывела тип «роковой женщины» на уровень литературно-культурного топоса. Тема сексуальности стала одной из основных в литературном и культурно-философском дискурсе [2], однако в России она приняла обличье не «влечения» (как это было на Западе), а символического желанья-любви к недостижимому любовному объекту (как то поэта А. Блока к своей Прекрасной Даме — Любви Менделеевой-Блок, с которой у поэта не было физиологической близости). Главная фигура этого нового дискурса — женщина, лишённая традиционных женских радостей: детей, семьи, семейно-домашней повседневности. Основные коллизии романов, написанных в то время женщинами-писательницами, вертелись вокруг дилеммы героинь между «любовью-зависимостью» и свободой и независимостью [5, 22].

Серебряный век сыграл важную роль в развитии русской сексуально-эротической культуры, способствуя росту толерантности к тому, что не так давно именовалось перверсиями¹⁰. За несколько десятилетий по проблемам любви и сексуальности было написано больше, чем за несколько веков до того. Однако русские философы (и разделявшие их идеи некоторые женщины, например, З. Гиппиус)¹¹ связали эти проблемы не столько с вопросами индивидуальности и индивидуального удовольствия и даже не с темой продолжения рода, сколько с этикой, эстетикой, постижением божественного. В итоге их теоретические построения о высокой женской духовности в любовных отношениях привели к рецепции представительницами высшего сословия в России «модифицированных викторианских принципов — как раз в то время, когда Запад

---

⁹ Предельным выражением такой позиции сексуально самодостаточной, талантливой и признанной женщины является Апполинария Сулова, превратившая Ф. Достоевского в *брошенного любовника*, а находившегося под обаянием его творчества В. Розанова в *брошенного мужа* (см.: [12]).

¹⁰ В русском «Энциклопедическом словаре» 1896 г. лесбийские сексуальные практики были названы перверсивными и ненатуральными (см.: [52]).

¹¹ З. Гиппиус была одной из адептов теории «неоплатонической любви» (просветленной и возвышенной чувственности), сторонницей идей «богочеловечности» и «духовно-телесности» любви (см.: [9]).

выступил против них» [48, с. 15]. С русской женственностью стали ассоциировать такие характеристики, как желание приносить себя в жертву, страдание, самоотдача, терпение.

С другой стороны, за тему сексуальности на рубеже XIX—XX вв. взялись юристы и публицисты, которые также мало интересовались вопросами развития нормальной сексуальности и сексуального удовольствия. Они проблематизировали темы всевозможных социальных девиаций — сексуального насилия, «торговли женским телом», порнографии, детоубийства и криминальных абортов. Тема нормальной женской сексуальности ими вообще не рассматривалась, а «половой вопрос» выступал как вопрос регулирования сексуальной активности и анализа существующих «норм» — главным образом применительно к некоторым социальным группам (рабочие, студенчество, реже — в работах этнографов — жители деревни).

И все же само «открытие» на рубеже XIX—XX вв. существования в обществе «полового вопроса» как связанного с вопросом «женским» было, конечно, революционным.

Пятый этап: советский этакратический гендерный порядок и «забвение» женской сексуальности в советском официальном дискурсе

«Революция чувств» продолжалась и на волне событий 1917-го, и нескольких последующих лет. «Половой вопрос» оставался в центре бурных обсуждений, в которые постепенно втянулись не только юристы¹² и врачи (поскольку именно на них возложили ответственность за «физическое сохранение и укрепление расы» в условиях революционных преобразований брачных отношений) [23], но и социальные и идеологические работники, педагоги, чиновники и, конечно, «труженики слова» (журналисты, поэты, писатели) (см.: [4, 11]).

Многообразие взглядов участников дискуссий середины 1920-х гг. помещается между двумя полярными точками зрения.

Одна из них — сугубо классовая и аскетическая — принадлежала педологу и психоаналитику А. Б. Залкинду (он лечил от нервных расстройств партийных деятелей, отчего его прозвали «врачом партии»). В своем программном произведении «12 половых заповедей пролетариата» А. Б. Залкинд настаивал на необходимости подчинения брачной жизни людей строгому классовому контролю и объявлял половую жизнь «допустимой лишь в том ее содержании, которое способствует росту коллективистских чувств, классовой организованности... боевой готовности». «Класс, — заключал автор, — имеет право вмешиваться в половую жизнь своих членов» [14, с. 65; 15, с. 252—253]. Если такого вмешательства не будет, продолжал мысль А. Б. Залкинда его сторонник, также педолог и детский психолог, то «пары, вступающие в содружество», могут оказаться «паразитически съедены половым пауком», и тогда они оторвутся «от своего коллектива и окружающей общественности» [40, с. 82].

Другую точку зрения на брак нового типа защищала «чайка революции» — А. М. Коллонтай. «Какие только формы брачного и любовного обще-

---

¹² См. дискуссию на страницах журнала «Еженедельник советской юстиции» за 1922—1925 гг., а также: [35, 36].

ния не примеривает к себе человечество, — сетовала она, — а сексуальный кризис ни на йоту не смягчается. Такой пестроты брачных отношений еще не знавала история...» [17, с. 53]. А. М. Коллонтай полагала, что новые брачные отношения должны основываться на равенстве во взаимоотношениях партнеров, взаимном признании прав друг друга без попыток и претензий владеть безраздельно и до конца дней его/ее сердцем и, наконец, на взаимном умении прислушиваться и понимать работу души любимого человека. Ее концепция нового брака, изложенная в статье «Дорогу крылатому Эросу!», строилась на убеждении, что новое государство освободит женщину от «ига материнства» (так как возьмет на себя воспитание детей), а также от монотонной унылости домашней работы, а браки будут всегда основаны на любовной страсти и духовной общности [18, с. 110—111] (см. также: [25]).

Между тем освобождение людей от прежних культурных норм и связанных с ними ограничений имело последствия не только позитивные, но и определенно негативные. К ним относились такие проблемы, как дезорганизация семейно-брачных отношений, рост числа нежелательных беременностей и абортов, низкий уровень сексуального просвещения, распространение проституции и заболеваний, передающихся половым путем. Решить эти вопросы призвано было советское государство, раз и навсегда присвоившее себе право санкционировать (вместо церкви) заключение брачных уз и поспешившее узаконить свое право вмешиваться в частную жизнь граждан. Именно потому оно взяло на вооружение концепцию А. Б. Залкинда, а не А. М. Коллонтай.

Семейная сфера политизировалась, а в стране начал утверждаться *этакратический гендерный порядок*¹³, своеобразно трансформировавшийся из модернизированного (в буржуазную эпоху) патриархатного гендерного порядка. Общим лозунгом в вопросах семейно-брачных отношений (и, следовательно, регулирования сексуального поведения) стали слова «Быт неотделим от политики!». Не сумев справиться с возникшими в 20-е гг. проблемами цивилизованным путем, советская власть обратилась к репрессивным методам. В 1934 г. была рекриминализована однополая любовь, год спустя — запрещена коммерческая эротика, в 1936 г. — искусственные аборты, ограничена свобода развода. Женщина того времени превратилась в «мобилизованную труженицу», которой предписывалось отдавать все силы строительству нового общества. Ее эмоциональная связь с мужем насильственно разрушалась; экономическая же перспектива семьи была ничтожной в условиях разрушения частной собственности. Патерналистскую роль (роль символического отца) все более явно брало на себя государство. Оно активно пропагандировало образ советской женщины как «мобилизованной матери»: советская пресса старалась убедить женщин в государственной важности многодетности. В то же время воспитание детей пе-

---

¹³ Для этакратической стратификационной системы характерно: государственно-монополитический способ производства, постоянное углубление огосударствления, милитаризация экономики, сословно-слоевая стратификация иерархического типа, отсутствие гражданского общества, правового государства и наличие системы подданства, партократии [34, с. 260]. Термин «этакратический гендерный порядок» введен в статье Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной [16].

реставало быть материнским: в городе абсолютное большинство их проводило дни в детских яслях, садах.

Ни о каких сексуальных потребностях женщин речь в 30—50-х гг. (эпоху сталинского тоталитарного режима) идти не могла. «Императив прокреации» [39, с. 85], действующий в стране победившего социализма, практически исключил производство контрацептивов, что повлекло за собой рост числа подпольных абортов, и как ни пытались их запрещать — особенно после Великой Отечественной войны, явление это уничтожить не удалось. Не удалось и достигнуть практических целей антисексуальной государственной политики — укрепления семьи и нравственности, повышения рождаемости. Об этом говорят статистические данные [6].

Официальные нормы, индоктринировавшиеся в умы десятилетиями, постепенно сформировали советскую семейно-сексуальную мораль — типичское, возможное и приемлемое поведение в сексуальной жизни. В рамках этой морали насильственно внедрялось представление о том, что общественные интересы — всегда выше личных, что «законный» (зарегистрированный) брак — предпочтительнее фактического, а единственный на всю жизнь — «правильнее», чем серийная моногамия. Долголетнее соперничество государства с семьей за преданность индивидов приводило к тому, что личные их интересы, особенно женские, постоянно прятались, вуалировались. Государство было заинтересовано в решении демографических проблем, а не в том, чтобы обеспечить действительное равенство возможностей мужчин и женщин, личностную самореализацию последних. Этим обосновывалась абсолютная легитимность вмешательства государства и «общественности» в интимную жизнь семей. Не случайно на всем протяжении послевоенной советской истории вопросы измен и разводов могли выноситься на общественное обсуждение (на парткомах, месткомах, общих собраниях трудовых коллективов).

И все же медленно продолжавшаяся в течение так называемого периода стагнации (с конца 50-х и до конца 80-х гг.) эрозия советской сексуальной морали обнаружила в сексуальном поведении советских людей те же особенности, которые были характерны для западных стран в послевоенное время. Среди них — снижение возраста сексуального дебюта, эмансипация сексуальной мотивации от матримониальной, рост числа до- и внебрачных рождений, а также разводов, инициированных женщинами, повышение интереса к эротике [20]. Среди явно запаздывавших (по сравнению с Западом) ментальных процессов оказалось в России признание сексуальных интересов и потребностей женщин. В отличие от проблем мужской сексуальности и потенции, прямо связанной с репродуктивной активностью, фертильностью, числом детей, они не могли быть выведены на уровень государственной политики и потому особенно долго рассматривались как «незначимые». Об этом свидетельствуют «устные истории» женщин, живших в советскую эпоху, проанализированные российскими и финскими социологами [42, 37]. Эти устные автобиографии показывают, что поколение женщин, родившихся до войны, основная часть жизни которых падает на советское время, может по праву быть названо «поколением умолчания», для которого характерно сочетание репрессивного регулирования интимной сферы и социальной памяти сексуальных свобод.

Шестой этап: эрозия советского этакратического гендерного подряка и артикуляция вопроса о женской сексуальности в общественном дискурсе

Следующие за «поколением умолчания» поколения россиянок пережили опыт, соответствующий двум стадиям сексуальной революции. *Первая* — «поведенческая» революция позднесоветского времени, 1970-х гг. [3, 19], в процессе которой произошла персонализация интересов и распространились различные практики сексуальной свободы (частая смена партнеров, фактический брак, однополый брак, свободные разговоры о сексе и др.). При этом официальный дискурс о сексуальности оставался неизменным, о чем говорит и фраза, брошенная на одном из ранних «перестроечных» телемостов СССР—США («У нас секса нет!»). *Вторая* стадия (1990-е гг.) — «дискурсивная». Ее характеризуют дискурсивная либерализация, артикуляция вопросов сексуального поведения в официальной печати (в том числе таких тем, как сексуальное насилие, сексуальные домогательства, дискриминация и эксплуатация женской сексуальности), ослабление законодательного регулирования интимной сферы. Таким образом, демократизация и плюрализация форм социальной активности, коммерциализация сексуальности создали условия для развития разных, зачастую конкурирующих между собой форм общественной морали.

В настоящее время усиление социальной стратифицированности российского общества ведет к заметным различиям в сексуальных практиках разных социальных слоев. В российской провинции, где уровень жизни низок, зарплаты выплачиваются нерегулярно, а семья остается формой выживания, сексуальные отношения для женщин оказываются на периферии человеческих потребностей [49]. Иное дело — крупные города, являющие значительную вариативность женского сексуального поведения и оценок значимости сексуальной составляющей для женщин из разных социальных слоев [31, 24]. Чем к более успешному и благополучному социальному слою принадлежат информантки, тем менее ограничены их сексуальные стратегии культурными и структурными барьерами прошлого и современности, тем большее значение придают они сексуальной составляющей в своей частной жизни.

В настоящее время исследование исторически изменчивого содержания понятия женской сексуальности освобождается от веками существовавших запретов на публичную артикуляцию этой темы. Оно востребовано постепенно проникающим в нашу страну (на волне новой вестернизации) культом здорового тела и образа жизни, расширением возрастных рамок сексуальной активности, ослаблением поляризованности гендерных различий, выдвиганием на передний план не коллективистских задач («жила бы страна родная — и нету других забот»), но задач субъективного благополучия.

Библиографический список

1. Андреева Е. All we need is love, или Формы отечественного эротического сознания // Искусство Ленинграда. 1991. № 4.
2. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви (1907) // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
3. Бочарова Е. А. Сексуальная свобода: Слова и дела // Человек. 1994. № 5.
4. Брак и семья: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1926.

5. *Вербичкая А.* Ключи счастья. СПб., 1913.
6. *Воронина О. А.* Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993.
7. *Герасимова Е.* Вербализация сексуальности: разговоры о сексе с партнерами // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Отв. ред. В. Воронков, Е. Здравомыслова. СПб., 1997.
8. *Гидденс Э. М.* Фуко о сексуальности // Социология сексуальности. СПб., 1997.
9. *Гиппиус З.* Влюбленность. О любви. О женах // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
10. *Голофаст В.* Три слоя биографического повествования // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Отв. ред. В. Воронков, Е. Здравомыслова. СПб., 1997.
11. *Домбровский Е. И.* Дискуссия о браке и семье // Революционная законность. 1926. № 9/10.
12. *Жеребкина И. А.* Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России // Гендерные исследования. 1998. № 1.
13. *Жеребкина И. А.* Между желанием и наслаждением: женская сексуальность в русской культуре на рубеже XIX—XX вв. // В поисках сексуальности / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб., 2002.
14. *Залкинд А. Б.* Революция и молодежь. М., 1924.
15. *Залкинд А. Б.* Половой вопрос. М., 1930.
16. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Этакратический брачный порядок // Социальная история, 2003. М., 2003.
17. *Коллонтай А. М.* Новая мораль и рабочий класс. М., 1919.
18. *Коллонтай А. М.* Дорогу крылатому Эросу!: (Письмо трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3.
19. *Кон И. С.* Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997.
20. *Кон И. С.* Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб., 2002.
21. *Михайловский Н. К.* Борьба за индивидуальность: (Социологический очерк) // Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 1.
22. *Нагродская Е.* Гнев Диониса. СПб., 1914.
23. *Преображенский Е. А.* О морали и классовых нормах. М.; Л., 1923.
24. *Прокопенко Ю.* Секс и инвалидность // Сексолог. 2001. <http://www.doctor.ru/sexolog/STA/st45.htm>
25. *Пушкарев А. М.* А. М. Коллонтай и проблема «новой половой морали»: (Обзор российских и зарубежных исследований) // А. М. Коллонтай: феминистка и революционерка / Под ред. В. И. Успенской. Тверь, 2002.
26. *Пушкарёва Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.
27. *Пушкарёва Н. Л.* Между «великим грехом» и «удовольствием»: интимная жизнь женщины в Старой Руси // Социум. 1995. № 6(49).
28. *Пушкарёва Н. Л.* Сексуальная этика в частной жизни древних руссов и москвитов X—XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.
29. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница. М., 1997.
30. *Пушкарёва Н. Л.* Мир чувств русской дворянки: сексуальная сфера // Человек в кругу близких: Очерки истории частной жизни до начала Нового времени / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1999.

31. *Пушкарева Е. К.* Подростковая компания городской окраины: сексуальные отношения в тусовке // В поисках сексуальности / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб., 2002.
32. *Пушкарева Н. Л.* Теремное затворничество // Словарь гендерных терминов. М., 2002.
33. *Пушкарева Н. Л.* «Мед и млеко под языком твоим...»: (Мужской и женский рот в памятниках XII—XIX вв.) // Этнографическое обозрение. 2004. № 2.
34. *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1996.
35. *Роговин В. З.* Проблемы семьи и бытового морали в советской социологии 20-х гг. // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4.
36. *Роговин В. З.* Вопросы семьи и положения женщины в советской социологии 20-х гг. // Динамика изменений положения женщины и семья. М., 1972.
37. *Роткирх А.* Сексуальные биографии женщин двух поколений: Первая попытка сравнения России и Финляндии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб., 1997.
38. *Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000.
39. *Сиксу Х.* Хохот медузы // Гендерные исследования. 1999. № 3.
40. *Сорохтин Г. Н.* Половое воспитание детей в плане марксистской педагогики // Половой вопрос в школе и в жизни / Под ред. И. С. Симонова. Л., 1927.
41. *Суковатая В. А.* Женщина в религиозной истории и феминистская теология // Женщины в истории. Возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Минск, 2002. Вып. 2.
42. *Темкина А.* Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: Опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // Гендерные тетради / Под ред. А. А. Клецина. СПб., 1999. Вып. 2.
43. *Темкина А. А.* Сценарии сексуальности и сексуальное удовольствие в автобиографиях современных российских женщин // Гендерные исследования. 1999. № 3.
44. *Тишкин Г. А.* Женский вопрос и правительственная политика 60—70-х гг. XIX в. // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983.
45. *Трофимов А.* Святые жены Руси. М., 1993.
46. *Федоров Н. Ф.* Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах восстановления родства: (Записки от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 1.
47. Фольклорные памятники конца XVII—XVIII в. // «А се грехи...» / Под ред. Н. Л. Пушкаревой. М., 1999.
48. *Энгельстайн Л.* Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX вв. М., 1996.
49. *Ярошенко С.* Бедные в социальной стратификации постсоветского общества // Рубеж. 1998. № 12.
50. *Blee K. M., Billings D. B.* Reconstructing Daily Life in the Past: An Hermeneutical Approach to Ethnographic Data // Sociological Quarterly. 1986. № 27.
51. *Braidotti R.* Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy. New York, 1991.
52. *Burgin D.* Laid out in Lavender: Perceptions of Lesbian Love in Russian Literature and Criticism of the Silver Age, 1893—1917 // Sexuality and the Body in Russian Culture / Ed. by J. Costlow, S. Sandler, J. Vowles. Stanford, 1993.
53. *Charlotte C.* You Make and Make Again: Feminist Ritual Theology. New York, 1993.

54. *Daly M.* Gyn/Ecology. Boston, 1986.
55. *Ehrenreich B., English D.* Witches, Midwives, and Nurses: A History of Women Healers. New York, 1973.
56. *Foucault M.* The History of Sexuality: Introduction. London, 1990.
57. *Gagnon J. H., Simon W.* Sexual Conduct. Aldine, 1973.
58. *Heldt B.* Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington, 1987.
59. *Pushkareva N.* Women in Russian History from the 10th to the 20th Century. New York, 1997.
60. *Pushkareva N.* Women in Russian History from the 10th to the 20th Century. London, 1999.
61. *Weeks J.* History, Desire, and Identities // *Conceiving Sexuality: Approaches to Sex Research in a Postmodern World* / Ed. by R. Parker, J. Gagnon. New York; London, 1995.

И. Ю. Мартианова

МАТЬ ИЛИ СВЕТСКАЯ ДАМА? (Материнство в XVIII — первой половине XIX в.)

Взаимоотношения матери и ребенка — тема достаточно популярная в современной историографии. Желание лучше понять эти взаимоотношения заставляет обратить внимание и на исторический материал. Полигоном для изучения трактовки данной темы в XVIII — первой половине XIX в. стал комплекс источников личного происхождения. Наибольшую долю среди их авторов составляют дворяне. При подготовке темы было изучено 18 мемуарных источников. В статье приводятся лишь наиболее яркие примеры из них.

Далеко не все мемуаристы обращаются в воспоминаниях к своему детству. Многие из тех, чье детство пришлось на XVIII в., считали этот период своей жизни неинтересным, не стоящим отображения. А те из мемуаристов, кто все же коснулся темы детства, далеко не всегда затрагивают вопросы материнско-детских отношений. Например, в воспоминаниях С. И. Маевского сведения о детстве есть, а о взаимоотношениях с матерью автор не упоминает (см.: [10]). Иногда эти взаимоотношения описываются схематично и без подробностей. Тем не менее мемуаристы-дворяне оставили немало свидетельств о взаимоотношениях матерей и детей в этом столетии. Авторы воспоминаний, которые были детьми в первой половине XIX в., писали свои произведения во второй половине века. Они, напротив, к своим детским годам относились с большим вниманием. В текстах, созданных ими, масса достаточно откровенных подробностей о материнско-детских отношениях. Немаловажным фактом является и то, что многие из авторов XIX в. описывают в своих воспоминаниях случаи, характеризующие материнство предыдущего столетия. Эти сведения они по-

черпнули из рассказов старших родственников и современников, дав им собственную интерпретацию и оценку, в которых отобразили взгляды своего времени, сравнив их с позицией предыдущего или последующего поколения. По понятным причинам большинство произведений, дающих подробную информацию по интересующей нас проблеме, были созданы женщинами. Авторы-мужчины затрагивали эту тему в том случае, если они, подобно А. Д. Галахову, занимались педагогической деятельностью либо, подобно А. Т. Болотову, рано лишились материнской опеки.

Проблема взаимоотношений матерей и детей была рассмотрена Н. Л. Пушкарёвой в статье «Мать и дитя в русской семье XVIII — начала XIX в.», опубликованной в ежегоднике «Социальная история, 1997» [12]. Н. Л. Пушкарёва считает, что «материнство как биосоциальное явление меньше зависит от сословно-правовой стратификации общества, хотя, разумеется, традиции и нормы отношения женщин к детям, материнского поведения, особенности воспитания у разных социальных групп и слоев общества всегда заметно варьировались. Будучи "внеклассовым", внесословным, понятие "материнство" не является вневременным» [12, с. 226]. Автор приходит к выводу, что к рубежу веков сложилось два пути женского воспитания, которые соответственно определили и два типа отношения к материнству. К первому типу Н. Л. Пушкарёва относит тех женщин, которые с детства воспитывались в поместье под присмотром бабушек и нянек. Для них материнство — «содержание всей их частной жизни» [12, с. 246]. Ко второму типу были отнесены те из женщин, кто жил в столице и крупных городах. Результатом их светского воспитания стали повышенная экзальтированность, раскованность публичного поведения, следование моде и презрение прежних «условностей». Следовательно, «их "modus vivendi" был мало связан с материнством» [там же]. Материалы, содержащиеся в рассказах мемуаристов о детстве в XVIII — первой половине XIX в., позволяют существенно дополнить и расширить затронутую тему.

Рассматриваемое явление, как и всякое иное явление жизни, имеет свою историю, то есть изменяется (иногда значительно) во времени и пространстве. Материнство в дворянском сословии Российской империи XVIII — первой половины XIX в. имело некоторые особенности по сравнению как с предшествующим периодом, так и с последующим.

В предлагаемой статье речь пойдет об особенностях понимания материнства и отношении к материнским обязанностям в XVIII — первой половине XIX в.

Считается, что с XVIII в. «...стали особенно ценить ребенка, по особенному относиться к детству» [12, с. 227]. Однако, если поднять вопрос о месте ребенка в дворянской семье, то окажется, что не только в XVIII, но и в первой половине XIX в. ребенок занимал приниженное положение в собственной семье — низшее среди свободнорожденных — и был выше крепостных только по факту своего рождения. Материальные потребности ребенка удовлетворялись в последнюю очередь (например, детские устраивались в самых плохих комнатах; см. воспоминания Е. П. Янковой [13, с. 22], Е. Н. Водовозовой [3, с. 129], Г. Е. Врангель [4, с. 38]). По мемуарным свидетельствам, дети демонстрировали безоговорочно почтительное отношение ко всем взрослым в доме, кроме крепостных (см. мемуары анонимного автора [16, с. 79], Е. П. Янковой [13,

с. 24], Г. Е. Врангель [4, с. 32], Н. А. Тучковой-Огаревой [19, с. 181] и др.). Наказания детей производились таким образом, что часто переходили в прямое истязание (см. воспоминания С. М. Соллогуб [15, с. 53], О. П. Верховской [2, с. 124], Е. Н. Водовозовой [3, с. 347]). Отец и мать имели неограниченную власть над своим ребенком, даже если он становился совершеннолетним (см. [13, с. 260; 11, с. 17]). О его безопасности почти не заботились. Занимая такое незначительное место в семье, ребенок лишь в редких случаях являлся предметом постоянной опеки. Если матери заботились, то лишь об особо желанном ребенке либо о любимце. Но и эти обстоятельства не выступали гарантией внимательного отношения к детям. Так, например, Дмитрий Александрович и Елизавета Петровна Яньковы очень хотели иметь сына [13, с. 146]. Были они непоседливы и часто переезжали то в Москву, то в поместье, то к родственникам или знакомым. Мальчики в их семье рождались слабыми. Дальняя дорога и в современной жизни увеличивает риск заболеваемости ребенка, а в XVIII — первой половине XIX в. при тогдашних «удобствах» путешествия это была прямая угроза потерять его. Яньковы же не откладывали своих путешествий, несмотря на то что теряли одного ребенка за другим. Смерть их детей, по видимому, была прямым следствием частых переездов. Иногда супруги Яньковы не брали детей с собой, а оставляли под присмотром доверенной женщины Егоровны, но это их также не спасало. Малышам нужна была мать. По той же причине болели и остававшиеся в живых девочки [13, с. 70, 75—81, 83]. Однако Е. П. Янькова считала себя образцовой матерью, а Федосью Ивановну Бартенева представляла в своих рассказах как мать недобросовестную. Она называла Ф. И. Бартенева «великой непоседкой», потому что та «была охотница веселиться и мыкаться из дома в дом» [13, с. 182]. Имея несколько разнополых разновозрастных детей, она никогда не сидела дома, а разъезжала целый день, а то и ночь по гостям и балам. Иногда она оставляла своих детей в домах, где шли занятия с хозяйскими детьми, и это было благом для них. Ведь если она не находила детям пристанища, то в любую погоду заставляла их сидеть в карете, пока сама она не завершит визит. Однажды, «когда ее дети были еще малы», вспоминала Е. П. Янькова, Ф. И. Бартенева отправилась с ними на бал к Голицыным. «На дворе был ужасный мороз; сама Бартенева веселится на бале, а дети, бедняжки, мерзнут в карете. Очень стало им, верно, холодно, они начали пищать и плакать». Лакеи доложили хозяину дома князю Д. В. Голицыну, что у его крыльца в карете погибают от холода дети Бартеневой. Князь приказал принести их в кабинет, накормить и уложить спать. «Говорят, — вспоминала Янькова, — что без сострадательности князя дети совсем бы замерзли, и это могло случиться не один раз» [13, с. 183]. И Ф. И. Бартенева, и Е. П. Янькова, по сути, думали о своих развлечениях больше, чем о детях.

Эмоциональной близости между матерью и ребенком в XVIII — первой половине XIX в. тоже, как правило, не было, так как их взаимоотношения определялись в основном этикетом. Е. П. Янькова оставила подробную характеристику отношений «отцов и детей» в этот период: «В то время дети не бывали при родителях неотлучно, как теперь, и не смели прийти, когда вздумается, а приходили поутру здороваться, к обеду, к чаю, к ужину или когда позовут за чем-нибудь. ...Мы не смели сказать: за что вы не меня сердитесь, а говорили: за

что вы изволите гневаться, или: чем я вас прогневала; не говорили: это вы мне подарили; следовало сказать: это вы мне пожаловали, это ваше жалование. Мы наших родителей боялись, любили и почитали» [13, с. 24]. Ей вторит в своих воспоминаниях В. А. Соллогуб: «...держались почтительно и никогда не смели говорить "ты" ни отцу, ни матери» [14, с. 31]. Таким образом, родителей, в том числе и собственную мать, прежде всего «почитали» и «боялись», любовь же ребенка к матери была скорее хорошим тоном и частью предписанного поведения, привитыми воспитанникам, нежели подлинным чувством любви, основанным на душевной теплоте и взаимопонимании. Этому немало способствовала и широко распространенная практика отселения детей. Детскую устраивали в отдаленных комнатах, либо вообще выселяли детей в отдельное строение. Иногда это диктовалось соображениями гигиены [9, с. 283], иногда — нежеланием видеть ребенка [9, с. 303], иногда — соображениями удобства для его обучения [1, с. 30]. Широко распространенным был также обычай отдавать своих детей в другие дворянские семьи на воспитание. В первую очередь это касалось нелюбимых [8, с. 12] и незаконнорожденных [6, с. 314] детей, но и любимых детей отдавали для получения ими образования [7, с. 294—299]. Все эти обстоятельства мало способствовали установлению каких-то особо теплых отношений с матерями.

Быт детей и уход за ними в семьях авторов мемуаров были поручены слугам. Образованием занимались нанятые учителя или гувернеры. Мать (редко отец) лишь осуществляла общий контроль, и то не всегда. Те женщины, которые решились сами целиком и полностью посвятить себя воспитанию и образованию своих детей, воспринимались как нечто неординарное и заслуживающее особой отметки. В мемуарной литературе XVIII — первой половины XIX в. примеры такого отношения к материнству встречаются нечасто — Александра Алексеевна Капнист, Луиза Карловна Вильегорская, Наталья Борисовна Долгорукова, Екатерина Романовна Дашкова, Софья Михайловна Соллогуб. Общество и даже их самые близкие люди не всегда с пониманием относились к этим женщинам, серьезно воспринимавшим свои обязанности матери и много сил и времени отдававшим детям. Софья Михайловна Соллогуб не нашла сочувствия даже у собственного мужа, который упрекал ее в излишнем пристрастии к детской [14, с. 168]. Это нетипичные образы матерей того времени. С. М. Соллогуб, последовавшая примеру своей матери, писала о ней: «Она рано отстранилась от отца, чтобы всецело предаться нашему воспитанию» [14, с. 51]. И далее: «Она жила и дышала только нами. <...> Мысль о том, чтобы в воспитании детей ей помогала гувернантка, совершенно противоречила убеждениям мама: она считала гувернанток стеной, разделяющей родителей и детей. Она никогда на это не соглашалась и, хотя воспитывать мальчика было далеко не просто, все-таки обошлась без посторонней помощи» [14, с. 52]. Заботливая мать — это нетипичный образ в мемуарах, описывающих то время.

Более характерным для этой эпохи является образ матери в воспоминаниях Е. Н. Водозовой, урожденной Цевловской. Ее мать Александра Степановна Цевловская закончила в 1828 г. Екатерининский институт благородных девиц и вышла замуж. Дочь вспоминала, что Александра Степановна никогда не могла точно сказать, сколько раз ей приходилось рожать. По ее счету чаще все-

го выходило, что у нее было шестнадцать детей, а по счету соседей — двадцать, поскольку они учитывали и мертворожденных [3, с. 32]. Можно подумать, что при такой многодетности она любила детей и стремилась как можно полнее реализовать свое материнство, но это было не так. Александра Степановна не проявила особого желания заниматься детьми. Когда оказалось, что ее муж Николай Григорьевич имеет явный педагогический талант и с большой охотой занимается их воспитанием, Александра Степановна почти устранилась от этого процесса. Лишь излишний детский шум мог привлечь ее внимание, и тогда она, не разбираясь, раздавала подзатыльники. Зато у нее обнаружили незаурядные способности к хозяйствованию и склонность к рачительному управлению помещьем. Она этим и занялась. Для матери мемуаристки это было не просто, так как ее муж Н. Г. Цевловский жил не по средствам. Жена не смела отказать ему в деньгах, видя, что он тратит их на воспитание и образование детей. После смерти мужа и девятерых детей в эпидемию холеры 1848 года А. С. Цевловская отнюдь не вернулась к своим материнским обязанностям. Она продолжала заниматься хозяйственными делами, выводила свое помещье из долгов и сделала его доходным предприятием, а воспитание детей передоверила няне. Дети боготворили няню, а мать боялись [3, с. 90]. Мать осуществляла лишь самый общий контроль за образованием детей. В некоторых случаях она бралась сама вести уроки, но неумение и отсутствие навыка общения с собственными детьми приводили к тому, что дети воспринимали эти уроки как бедствие: мать часто кричала на них, из-за малейшей ошибки выходила из себя и колотила нерадивых. Особенно от нее доставалось самой мемуаристке, боявшейся матери как огня [3, с. 190] и мечтавшей о том, чтобы ее отдали в другую семью или в институт [3, с. 329].

Немаловажной причиной такого отношения к материнским обязанностям было и то, что девочек с детства готовили к светской жизни, к управлению домом и помещьем, но не к материнству. Девочки-дворянки были даже лишены практического опыта ухода за детьми и налаживания с ними отношений. Такой опыт имели их сверстницы-крестьянки, которые с малых лет становились нянями своим младшим братьям и сестрам. Иногда дочери дворян обучали младших детей в семье, но воспитание ребенка состоит не только в передаче ему определенной суммы знаний. Российские дворянки на протяжении рассматриваемого периода воспринимали свои обязанности в соответствии с просветительской парадигмой отношения к детству и материнству. Просветительская литература, имевшая педагогическую направленность, более была сосредоточена на понятии образования, нежели воспитания. Поэтому девочке если и разъяснялись ее будущие материнские обязанности, то разъяснения касались их образовательной стороны. Обучать дворянку уходу за детьми и готовить к нему даже, видимо, не пытались, так как предполагалось, что это та сфера домашнего труда, которую обслуживала прислуга.

Влияние на степень заботы матери о детях оказывало и раннее замужество. Широко распространенная практика выдачи замуж малолетних девочек приводила к тому, что юные матери порой не могли справиться со своими обязанностями и сами создавали опасные для детей ситуации. Так, мать мемуаристки Т. П. Пассек Н. П. Кучина, выйдя замуж в 14 лет, уже через два года име-

ла двоих детей. Но двукратное материнство не научило ее серьезно заботиться о своих детях. Например, играя с ребенком весной, она могла посадить младшую годовалую дочку в лужу, забывая при этом, что ее мать предупреждала ее о риске простудить ребенка. Конечно, дело кончилось опасной простудой [11, с. 28]. Другая мать, столь же юная жена Петра Николаевича Капниста, подобными развлечениями погубила их единственного сына. Родители очень любили своего «...прекрасного и здорового мальчика», но Екатерина Армановна, «...будучи сама ребенком и неопытной матерью... не умела обращаться с ним» [9, с. 371]. Игры с малышом возле открытого окна в осеннее время закончились его смертью. Отец, вернувшись из служебной поездки, «...нашел ребенка своего на столе» [там же]. Семейная жизнь супругов не ладилась и до рождения сына, а после его смерти П. Н. Капнист «...потерял совершенно рассудок, хотел лишиться себя жизни, предлагал то же и жене своей, на что она, натурально, не согласилась; он пришел в совершенное негодование», так как только в сыне видел смысл их брака. П. Н. Капнист считал, что жена равнодушно восприняла гибель ребенка и свою вину, и «...с того времени совершенно охладил к ней» [там же].

По классификации Н. Л. Пушкарёвой, Н. П. Кучину следовало бы отнести к первому типу женщин. Е. А. Капнист, которая готовилась в столичном пансионе к светской жизни, но, едва вступив в свет, была увезена своим мужем в провинцию, можно считать представительницей второго выделенного типа матерей дворянок. Наталья Петровна Кучина воспитывалась дома, в поместье, а Екатерина Армановна Капнист — в пансионе, однако на умении обращаться с детьми эта разница не сказалась. И та и другая не имели ни малейшего понятия о том, как следует обращаться с ребенком. Если разница между двумя выделенными типами женщин и существовала, в вопросах ухода за детьми, их воспитания, образования она не слишком проявлялась. Женщины, которые стремились максимально полно реализовать себя в материнстве, и в провинции, и в столице встречались нечасто. Случаи, когда матери много внимания и сил уделяли своим детям, потому и попали на страницы воспоминаний, что выделялись на общем фоне.

Образ матери в мемуарной литературе часто заслоняется образами других лиц, которые больше заботились о мемуаристе в детстве. Прасковья Николаевна Татлина вспоминала, что няня Пелагея, бывшая при ней и других детях, «...поставивши их на ноги ...вселяла в детях страх Божий и развивала зачатки нравственности» [18, с. 191]. Мать вообще в ее детских воспоминаниях фигурирует мало и несколько отстраненно. Ее взгляды и жизненная позиция еще в детстве вызвали отторжение у дочери [18, с. 195], а став взрослой и выйдя замуж, мемуаристка ощутила, что любовь мужа к ней «...поселила во многих зависть», и в числе этих многих — была ее мать, которая тоже любила ее [18, с. 198]. П. Н. Татлина утверждала, что в детстве и до замужества в доме родителей она не получила ни малейшего представления о браке, семейной жизни и материнстве. Свои ранние воззрения на брак она характеризовала через типичный для дворянской служилой среды образ покровительства: «...родители не живут вечно и передают дочерей младшим мужчинам, мужьям; эти мужчины становятся *покровителями* (курсив мой. — *И. М.*) их дочерей. Но я никогда не желала быть переданной молодому, потому что они все не нравились мне; я

имела симпатию только к старикам», так как они «...говорили об интересных для меня предметах, и я уважала их» [18, с. 191], а молодые «...показались дураками» [там же]. К детям она тоже относилась своеобразно: «Я очень любила женские рукоделья, а в детской и в кухне нога моя не была, на маленьких детей не могла смотреть, мне делалось тошно» [18, с. 194]. Впоследствии, став матерью, П. Н. Татлина считала, что смысл материнства заключается в том, чтобы «...посредством образования сделать детей независимыми, то есть счастливыми» [18, с. 223]. Счастья детей она не увидела, хотя и потратила все свое состояние и лучшие годы на их образование, поэтому мемуаристка считала свою жизнь неудачной. Явно неуважительное отношение к ней детей, заставивших ее вести «странническую жизнь» [18, с. 224], переезжая от одного к другому, усиливало ощущение краха ее надежд и идеалов.

Образ матери в воспоминаниях Н. А. Дуровой блекнет перед образом отца. Для матери она была нелюбимым ребенком, которого та отталкивала от себя с рождения, так как мечтала о сыне. Четырехмесячную Надежду мать выбросила из окна движущейся кареты. К счастью, девочка осталась жива и даже не покалечилась. Гусары, видевшие это, «вскрикнули от ужаса», а отец взял ребенка к себе на седло, заявив жене, что не отдаст уже ей дочку во власть и сам займется ею [8, с. 4]. Когда Н. А. Дурова бежала из дома на войну, то испытывала угрызения совести только перед отцом [8, с. 22—23]. Примеров недоброго, неумелого, безжалостного обращения с собственными детьми немало в воспоминаниях дворян, детство которых проходило в XVIII — первой половине XIX в.

Существенное влияние на состояние материнства оказывала и характерная для XVIII — первой половины XIX в. патриархальность внутрисемейных отношений, подчиненное положение женщины. Ее права рассматривались только после того, как были реализованы права мужчины. Если родители разводились или, что было чаще, разъезжались, то местонахождение ребенка зависело от воли отца. По воспоминаниям А. Д. Галахова, его двоюродный дед А. И. Сербинов оставил сына при себе, потому что считал, что мать не даст ему правильного воспитания, он желал воспитывать его по методу Руссо [5, с. 47]. Даже в том случае, когда отец не собирался заниматься воспитанием своего ребенка, он мог забрать его. Именно так поступил Александр Васильевич Сушков, когда разъехался со своей женой. Он знал, что жена его очень любит двух своих дочерей. Дети тоже любили ее больше, чем отца, так как он мало интересовался ими и был груб с их матерью. Забрав дочерей, А. В. Сушков раздал их своим родственникам для воспитания. Е. А. Сушкова вспоминала: с восьми лет, «как кочующий улан, я не находила постоянного крова, и меня перебрасывали, точно мячик, с одного конца России на другой, а ужасней всего то, что мной распоряжались без согласия и даже без ведома матери» [17, с. 68]. Отец «...запретил девушкам и людям говорить мне о матери, — писала мемуаристка, — запретил мне расспрашивать о ней, кажется, запретил даже и думать о ней» [17, с. 53]. Узнав, что жена прислала старшей дочери свой портрет на память, «он с запальчивостью вырвал его... из рук и разломал его на мелкие куски» [17, с. 58]. А между тем мать тайно с помощью няни навещала дочь, пока та была в Москве. Она умоляла мужа вернуть ей дочерей, но получала отказ. Муж мотивировал его тем, что она слишком больна (у нее, по словам мемуаристки, был «аневризм сердца»). На некоторое время ей вернули младшую дочь, а

старшую она увидела только через семь лет перед своей смертью. Марья Васильевна, сестра ее мужа, разрешила ей в течение двух месяцев пожить с дочерью в ее поместье, понимая, что А. П. Сушкова так больна, что скоро умрет [17, с. 81—82]. То есть с материнскими чувствами не считались, даже если отцу дети, по сути, были не нужны. Такое отношение к материнству, видимо, не вызывало порицания в обществе, что и порождало подобные ситуации.

Если женщина не состояла в законном браке со своим мужем, то с ее материнскими чувствами и правами на детей считались еще меньше. Такая судьба постигла гражданскую жену П. А. Яковлева Христину Петровну, бабушку мемуаристки Т. П. Пассек [11, с. 13]. По делам службы он на несколько лет уехал из поместья, оставив там Христину Петровну с детьми. Уже в преклонном возрасте П. А. Яковлев отбил у одного провинциального чиновника жену, дождался его смерти и женился на ней. Свое потомство от Христины Петровны он узаконил, получив на то согласие императора, затем заставил своих братьев признать этих детей его законными наследниками [11, с. 14]. Невенчанной жене он велел немедленно покинуть поместье, где она прожила с ним более двадцати лет. Забрать с собой кого-либо из детей ей было невозможно. Взрослые дети потом навещали ее, но негласно.

Материалы изученных мемуаров позволяют сделать следующие выводы. Представления о материнстве в XVIII — первой половине XIX в. в дворянской семье имели определенное своеобразие. Оно заключалось в том, что мать и детей разделяли этикетные отношения, ограничивавшие возможность установления тесного эмоционального контакта во многих семьях. В мемуаристике, посвященной этому периоду, больше подчеркивается прочность не семейных, а родовых отношений и дружеских связей. И это не случайно. Личностно-эмоциональные отношения матерей к детям не помогали объединению значительного числа дворянских семей. Восприятие ребенка как существа неполноценного определяло невнимание к его потребностям, здоровью, часто приводило к травматизму или гибели. В полных семьях материнство могло быть реализовано лишь при поддержке мужа, который при случае имел возможность лишить жену права воспитывать детей и даже общаться с ними. Общество также до поры до времени не приветствовало в женщине чрезмерного увлечения материнскими обязанностями, то есть аффектированное материнство фактически рассматривалось как девиантное поведение. Светская жизнь или тот круг занятий, который имитировал ее в провинции, поглощал внимание женщины, мало что оставляя на долю детей. Впрочем, демонстративное невыполнение элементарных обязанностей также вызывало осуждение.

Возможно, образ материнства в своем развитии совпадает с основными вехами становления детства. Детство и материнство — это два взаимосвязанных и взаимозависимых процесса, которые последовательно изменялись в истории, постепенно приближаясь к современному состоянию. Значимость и статус матери возрастают с повышением значимости и статуса ребенка в семье.

Библиографический список

1. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986.
2. *Верховская О. П.* Картинки прошлого: Из воспоминаний детства. М., 1913.

3. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. М., 1964. Т. 1.
4. *Врангель Н. Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели: Воспоминания. М., 2006.
5. *Галахов А. Д.* Записки человека. М., 1999.
6. *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1958.
7. *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722—1762) // Безвременье и временщики. Л., 1991.
8. *Дурова Н. А.* Записки кавалерист-девицы. М., 2005.
9. *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Записки воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX в. М., 1990.
10. *Маевский С. И.* Мой век, или История генерала Маевского, 1779—1848 // Русская старина. 1873. Кн. 8.
11. *Пассек Г. П.* Из дальних лет: В 2 т. СПб., 1905.
12. *Пушкарёва Н. Л.* Мать и дитя в русской семье XVIII — начала XIX в. // Социальная история, 1997. М., 1998.
13. Рассказы бабушки. Л., 1989.
14. *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М., 1998.
15. *Соллогуб С. М.* Из воспоминаний С. М. Соллогуб // Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.
16. «Старушка из степи». Приживалы и приживалки. М., 1883. Вып. 3. Кн. 2.
17. *Сушкова Е. А.* Записки, 1812—1841. Л., 1928.
18. *Татлина П. Н.* Воспоминания // Русский архив. 1899. Т. 3. № 10.
19. *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. М., 1903.

И. В. Реброва

«ЖЕНСКАЯ» ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Летом 2007 года в процессе работы над исследовательским проектом по гранту РГНФ было собрано достаточное количество устных воспоминаний как непосредственных участников военных действий, так и жителей временно оккупированной территории Кубани. Большая часть этих интервью вошла в сборник «Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования». Собранные воспоминания также стали одним из источников написания данной статьи. Большинство наших информанток — женщины пенсионного возраста. Всю свою жизнь они прожили в сельской местности, имеют большие семьи и ведут домашнее хозяйство. Многим из них с детства пришлось работать и помогать ро-

---

© Реброва И. В., 2008

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ 08-01-12143в

дителям, поэтому высшим образованием похвастаться они не могут. Несколько классов начальной или средней школы — вот все, что у них за плечами. Война их застала молодыми девушками или подростками. Только одна информантка была к тому времени замужем и имела маленького ребенка. Все рассказчицы пережили оккупацию своего родного поселка или станицы. Их воспоминания — это наполненные эмоциями повествования о тяжелых трудовых буднях военного времени. С уходом мужчин на фронт на плечи женщин и подростков легли обязанности по работе в колхозе, принудительной работе на оккупантов и ведению домашнего хозяйства.

Другим не менее важным источником стали неопубликованные письменные воспоминания участниц партизанского движения на Кубани, находящиеся в основном в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Значительная часть регионального комплекса воспоминаний о Великой Отечественной войне была накоплена в 1960—1970-х годах. Среди мемуаристов — люди разных возрастов, некоторым — далеко за 70. Женщины писали воспоминания главным образом в предпенсионном возрасте. Мемуаристки, как правило, были моложе авторов-мужчин. Женщины, оставившие воспоминания о событиях Великой Отечественной войны, — это бывшие комсомолки, жительницы оккупированной территории, подпольщицы, партизанки¹.

Устные и письменные воспоминания о Великой Отечественной войне имеют свою гендерную специфику. Анализируя тексты мемуаров или интервью, можно выявить закономерности восприятия женщинами самих себя на войне, воссоздать женское восприятие войны как целостную картину.

О женщинах, участвовавших в Великой Отечественной войне, написано немало и учеными, и писателями [17, 14, 12, 19, 16, 4]. Собирательным литературным портретом женщин — авторов воспоминаний изученного регионального комплекса стал образ Искры Поляковой из повести Б. Васильева «Завтра была война». Данный образ был тиражирован ее последующей экранизацией и закреплен в массовом историческом сознании. Материалы источников личного происхождения, в частности дневников, писем, письменных и устных воспоминаний, помогают наполнить устойчивый образ, визуализированный современным искусством и уже мифологизированный исторической памятью, живым историко-культурным содержанием.

Согласимся с Е. С. Сеньявской [19, с. 216], подчеркивающей, что феномен участия женщины в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности. «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, — отмечает автор книги «У войны — не женское лицо» С. Алексеевич. — Если мужчине война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание — для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны — физические и моральные, она труднее пе-

---

¹ Подробнее об анализе регионального комплекса неопубликованных воспоминаний и его гендерной специфике см.: [13].

реносила “мужской” быт войны» [1, с. 61—62]. Светлана Алексеевич убедительно показала: то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству. Образная проза писательницы заставила массовое сознание понять противоестественность войны в жизни женщины. Но и для мужчин война — не самая благоприятная социокультурная среда. Защитные способности мужской психологии и многовековая социокультурная практика превратили для них войну в работу. Женская психика искала иные пути адаптации к нечеловеческим условиям войны. Бывший командир партизанского отряда «Шторм» В. В. Петренко вспоминал: «Ежедневный рейс по 18—20 км... Такая работа кажется по плечу только физически сильным мужчинам, но с ней с честью справлялись женщины. Это были стойкие, мужественные женщины, переносившие все тяготы суровой жизни в партизанском отряде с начала его организации и до последнего дня его существования, участвовавшие во многих боевых операциях» [18]. И все же мемуаристы подчеркивали, что женщина не могла приспособиться к этой работе, несмотря на свою выносливость, во много раз превосходящую мужскую, несмотря на свою способность к адаптации, большую по утверждению психологов, чем у мужчин. Она не могла привыкнуть к войне.

Образ женщины на войне стереотипизирован современным сознанием. Общеизвестно, что женщина в Великой Отечественной войне наравне с мужчиной проявляла мужество, отвагу, силу духа в борьбе с врагом [4]. Женщина, равная мужчине, — стереотип советского времени, глубоко укорененный на уровне рационализованного мышления, но полностью опровергаемый текстами устных интервью. Материалы изученных письменных и устных воспоминаний показывают, что реального равенства в жизни мужчин и женщин не было ни на войне, ни в тылу и на временно оккупированной территории. Его не принимали ни мужчины, ни женщины. По-видимому, расхождения рационально сконструированных образов и реальных бытовых практик были связаны с традицией ролевого разделения повседневной жизни провинциального общества. Перед войной в провинциальной жизни продолжали господствовать нормы традиционного натурального хозяйства, от которых зависело даже городское население.

Женщинами нарушение устойчивых социальных ролей воспринималось как крушение самой жизни. Ощущение катастрофы пронизывает весь строй женских воспоминаний, преобладает в их тональности. Но как бы не воспринимались такие изменения, они имели место в реальности и были более глубокими, чем казались индивидуальному сознанию. Большинство наших информанток — люди, жившие в сельской местности. Их можно отнести к типу рассказчиц, которые всю свою жизнь оставались в границах традиционных патриархальных представлений о женских ролях (для них окончание войны означало возвращение к «прежней» жизни). Они могли выполнять мужскую работу, замещать мужчин в поле, на производстве. Р. А. Баркова, пережившая оккупацию в станице Даховской, вспоминает о том, какую работу ей, молодой девушке, приходилось выполнять: «Вот гоняли нас на работу, копали. Там окопы копали, а тут траншеи [окопы копали по приказу Советского руководства в начале войны, а траншеи — с приходом оккупантов]. И траншеи прямо это... Ну как вам сказать? От квартиры <нрзб.> пройдешь третий дом. Прямо во дворы

копали [показывает расстояние траншеи, примерно метров 70]. Там копали, а потом гоняли [немцы] за станицу в лес. Ну лес был такой высокий, рубали. Вырубали, чтоб видать им было, когда партизаны идут» [6]. Рассказчицы подробно описывают свою ежедневную тяжелую, традиционно «мужскую» работу, которую им пришлось выполнять в отсутствие мужчин. Однако в таком замещении не прослеживается равенства полов, а наоборот, подчеркиваются патриархальные отношения. Дело в том, что война — это прежде всего сражения на передовой. И это — удел мужчин. Освободившиеся рабочие места в тылу и на временно оккупированной территории вынужденно занимают женщины, работая на передовую, но оставаясь в тени славы.

Более активное изменение ролей наблюдается в послевоенной жизни. Существовали представления о том, что женщина заменила мужчину в быту, в поле и на производстве во время войны, но в послевоенной жизни она не смогла выполнять квалифицированную мужскую работу. Война ускорила массовое вовлечение женщин в низкоквалифицированный труд, женщинам приходилось осваивать чисто «мужские» профессии. Вспоминает М. Ф. Колосова: «Ой, работали, и на табаке работала, и сажали, и убирали. Я удивляюсь, как сейчас работают, и как мы работали. Встанешь еще темно, печку натопишь, чуреков напечешь, тогда же хлеба не было. Чуреков из кукурузной муки напечешь, каши наваришь, бутылку молока нальешь, яйца сварить, все в корзину положишь и пойдешь в поле, а сестра дома останется... Утром встал в пять часов, печку затопил, побежал корову подоил, корову отогнал, все понаварил и пошел на работу. А вечером на плече дровину несешь домой, ее ж никто не привезет, а мы в центре жили, а надо ее еще порубать в печку положить» [9]. В восстановительный период, когда остро ощущалась нехватка мужских рук, женщины самоотверженно брались за любую работу. С постепенным возвращением мужчин они опять стали выполнять традиционно закрепленную за ними в общественном патриархальном сознании домашнюю работу. Создание своих семей и рождение детей сводило на нет возможную эмансипацию женщин в плане освоения традиционно «мужских» профессий. На уровне сознания у сельских жительниц, переживших оккупацию, никаких изменений не происходило, что наглядно показывают материалы воспоминаний. Большинство информанток (равно как и авторы воспоминаний из числа бывших партизанок и подпольщиц) в повествование о своем военном опыте зачастую вплетают рассказ о близких мужчинах, сражавшихся на передовой или руководивших партизанскими отрядами. Это они завоевывали Победу, их дела достойны быть сохраненными в общественной памяти. Женщины же сами себе отводят второстепенные позиции в рассказе о военных событиях. Материалы письменных воспоминаний не убеждают исследователей в психологическом росте женщин в послевоенное время. Участие в войне для них — это долг, который они выполняли перед Родиной. С наступлением мирной жизни женщина стала исполнять традиционно приписываемые ей второстепенные роли. Поэтому часто женские воспоминания представляют скорее рассказ о фронтовых друзьях-мужчинах, их ратных подвигах, чем описание своей роли в борьбе с врагом. С. Я. Тюрикова, до войны заведовавшая отделом детской литературы в районной библиотеке, а в 1942 году ставшая бойцом курганинского отряда «Куба-

нец», писала: «Очень тяжело было терять своих друзей, однополчан, но еще больше разгоралась ярость и жажда мести фашистам за гибель боевых друзей, еще чаще мы стали ходить на боевые операции» [22]. Реальным побудительным мотивом участия в боевых действиях многие женщины называли отнюдь «неженское» чувство — месть за погибших. Мемуаристки и в послевоенное время считали, что месть за родных и близких, за свою Родину была главным мотивом участия женщин в Великой Отечественной войне.

Происходит своего рода субъектно-объектное замещение, когда говорящий Субъект — женщина отводит себе роль пассивного Объекта в повествовании. Таким образом, провозглашенное равенство полов в Советском государстве даже спустя годы обнаруживает свою утопичность. Объектные позиции женщины прослеживаются и во время Великой Отечественной войны, в период распределения и выполнения трудовых обязанностей советского человека, и в послевоенное время, когда женщины писали воспоминания, а также в настоящее время — момент проведения интервью.

Для женских воспоминаний характерно смещение акцентов с личного восприятия в публичную сферу. Много внимания они уделяют описанию событий, которые, по их мнению, имеют более важное значение, нежели их собственный военный опыт. Так, бывшая узница Л. И. Аvas описывает город Краснодар периода оккупации: «Все заводы были взорваны, все крупные дома, все... вот театр например, драматический, это ж старейший театр у нас в городе, красивый театр был, это где сейчас филармония находится, это был драмтеатр. Он был тоже и взорван, и сожжен. Потом, завод Седина горел, долго горел. Нефтеперегонный завод горел, вся Кубань горела, казалось. Потому что горящая нефть плывет. Неба не видно было. Это же летом было, в августе. Солнце такое, жара. Солнца и неба не видно было. Стоял такой дым, черно было все. Ну что, все горело, все горело. МЖК тоже очень долго горел. Да вообще большие заводы, измерительных приборов, потом, компрессорный, “Октябрь” завод, Темзаприбор. Все заводы были взорваны и все горело. Крупные дома горели» [5]. В настоящее время ветераны — частые почетные гости школьных классных часов. Ежегодно 12 февраля в городских школах проводится урок памяти, посвященный очередной годовщине освобождения Краснодара от оккупантов. Поэтому информантка пересказывает то, что ей неоднократно приходилось говорить на людях. Ее рассказ содержит не только лично пережитые впечатления, но и информацию, почерпнутую из других источников. Знание о войне, которое было сформировано общественной пропагандой и средствами массовой информации, в рассказе подкрепляется личным опытом.

Женские воспоминания показывают механизмы адаптации женской психики в экстремальных условиях — переключение внимания на, казалось бы, неважные детали (вокруг гибель, а она переживает, что у нее форма не того размера), слезы, которые помогают вынести переживания наружу и купировать их, забота о других. В связи с этим их воспоминания более эмоциональны и менее событийны по сравнению с мужскими: в них в изобилии присутствуют эпитеты, сравнения, лирические отступления, метафоры. Большая фактографичность мужских воспоминаний навредила им как источнику, поскольку они неоднократно редактировались архивными работниками. Женские воспоминания оказались более аутен-

тичными, чем мужские, хотя и в них прослеживается влияние социального заказа на героизацию прошлого. Подчеркнутая эмоциональность женщин выделяется не только учеными, но и самими мемуаристками, потому что это соответствует наиболее распространенным представлениям о женщине.

В женских воспоминаниях присутствует описание бытовых подробностей (недостаток продовольствия вообще и память о нехватке привычных продуктов, например, компонентов для горячих блюд): «Вместо хлеба пекла на всех партизан лепешки, причем не было сковороды — готовила на какой-нибудь железке; и все же все были сыты» [5]. М. Н. Колобова спустя много лет с горечью писала об отсутствии возможности сварить «первое», хотя тут же рядом рассказывала, как готовила похлебки из собранных в лесу корений. Такая алогичность делает женские воспоминания ценным источником по истории довоенной повседневности. Они косвенным образом свидетельствуют, что в представлении жительницы сельской местности основу пищевого рациона работоспособного мужчины должно составлять считалось «первое» (борщи, густые супы) — те самые типичные блюда, об отсутствии которых в военном быту мемуаристки жалели.

Женщины в партизанских отрядах особенно остро переживали трудности, связанные с бытовым хаосом. «После зачисления в партизанский отряд я, с разрешения командира, стала готовить питание для всех партизан. Сперва было очень трудно: не было то ложек, то посуды, то соли, то еще чего-нибудь» [3]. Ежедневная борьба с такими «мелочами», как отсутствие провизии, посуды и других необходимых в хозяйстве вещей, надолго осела в памяти женщин, столкнувшихся с подобными трудностями. И снова можно заметить, что организация жизни в партизанском отряде зачастую напоминала домострой, в котором воином, защитником Родины был мужчина, а женщина продолжала оставаться домохозяйкой. Условия жизни менялись, гендерные роли оставались традиционными.

Мемуаристки подчеркивают, что преодоление трудностей закаляло женский характер, делало женщину, как и других партизан, более выносливой и сильной. «У нас были такие тяжелые условия, что у всех партизан, в том числе и у меня, была зависть к убитым, но уйти из лесу, бросить уничтожать фашистов никто не думал. Также никто не сомневался в том, что мы победим» [2]. Можно представить, насколько велики были трудности и эмоциональная нагрузка, испытываемая женщинами, если спустя много десятилетий в воспоминаниях появляется страшная фраза «...была зависть к убитым».

Жительницы временно оккупированной территории Кубани подробно описывают проблемы, с которыми им пришлось столкнуться во время войны. Для многих отсутствие красивой одежды стало главным испытанием и предметом переживаний: «Еще когда здесь воинская часть зимой была, а мы уже и на женихов поглядывали, там и танцы какие-то. А не в чем идти. У меня отец шил башмаки какие-то, кожу выделывал сам и резал же, и хозяйство держал. Вот это, в каких-то башмаках, в каких-то страшных... в общем, в не в чем идти, было страшно. Это мое страшное воспоминание, что не в чем [идти]. И одеться не во что, и одеть нечего, ну там какие-то сандалии были, помню, когда война кончилась это 9 мая, да? Уже же лето, да? [Имеется в виду теплая погода.] А мне ну не в чем, идут все, наряжаются. А у нас тут эвакуированных вещей сколько, да мы вот такой капельки у них не брали. У него [знакового, хозяина вещей] 2 дочки, и

все же барахло у нас было. Они уже, когда пришли с Гузерипля, все отдали нам, да так они меня одарили вещами, дочки [знакомых] такие же как и я были. Так они столько поотдавали нам одежды, столько они надавали одежды ихней, девчачьей вот уже ношеной и хорошей» [7]. Как видим, личные переживания лишь косвенно связаны с ощущением войны. Даже в самые суровые годы испытаний женщина оставалась женщиной с традиционно приписываемым ей поведением. Красивая одежда, безупречный внешний вид являлись для девушки главной роскошью, которой она обладала и которой ее лишила война.

«У мамы пооставались платья, да еще матеряльчик она покупала, а так юбки поналатаем, какие пооставались, и их с собой на работу берешь, а в чистеньком идешь на работу, косыночку какую выкроешь и идешь в чистеньком. А там уже переодеваешься. Штаны какие были или нет не помню, а босяка ходили. Сестра идет в школу босяка. Вши были, чешешь их чешешь, моешь, моешь, а они все равно откуда-то берутся. Мылись щелоком. Стирала сама в деревянном корыте, а тетя пришла и говорит, что я не так стираю. Маруся, не так, а вот так надо. А когда еще бабушка и дедушка были живы, так я тогда подметала, а пыль до потолка летит, а дедушка взял и показал, как надо мести» [9]. Особая ценность женских воспоминаний, связанная с большой детализированностью второстепенных событий войны, важна для воссоздания истории и антропологии повседневности. Довоенный сельский быт в мемуарных источниках практически не отражен. Но о нем дают сведения воспоминания участниц партизанских отрядов и рассказы жительниц станиц и хуторов.

Следует отметить еще одну проблему, прежде практически не рассматривавшуюся в отечественной историографии, — опасность подвергнуться сексуальному насилию. Статья Н. Тэк «У партизан: судьба женщины» [21] одна из первых публикаций, в которых сделана попытка прояснить «покрытую мраком» тайну женского опыта жизни в лесу среди мужчин. В настоящее время использование командирами своего служебного положения для сексуального домогательства к подчиненным военнослужащим-женщинам в годы войны подтверждается отдельными, весьма фрагментарными свидетельствами. Так, связистка В. С. Ерохина указывает на доведение такими преследованиями отдельных женщин до самоубийства [15, с. 6]. Фронтовик Ю. П. Крымский отмечает факты, когда за изнасилования военнослужащих-женщин офицеров отдавали под суд, отправляли в штрафные роты, а иногда даже расстреливали. Этой проблеме было посвящено специальное совещание командно-политического состава РККА в 1943 году [11]. Согласно приказу Наркомата Военно-морского флота № 0365 от 6 мая 1942 года из 21 292 женщин, призванных на флот в 1942 году, 1878 чел., или 8,8 %, были уволены за «распушенность в поведении» и «по беременности» [10, с. 124]. В мемуарах об этом прежде было не принято писать, что объясняется расхождением с официальной политикой памяти о войне. В настоящее время большинство рассказчиц отказываются говорить на тему сексуальности на войне.

Отвечая на вопрос: «Какое отношение было у солдат к женщинам в части», информант сказал: «У нас медсестра одна была и все. Отношение было к ней как к солдату. Вообще запрещалось это все» [8]. Этим ответом он сразу пресек попытки исследователя узнать подробности межличностных отноше-

ний. Следуя логике анализа вербального текста, смеем предположить, что сексуальные отношения между мужчинами и медсестрой были на лицо в данной части (зачем же тогда запрещать то, чего не было в действительности?). Во-первых, информант не хочет говорить об этом, чтобы не скомпрометировать себя в глазах настоящей жены, присутствовавшей во время интервью, а во-вторых, открыто говорить ему мешает созданная государственной идеологией официальная память о войне, в которой нет места подобным сюжетам. Наоборот, в советское время постоянно тиражировался миф о дружбе между представителями различных национальностей, равно как и между мужчинами и женщинами, ковавшими Победу.

Своеобразным способом адаптации к фронтовым условиям, продиктованным как стремлением избежать насилия, так и найти «легкие» возможности для удовлетворения тех или иных потребностей, можно считать появление «походно-полевых жен» (ППЖ). В обмен на сексуальные услуги, оказываемые вышестоящим офицерам, нередко имевшим семьи в прежней, гражданской жизни, такие женщины получали покровительство и защиту, более калорийную пищу, для них снижался риск погибнуть в бою. Впрочем, положение ППЖ было нестабильным, их могли «отставить» по тем или иным обстоятельствам, и тогда они чаще всего лишались всех благ.

Сексуальные отношения на войне могут рассматриваться в связи с проблемой существования проституции. Естественно, что многие женщины оказывали интимные услуги в силу определенных обстоятельств. Экстремальная ситуация, жизнь последним днем, трагические события личной и семейной жизни могли способствовать падению морали. Однако не были исключением и такие женщины, которые специально заводили любовные отношения для сохранения своей жизни. Удовлетворение маскулинного субъекта состоит в подтверждении своей власти, а феминного — в получении социальных или материальных благ и т. п. «Ну так мало кто об этом говорит, конечно было, что найдешь себе офицера и с ним, потом в часть другую перекинут и там уже с полковником каким-нибудь. Некоторые поженились» [8]. Проституция, порожденная патриархатом, в экстремальных условиях ведения войны продолжала легитимировать неравенство субъектов в поле сексуального Желания и Наслаждения [20]. Указание информанта на невысокий процент женитьбы в послевоенное время говорит о властном характере интимных отношений в военное время. В мирное время женщине не нужно было искать покровителя среди командного и офицерского состава, поэтому такие отношения прекращались.

Итак, долгое время в отечественной историографии господствовал «героический» взгляд на участие женщин в Великой Отечественной войне, влияние которого продолжает сказываться и в настоящее время. Параллельно ему в последние годы сформировалось «трагическое» направление, акцентирующее внимание на трудностях, которые пришлось пережить женщинам во время войны. Сложившиеся шаблоны в изображении событий военного времени не отражают всей специфики рассматриваемой проблемы, а в воспоминаниях женщин — участниц войны тесно переплетаются элементы официального и личного.

Библиографический список

1. *Алексеевич С.* У войны не женское лицо: Повести. М., 1988.
2. *Белянская Н. А.* Воспоминания о подпольной работе в г. Краснодаре в 1942 г. Рукопись. Машинопись. 1977. 16 л. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1348. Л. 16.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 94. Л. 154.
4. *Иванова Ю. Н.* Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002.
5. Интервью с Аvas Л. И. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК01.
6. Интервью с Барковой Р. А. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК08.
7. Интервью с Беловицкой Н. Г. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК09.
8. Интервью с Гарковыми С. И. и Е. М. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК04.
9. Интервью с Колосовой М. Ф. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК10.
10. *Каценко Е. А.* Сексуальная культура военнослужащих: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1994.
11. *Ключников А.* Любовь на фронте // Аргументы и факты. 2000. № 19.
12. *Кондакова Н. И.* Трудовой подвиг советских женщин в годы Великой Отечественной войны // Великая победа советского народа, 1941—1945. М., 1976.
13. *Миц С. С., Реброва И. В.* «Женское» в региональных воспоминаниях о Великой Отечественной войне // Клио: Журн. для ученых. 2006. № 3 (34).
14. *Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974.
15. Не женское это дело — война // Комсомольская правда. 2000. 14 апр.
16. *Непочатая Н. И.* Женщина в армии: социально-статистический обзор // Герценовские чтения: Актуальные проблемы политологии и социологии. СПб., 2000.
17. *Николаева К. И., Карасева Л. М.* Великая Отечественная война и советская женщина. М., 1941.
18. *Петренко В. В.* Воспоминания бывшего командира партизанского отряда «Шторм» о боевых действиях партизанского отряда в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1980. 177 л. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1128. Л. 158.
19. *Сенявская Е. С.* Женщина на войне глазами мужчин: (Психологический экскурс в историю России) // Российская ментальность: Методы и проблемы изучения. М., 1999. Вып. 3. Мировосприятие и самосознание российского общества.
20. *Суковатая В.* Сакральная проституция и Власть: феминистский анализ дискурсов // Иной взгляд. № 2. <http://envila.iatb.by/g-center/another2/index/html>
21. *Тэк Н.* У партизан: судьба женщины // Женщины на краю Европы / Под ред. Е. И. Гаповой. Минск, 2003.
22. *Тюрикова С. Я.* Воспоминания о боевых действиях партизанского отряда «Кубанец» Курганинского района в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1971. 7 л. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 936. Л. 1.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

И. Р. Чикалова

ЖЕНЩИНЫ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (1991—2008 гг.)¹

В Советском Союзе привлечение женщин к работе в советах всех уровней являлось следствием государственного проекта пропорционального представительства в них разных социальных групп и обеспечивалось с помощью квотирования для женщин в пропорции 33 % в Верховном Совете союзной республики и 50 % в местных советах. На практике при одномандатной системе выборов число женщин в Верховном и местных советах оказывалось еще выше: по результатам выборов 1985 г. в Верховном Совете БССР они составляли 37 %, в местных — 50 %. Отдельные женщины занимали высокие посты в органах исполнительной власти БССР. Например, министром просвещения БССР работала Е. И. Уралова (1938—1947), первым заместителем министра просвещения БССР — А. И. Концевая (1968—1982), заместителем министра социального обеспечения БССР — У. Ф. Кришталевиц (1974—?). Женщины дважды назначались и продолжительное время занимали пост заместителя Председателя Совета министров БССР (Е. И. Уралова, 1950—1958, и Н. Л. Снежкова, 1970—1984). Тем не менее, эти примеры являются исключением из общего правила.

С распадом СССР меры по поддержанию гендерной симметрии в органах власти были упразднены, а структуры, обеспечивающие возможность совмещения женщинами материнской и профессиональной функций, подорваны: закрывались детские сады, внешкольные учреждения, оказалась в кризисе система социальной помощи и социальной работы. Новые политические и социальные обстоятельства стали вызовом для женщин, но не для мужчин, поскольку и в прежние времена они никогда не сталкивались с трудностями совмещения функций родительства и профессиональной реализации.

Изменившаяся обстановка и упразднение квот одномоментно продемонстрировали, что в политике женщины не являлись «игроками на своем поле». В начале 1990-х гг. резко снизилось их участие в представительных органах власти на всех уровнях: национальном, областном, городском, районном, сельском. Например, в Гомельской области в областном совете народных депутатов

© Чикалова И. Р., 2008

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта БРФФИ — РГНФ № Г07Р-001.

доля женщин в упала с 48 % по итогам выборов 1985 г. до 11 % в 1990-м; в районных советах — с 49 до 23 %; в сельских советах — с 50 до 34 % [6, с. 19]. Законодательный орган страны, в свою очередь, немедленно приобрел исключительно мужской облик: женщины составили лишь 3 % (13 человек) среди депутатов однопалатного Верховного совета 12-го созыва (1990—1995) и 4 % (9 человек) среди депутатов однопалатного Верховного совета 13-го созыва (1995—1996).

Проведенная в 1996 г. конституционная реформа затронула и парламент страны. Он был переименован в Национальное собрание Республики Беларусь и превратился в двухпалатный: Палата представителей представляет интересы граждан страны, Совет Республики — интересы территорий.

В сформированной после референдума 1996 г. Палате представителей Национального собрания первого созыва (1996—2000) осталось всего 5 женщин-депутатов (или 4,5 %), три из которых были задействованы в качестве заместителей председателей постоянных комиссий (по национальной безопасности; по проблемам чернобыльской катастрофы, экологии и природопользованию; по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу). Еще одна женщина была включена в состав Постоянной комиссии по международным делам и национальной безопасности. Делегированием 4 из 5 имевшихся в парламенте депутаток в состав постоянных комиссий сглаживалось бросающееся в глаза крайне малочисленное присутствие женщин в Национальном собрании. Они оказались представлены в работе комиссий непропорционально их численности в депутатском корпусе, благодаря чему стали более заметными в деятельности законодательного органа.

Дополнительно к этому удручающая картина с представительством женщин была несколько исправлена делегированием от областей и назначением Президентом А. Г. Лукашенко 18 женщин в Совет Республики (28,6 % от общего количества). В этом случае впервые негласно произошел возврат к квотированию женщин, у многих вызывавшему сомнение. В дальнейшем принцип нормированного представительства женщин (18 человек, или около 30 %) в Совете Республики будет соблюдаться. Женщина (Т. Н. Дудко) даже стала заместителем председателя Совета Республики первого созыва. Одна женщина (И. М. Дробышевская) была избрана председателем Постоянной комиссии по социальным вопросам; 3 — заместителями председателей постоянных комиссий (по законодательству и государственному строительству; по социальным вопросам; по региональной политике).

Таким образом, на протяжении 1990-х гг. в электоральной политике женщины абсолютно проиграли мужчинам. Трансформация политической системы белорусского общества происходила в условиях, когда женщины не смогли четко артикулировать и идентифицировать свои интересы. Тем не менее эти годы не были потерянными для женщин. В первое постсоветское десятилетие было образовано несколько десятков женских организаций. Инициаторами создания женских движений и организаций во многих случаях оказались чрезвычайно активные в прошлой политической системе лидеры Коммунистической партии и комсомола. Данное обстоятельство не удивительно: официальные представители женщин в структурах власти были подготовлены к актив-

ной общественной деятельности всей своей предшествующей жизнью и навыками организаторской работы среди женщин. Идеологическим обеспечением политической активности женских организаций на первом постсоветском этапе явились критические замечания в адрес государственной политики и признание того, что в Советском Союзе было не фактическое, а формальное равенство женщин и мужчин. Содержанием их деятельности стала защита женских интересов, сумма которых в новых условиях не была до конца сформулирована, но центральным являлся тезис о «естественном предназначении» женщины.

При всей кажущейся незначительности достижений женского движения на первом постсоветском этапе оно сыграло свою позитивную роль. Наибольшего развития на этом этапе достигли организации, которые не только поддерживали традицию официального женского движения советского времени, но и сделали существенный шаг вперед, сумев превратиться в реальный феномен общественной жизни. В 1991 г. состоялась учредительная конференция объединения «Белорусский Союз женщин», который превратился в наиболее влиятельную женскую организацию. Как отмечает Г. Шатон, первый этап становления женского движения Беларуси во многом носил не политический, а социально-благотворительный характер, но значение его велико и определяется следующими параметрами:

- политически активные женщины-лидеры получили шанс на дальнейшее существование на арене политической жизни, что позволило сохранить женское лидерство как феномен политики;
- женщины получили возможность проходить школу политической социализации в различных организациях;
- женщины получили шанс, пусть и ограниченный, заявить о своих правах, а иногда и получить конкретную помощь в кризисных ситуациях;
- политическая жизнь страны стала более разнообразной и приближенной к традиционным моделям демократических политических систем;
- расширились контакты с западными партиями, движениями и фондами: фактически появился канал дополнительной политической коммуникации с западными демократиями. Значение этого фактора трудно переоценить, особенно учитывая интерес к гендерной проблематике на Западе [17, с. 26].

Со второй половины 1990-х гг. женские организации начали проводить серьезную работу по мобилизации и обучению женщин в качестве будущих лидеров и осознанию себя важной составной частью электората страны. Результаты не заставили долго ждать. С начала 2000-х гг. отмечается рост электоральной активности женщин, которые стали более активно выдвигать себя в качестве кандидатов на парламентских выборах. С другой стороны, население начало более лояльно относиться к факту избрания женщин. Стереотип «В политике женщинам нет места» был поколеблен и стал заменяться иным, более позитивным отношением к женщинам-кандидатам, что продемонстрировали итоги очередных выборов в парламент страны второго и третьего созывов. Если в Палату представителей второго созыва (2000—2004) выборы привели 14 (13,5 %), то в Палату представителей третьего созыва (2005—2009) — уже 32 женщины (28,2 %) [1]. Таким образом, потребовалось 15 лет, чтобы впервые

за годы суверенитета женщины составили третью часть депутатского корпуса обеих палат парламента страны. Этот результат тем более впечатляет, что ни в одной из политических партий (кроме ликвидированной в 2007 г. решением Верховного суда женской партии «Надзеі»²) нет специальной программы продвижения женщин во властные структуры и фиксированных квот представительства женщин в руководящих партийных органах³.

Рассмотрим сквозь гендерные линзы руководящий состав Национального собрания Республики Беларусь второго и третьего созывов.

В Совете Республики второго созыва:

- два из семи членов Президиума Совета республики — женщины;
- две из шести постоянных комиссий возглавляли женщины;
- в двух постоянных комиссиях женщины работали в качестве одного из двух заместителей председателей. Причем в Комиссии по социальным вопросам обеими заместителями председателя являлись женщины [10, с. 251—253].

В Совете Республики третьего созыва:

- один из семи членов Президиума Совета республики — женщина;
- одну из шести постоянных комиссий возглавляет женщина;
- во всех постоянных комиссиях за исключением Комиссии по международным делам и национальной безопасности женщины работают в качестве заместителей председателей. Причем в двух из них (по экономике, бюджету и финансам; по демографической безопасности и социальному развитию) обеими заместителями председателя являются женщины [8].

В Палате представителей второго созыва:

- 3 из 22 членов Совета Палаты представителей — женщины;
- в числе председателей 14 и заместителей 10 постоянных комиссий не было ни одной женщины;
- в трех постоянных комиссиях (по международным делам и связям с СНГ; по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу; по проблемам чернойбыльской катастрофы, экологии и природопользованию) в числе трех заместителей председателя работало по одной женщине;
- в одной постоянной комиссии (по жилищной политике, строительству, торговле и приватизации) в числе трех заместителей председателя было две женщины;
- все 14 женщин-депутатов Палаты представителей были задействованы в том или ином качестве в работе постоянных комиссий [9, с. 22—27; 10, с. 244—250].

---

² Женская партия «Надзея» была основана в 1994 г. с целью вовлечения женщин в активную социально-политическую жизнь, в проведение социальных и экономических реформ. Приоритетными направлениями деятельности партии были защита семьи, материнства и детства.

³ Так, удельный вес женщин в общей численности членов различных политических партий составляет от 20 до 50 %, а в руководящих партийных органах колеблется от 2 до 15 %.

В Палате представителей третьего созыва:

- 6 из 22 членов Совета Палаты представителей — женщины;
- в числе председателей 14 постоянных комиссий нет ни одной женщины;
- женщины отсутствуют среди заместителей председателей трех постоянных комиссий (по законодательству и судебно-правовым вопросам; по национальной безопасности; по аграрным вопросам);
- в четырех постоянных комиссиях (по государственному строительству, местному самоуправлению и регламенту; по международным делам и связям с СНГ; по денежно-кредитной политике и банковской деятельности; по охране здоровья, физической культуре, делам семьи и молодежи) в числе трех заместителей председателя имеется по одной женщине;
- в трех постоянных комиссиях (по правам человека, национальным отношениям и средствам массовой информации; по проблемам чернобыльской катастрофы, экологии и природопользованию; по труду, социальной защите, делам ветеранов и инвалидов) в числе трех заместителей председателя — по две женщины;
- в двух постоянных комиссиях (по международным делам и связям с СНГ; по промышленности, топливно-энергетическому комплексу, транспорту, связи и предпринимательству) среди четырех заместителей председателя — одна женщина;
- женщины особенно широко представлены в руководстве двух постоянных комиссий: в числе четырех заместителей председателя комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу — три женщины; наконец, все три из трех заместителей председателя комиссии по жилищной политике, строительству, торговле и приватизации — женщины [9, с. 29—33; 7].

Анализ данных показывает, что значительное увеличение числа женщин в депутатском корпусе Палаты представителей третьего созыва по сравнению с предыдущим привело и к их более весомой представленности в ее руководящих структурах. Одновременно женщины стали заметнее в работе постоянных комиссий Совета Республики третьего созыва при примерно одинаковом их проценте от общего числа сенаторов в обоих созывах палаты.

Повышается вовлеченность женщин в работу выборных местных советов депутатов всех уровней, а также их занятость в органах исполнительной власти. Так, если в 1999 г. на выборах в местные советы депутатов всех уровней было избрано 8827 женщин, то в 2003 г. — 10 422 женщины, что составляет 37 и 44,4 % от численности депутатского корпуса соответственно. Таким образом, доля женщин-депутатов в органах местной власти заметно повысилась. Однако при общем достаточно высоком проценте в составе местных советов депутатов, женщин в них представлено тем меньше, чем выше уровень совета. Они сосредоточены в основном на самых низких уровнях местных советов, где нет достаточных финансовых и технических ресурсов для серьезного влияния на решение проблем.

Целый ряд факторов привел к активизации женщин в электоральной политике. К ним относится и регулярно звучащая в выступлениях Президента Беларуси А. Г. Лукашенко поддержка идеи большего включения женщин в поли-

тику. В условиях сильной президентской власти отношение лидера страны к тем или иным проблемам играет особую роль. За президентской риторикой внимательно следят руководители на местах. Так, в выступлении главы государства на совещании по вопросам подготовки и проведения предстоящих выборов депутатов Палаты представителей 27 февраля 2004 г. прозвучала мысль о том, что «будущий парламент должен быть высокопрофессиональным и *всесторонне сбалансированным*. Дстойное место в нем должны занять *женщины*, молодежь, ветераны, ведь они лучше всех знают проблемы тех слоев населения, которые они представляют» [13] (здесь и далее курсив мой. — И. Ч.). Идея необходимости создания условий для совмещения женщинами родительских функций и участия в управлении проводится в докладе Президента на Третьем Всебелорусском народном собрании: «Сегодня *женщины*, как я уже сказал, играют очень большую роль в обществе. И надо создавать все условия, чтобы *женщина* и при наличии детей могла активно и плодотворно работать, участвовать в общественной жизни и в управлении государством» [2]. Наиболее пространное и отчетливое заявление по этому поводу прозвучало в Послании Президента парламенту страны в 2004 г.: «... должны быть здесь представлены и ветераны, и молодежь, и особенно *женщины*. *Женщин в Парламенте не должно быть меньше 30—40 процентов*. Тогда Парламент будет стабильным, спокойным. От женщины всегда исходит доброта. И остальная часть мужиков будет хорошо работать. Поэтому я буду *всячески поддерживать тенденцию на большее присутствие в Парламенте женской части нашего общества*. Попрошу и органы власти на местах поддерживать эти процессы, и мужиков-депутатов, которые окажутся в округе вместе с женщинами, чтобы они, может, даже и уступили, дали возможность женщинам поработать. В Советах женщины должны быть представлены очень широко. Это и фактор стабильности» [11].

Помимо открытой поддержки идеи расширения женского представительства в управлении государством со стороны его главы, как отмечает депутат Палаты представителей, член правления Белорусского союза женщин Л. Кашенкова, росту женской активности способствовали такие факторы, как высокая образованность и профессионализм женщин, их большая осведомленность по важным вопросам, касающимся развития общества; активное выполнение Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2001—2005 гг.; наступательная позиция женских организаций, которые подготовили общественное мнение избирателей по поддержке кандидатур женщин; убедительный пример других стран, в частности Скандинавских, в которых достигнут как самый высокий уровень представленности женщин в парламентах, так и самый высокий уровень их продолжительности жизни, успешно решаются проблемы экологии и безработицы; положительная роль средств массовой информации [4, с. 18—19]. Уже в ходе предвыборной кампании 2004 г. выступления женщин в массовых аудиториях воспринимались, как отмечает Л. Кашенкова, «более лояльно, дружелюбно, чем выступления мужчин-кандидатов», ибо «женщины более обязательны в выполнении своих обещаний и предвыборных программ; слово женщины — кандидата в депутаты более эмоционально, доступно, затрагивает интересы простого человека; через женщину — кандидата в депутаты избиратели хотели передать проблемы, вол-

нующие женщину-мать, женщину-семьянина, женщину-профессионала; избиратели несколько устали от мужчин-политиков» [4, с. 19].

В то же время противоречивая картина складывается с представительством женщин в структурах исполнительной власти. Исполнительную власть в республике осуществляет правительство — Совет министров — центральный орган государственного управления. В его состав входят премьер-министр, пять его заместителей, 27 министров и 16 председателей государственных комитетов, а также глава Администрации Президента Республики Беларусь, Председатель Комитета государственного контроля и Председатель Правления Национального банка.

На протяжении 1990-х — начала 2000-х годов правительство республики, за редкими исключениями, состояло исключительно из мужчин. Например, в 1995 г. две женщины занимали пост министра (социальной защиты и здравоохранения), семь — заместителей министра (юстиции, образования, статистики, социальной защиты, промышленности, архитектуры и строительства, энергетики) [6, с. 17]. В 1997 г. в Совете министров не было ни одной женщины; должности заместителя министра занимали 10 женщин в следующих министерствах: архитектуры и строительства, здравоохранения, иностранных дел, промышленности, связи и информатики, социальной защиты, статистики и анализа, топлива и энергетики, труда, юстиции. В 2000 г. в Совете министров была только одна женщина — министр социального обеспечения (О. Даргель); должность заместителя министра занимали 10 женщин. Не намного лучше обстояли дела и в аппарате Совета министров, в котором женщины составляли 29,4 %, причем только одна из них занимала должность заместителя начальника управления. В 2004—2005 гг. в Совете министров было три женщины — министры труда и социальной защиты (А. П. Морова), здравоохранения (Л. А. Постоялко, 2002—2005), по налогам и сборам (А. К. Дейко); от 8 до 11 женщин занимали должность заместителя министра. Однако уже в 2007 г. в Совете министров осталась только одна женщина (министр по налогам и сборам А. К. Дейко).

Одновременно отмечалась общая тенденция увеличения числа женщин среди работников ключевых министерств и ведомств. Практически во всех министерствах занятость женщин абсолютно и относительно возросла. Так, по состоянию на 1 января 1994 г. удельный вес женщин в составе специалистов Министерства торговли составил 77 %, Министерства юстиции — 74 %, Министерства ресурсов — 64 %, Министерства экономики — 6 %, Министерства финансов — 58 % [там же]. В остальных, за исключением силовых (Министерства внутренних дел и Министерства обороны) доля женщин находилась в диапазоне от 30 до 50 %. На сегодняшний день в 17 из 27 министерств удельный вес женщин превышает 50 %. Однако среди руководящих работников женщин гораздо меньше, основная их часть сосредоточена на должностях главных специалистов. Обладая высоким образовательным потенциалом, женщины заняли формально достойное место в органах государственного управления. На 1 ноября 2005 г. из 52 796 государственных служащих женщин было 34 931, или 66,0 %. Их удельный вес в республиканских органах составил

56,8 %, в областных и г. Минске — 56,8, в районных и городских — 73, в сельских и поселковых исполнительных комитетах — 74,4 % [15, с. 148—150].

Судебная ветвь власти представлена на национальном уровне Конституционным судом, Верховным судом и Высшим хозяйственным судом. Конституционный суд формируется на 11 лет в составе 12 членов. Шесть судей назначаются Президентом Республики Беларусь, шесть — избираются Советом Республики Национального собрания. С 1997 по 2007 г. судьями Конституционного суда являлись 5 женщин. В новом составе Конституционного суда, сформированном в 2008 г., 4 женщины: 3 из них (Л. Г. Козырева, В. В. Подгруша, О. Г. Сергеева) были назначены Президентом [16], а одна (Т. С. Бойко) 13 февраля 2008 г. избрана Советом Республики Национального собрания [14]. В составе 20 членов Высшего хозяйственного суда насчитывается 7 женщин; в его руководстве женщина занимает одну из трех должностей заместителя председателя [12]. В целом, в органах судебной власти женщины представлены очень широко: их доля среди судей составляет 46,4 %, адвокатов — 62,9, государственных нотариусов — 93,4 %.

Согласно данным на конец 2005 г. во всех отраслях народного хозяйства Беларуси работало 2 112 589 женщин и 1 881 687 мужчин, из их числа статус руководителя имели 8,6 % женщин и 11,5 % мужчин [3, с. 91, 93]. Конкретизация этих общих данных показывает более сложную структуру властных взаимоотношений в отдельно взятых отраслях народного хозяйства и культуры. Из 21 зафиксированной статистикой отрасли в 12 большинство руководящих должностей принадлежало мужчинам, в 9 — женщинам. Из общего числа руководящих должностей женщины занимали: в сфере культуры — 75 %, в образовании — 70, в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении — 63, в искусстве — 52 %. В этих отраслях женщины-руководители уже достаточно давно утвердились на различных уровнях служебной иерархии, но подвижки произошли и в таких областях, где прежде мужское доминирование было неоспоримым. В системе связи женщинам принадлежало 73 % должностей руководителей, в непроизводственных видах бытового обслуживания населения — 62, в сфере заготовок — 60, в торговле и общественном питании — 58 %. Женщины с 44 % занятых руководящих должностей значительно приблизились к паритету с мужчинами в информационно-вычислительном обслуживании народного хозяйства. Активную роль начали играть женщины в ряде отраслей рыночной экономики. В системе, по официальной терминологии, общей коммерческой деятельности по обеспечению функционирования рынка им принадлежало 43 и в операциях с недвижимым имуществом — 44 % руководящих должностей. Иная ситуация в сфере материального производства. Здесь на долю женщин приходилось 36 % руководящих должностей в промышленности, 41 — в сельском хозяйстве, 14 — в лесном хозяйстве, 24 — в строительстве, 26 — на транспорте, 41 — в геологии и разведке недр, геодезии и гидрометеорологии, 36 % — в организациях материально-технического снабжения и сбыта. Незначительное число руководящих должностей (29 %) занимали женщины в жилищно-коммунальном хозяйстве [3, с. 91—94].

Но весомость этих достижений снижается тем обстоятельством, что в «женских» отраслях народного хозяйства и в управленческой деятельности

экономических и государственных органов явно выражено преимущество женщин только на нижних и средних ступенях иерархической лестницы и исчезает на ее высших ступенях. Женщины широко представлены только на уровне специалистов, начальников отделов и управлений. Их представительство в верхних эшелонах административно-политического руководства и управления экономикой незначительно. В 2004 г. в аппарате Совета министров Республики Беларусь женщины составляли 44 % от общего числа сотрудников, но только две из них занимали должности начальников отделов. В течение последнего пятилетия только три женщины (А. П. Морова, Л. А. Постоялко, А. К. Дейко) были министрами. Женщины составляют большинство сотрудников практически всех министерств, но занимают в них низовые должности. Практически «мужскими» по составу сотрудников являются Министерство обороны, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел. Ни одна женщина не работает председателем областного исполнительного комитета. В числе заместителей председателей исполнительных комитетов всех уровней только 22 % женщин. Развиваемая у женщин на протяжении многих лет становления личности «женская» модель поведения в сочетании с устоявшимся стереотипом о естественности мужского доминирования в конечном счете приводит женщин к заниженным притязаниям на успех и к более низким социальным ролям.

Подводя итоги, отметим следующее. В настоящее время Беларусь находится на 20-м месте среди государств по количеству женщин в парламенте [5]. Женщины занимают отдельные ответственные должности в аппарате президента, правительстве, а также являются руководителями крупных компаний, банков, принимают активное участие в бизнесе. Женщины назначались на важные должности заместителя главы Администрации Президента Республики Беларусь (Н. В. Петкевич, 2004 —), Председателя Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (Л. Ермошина, 1997—2002, 2002—2007, 2007—2012) и некоторые другие ответственные посты.

Тем не менее женщины ни разу не занимали должности премьер-министра и заместителя премьер-министра Беларуси, Председателя Совета Республики Национального собрания, Председателя Палаты представителей Национального собрания, Председателя Конституционного суда, Председателя Верховного суда, Председателя Высшего хозяйственного суда, главы Администрации Президента, государственного секретаря Совета безопасности, Председателя Комитета государственного контроля, Генерального прокурора.

Женщины широко представлены на средних ступенях служебной иерархии, они достигают позиций главных специалистов, консультантов, начальников отделов и управлений. Однако их представительство в верхних эшелонах власти и на верхних ступенях служебной иерархии остается незначительным. Препятствия, тормозящие процесс вхождения женщин в сферу политической деятельности, по-прежнему сильны, хотя уже и не непреодолимы.

Библиографический список

1. Биографические данные депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 2-го и 3-го созывов. Минск, 2004.
2. Доклад Президента на Третьем Всебелорусском народном собрании, 2.03.06 // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. <http://president.gov.by/press24121.html#doc> (дата обращения 21.02.2008 г.).
3. Женщины и мужчины Республики Беларусь: Стат. сб. Минск, 2006.
4. *Кашенкова Л.* Участие женщин Беларуси в органах законодательной власти: (Сравнительный анализ состава Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 2-го и 3-го созывов) // Женщина. Образование. Демократия: Материалы 7-й Междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 10—11 декабря 2004 г. Минск, 2005.
5. Комиссия ООН по положению женщин. 52-я сессия. Выступление Сергея Рачкова, заместителя постоянного представителя Республики Беларусь при ООН, 3 марта 2008 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. <http://www.un.org/russian/news/docs/belarus030308.pdf> (дата обращения 04.03.08 г.).
6. Национальный доклад о положении женщин в Республике Беларусь: (К IV Всемирной конференции по положению женщин). Минск, 1995.
7. Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. <http://house.gov.by/index.php/,1172,,,,,0,0,0.html> (дата обращения 12.02.2008 г.).
8. Официальный сайт Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. <http://www.sovrep.gov.by/index.php/.465....0.0.0.html> (дата обращения 12.02.2008 г.).
9. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, 1996—2006. Минск, 2006.
10. Парламент — Нацыянальны сход Рэспублікі Беларусь другога склікання. Минск, 2003.
11. Послание Президента Беларуси Парламенту, 14.04.2004 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь.
12. Руководство Высшего хозяйственного суда // Официальный сайт Хозяйственного суда Республики Беларусь. <http://www.court.by/high-court/> (дата обращения 23.02.08 г.).
13. Совещание у Президента Республики Беларусь по вопросам подготовки и проведения предстоящих выборов депутатов Палаты представителей // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь.
14. Сообщение пресс-центра Конституционного суда Республики Беларусь // Официальный сайт Конституционного суда Республики Беларусь. <http://ncpi.gov.by/ConstSud/rus/> (дата обращения 23.02.08 г.).
15. Труд и занятость в Республике Беларусь: Стат. сб. Минск, 2006.
16. Указ Президента Республики Беларусь от 19 февраля 2008 г. № 95 // Официальный сайт Конституционного суда Республики Беларусь.
17. *Шатон Г.* Женское политическое участие в Беларуси // Иной взгляд: Международный альманах гендерных исследований / Под ред. И. Чикаловой. 2000. Май.

Т. Б. Рябова

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР ОЦЕНКИ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

На первый взгляд характеристика субъектов политического процесса в гендерных терминах не имеет смысла. Политические партии, например, не могут быть ни мужественными, ни женственными. Тем не менее гендерные стереотипы постоянно вовлекаются в маркировку политиков, социальных и политических институтов (см. подробнее: [9, 10]), явлений, которые, казалось бы, не имеют непосредственного отношения к полу. Как мужественные или женственные характеризуются не только поступки людей, но и весь спектр социальных и политических процессов и явлений — будь то нации, классы, революции, войны [5, 8].

В данной статье будет проанализирована одна из важнейших функций гендерных стереотипов в политических предпочтениях россиян — их включение в оценку политических субъектов. Каким образом и с какой целью гендерные стереотипы используются для характеристики субъектов политического процесса?

Гендерные стереотипы обычно понимают как устойчивые схематичные и эмоционально окрашенные представления о персональных характеристиках мужчин и женщин. При этом под персональными характеристиками подразумеваются не только личностные качества, атрибутируемые представителям того или иного пола, но также поведенческие и эмоциональные характеристики, приписываемые мужчинам и женщинам¹.

Гендерные стереотипы являются одним из важных ресурсов власти. В течение длительного времени в науке господствовала интерпретация власти как прямого принуждения (с помощью физической силы, материальных, социальных или иных ресурсов); директивные трактовки власти до сих пор остаются наиболее распространенными [4]. Однако власть осуществляется не только через насилие, но и, например, в форме сигнификации и в форме легитимации. В качестве основных ресурсов власти в этом случае функционируют идеи, значения, представления и ценности, или то, что П. Бурдье называет символическим капиталом (см.: [20, р. 12—15]). Поскольку социальные стереотипы принимают участие в производстве значений и ценностей, вовлекаясь в организацию определенной картины мира и в оправдание, объяснение власти, то они становятся ресурсом власти — тем более эффективным, что стереотипные представления широко разделяются в обществе.

© Рябова Т. Б., 2008

¹ О дефинициях гендерных стереотипов подробнее см.: [15, р. 89; 7, с. 19—20; 11].

Вовлечение гендерных стереотипов в процессы сигнификации и легитимации обусловливается рядом причин. Пол является одним из важнейших факторов жизни человека. К полу апеллируют, поскольку он легко идентифицируется человеком, и стереотипные представления о характеристиках мужчин и женщин легко соотносятся с его или ее личным опытом. В организации властных отношений гендерные стереотипы играют особо значимую роль по причине способности гендера устанавливать социальную иерархию, причем не только мужчин и женщин, но и тех социальных объектов, которые обозначаются при помощи гендерных стереотипов. По оценке Дж. Скотт, гендер есть первичное средство означивания отношений власти [13, с. 422].

Иерархизация социальных объектов осуществляется по причине отождествления в патриархатной традиции мужского и женского с властью и подчинением. «Власть» соотносится с маскулинностью такими ее атрибутами, как сила, разум, воля, ответственность, активность, контроль, справедливость. Атрибуты же женственности — в числе которых пассивность, эмоциональность, пристрастность, внушаемость, слабость, беспомощность, нерешительность — связаны, скорее, с подчинением. Другое обстоятельство, которое необходимо учитывать, это то, что маскулинность и ее атрибуты оцениваются в системе координат власти выше, чем фемининность [16]. Именно поэтому власть репрезентируется как мужское в политической риторике, во-первых, и воспринимается как мужское на уровне обычных избирателей, во-вторых.

Иерархизированность мужского и женского, андроцентризм в оценке различий полов [3], помогает поддерживать властные отношения и социальную организацию общества в целом. Любой социальный объект (индивид, социальная группа, социальный или политический институт), охарактеризованный при помощи гендерных маркеров, то есть как мужественный или как женственный, принимает на себя весь набор ценностных атрибуций, связанных с восприятием гендерных различий.

Подобная гендерная маркировка социальных объектов осуществляется чаще всего при помощи гендерной метафоризации², которая определяется как перенос качеств и свойств, приписываемых мужчинам и женщинам, на социальные или природные феномены [6, с. 40—41]. Очевидно, маркировка объектов как женственных или как мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих качеств и соответствующего места в социальной иерархии. Не удивительно, что демонстрация собственной маскулинности используется как аргумент в борьбе за власть, а маскулинизация Своих и феминизация Чужих является обычным приемом внутри- и внешнеполитической борьбы [17, 10, 19].

Приписывание политическим субъектам гендерных характеристик может осуществляться при помощи непосредственного указания на их «пол». Не ме-

---

² Под метафорой понимают употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, для обозначения другого, сходного с данным класса объектов или единичного объекта. Одна из важнейших причин обращения к метафоре состоит в том, что она, работая как аналогия, является действенным способом объяснения структуры и функций вещей [2].

нее часто им атрибутируются «мужские» и «женские» качества и поступки. Чтобы проверить, насколько правомерно говорить о распространенности прямых гендерных маркировок политических институтов, мы попросили респондентов оценить ряд партий в категориях мужественности/женственности³. Формулировка вопроса была следующей: «Журналисты часто говорят не только о мужественности того или иного политика, но и о мужественности той или иной политической партии. Попробуйте оценить степень мужественности следующих политических партий». Распределение ответов приведено в таблице 1.

Таблица 1

Оценка респондентами мужественности/женственности политических партий, % от числа опрошенных

	Политические партии			
	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Яблоко»
Мужественная	36,4	14,4	15,3	5,2
Скорее мужественная	36,4	39,1	39,4	13,9
Скорее женственная	6,0	15,5	13,5	32,8
Женственная	3,1	2,9	4,8	15,7
Затрудняюсь ответить	18,1	28,1	27,0	32,3

В целом можно отметить устойчивую тенденцию маркировать «Единую Россию» как наиболее мужественную и «Яблоко» — как наименее мужественную. «Мужественной» и «скорее мужественной» назвали «Единую Россию» соответственно 36,4 и 36,4 % опрошенных, КПРФ — 14,4 и 39,1 %, ЛДПР — 15,3 и 39,4 %, «Яблоко» — 5,2 и 13,9 %. Подчеркнем, что такое использование понятий мужественности и женственности в отношении партий практически не зависело от возраста и образования респондентов. Фактором же, в наибольшей степени дифференцирующим ответы опрошенных, оказались их политические симпатии. Партии, взгляды которых близки респондентам, наделяются чертами мужественности; и наоборот, Чужие, то есть партии, которые значительно отличаются от Своих, феминизируются. Данные таблицы 2 помогают составить представление о том, в какой степени взгляды респондентов по исследуемой проблеме зависят от их партийных симпатий.

Особенно показателен разброс мнений респондентов по отношению к партии «Яблоко». В целом она феминизируется в наибольшей степени: «женственной» и «скорее женственной» ее называют 50,8 % сторонников «Единой России», 60,7 % сторонников КПРФ, 68,2 % сторонников ЛДПР, 62,5 % сторонников «Справедливой России». И лишь те, кто заявил о близости своей позиции к позиции «Яблока», убеждены в мужественности этой партии (69,3 %), оценивая ее по этому показателю выше, чем других. Сходным образом, как мы видим, определяют мужественность и женственность Своих и Чужих партий сторонники иных политических сил.

³ Опрос был проведен в Иванове в мае 2007 года. Выборка (N = 400, непропорциональная, стратификационная) репрезентативна для этого города.

Таблица 2

**Оценка респондентами мужественности/женственности политических партий
в зависимости от их политических предпочтений, % от числа опрошенных**

Степень мужественности и женственности	Взгляды какой партии Вам ближе?				
	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Яблоко»	Никакой
	«Единая Россия»				
Мужественная	68,3	14,3	36,4	15,4	21,1
Скорее мужественная	27,5	32,1	40,9	46,2	32,3
Скорее женственная	0,8	17,9	0	7,7	6,3
Женственная	0	10,7	9,1	0	1,4
Затрудняюсь ответить	3,3	25,0	13,6	30,8	28,9
	Коммунистическая партия Российской Федерации				
Мужественная	15,1	25,0	18,2	15,4	12,8
Скорее мужественная	40,3	46,4	50,0	15,4	32,6
Скорее женственная	17,6	7,1	13,6	30,8	12,8
Женственная	2,5	3,6	9,1	0	2,8
Затрудняюсь ответить	24,4	17,9	9,1	38,5	3,9
	Либерально-демократическая партия России				
Мужественная	21,6	3,6	54,5	0	
Скорее мужественная	43,1	35,7	22,7	46,2	
Скорее женственная	10,3	25,0	13,6	7,7	
Женственная	3,4	10,7	4,5	15,4	
Затрудняюсь ответить	21,6	25,0	4,5	30,8	
	«Яблоко»				
Мужественная	5,1	0	4,5	23,1	3,5
Скорее мужественная	10,2	7,1	13,6	46,2	13,4
Скорее женственная	34,7	35,7	36,4	7,7	31,7
Женственная	16,1	25	31,8	0	12,7
Затрудняюсь ответить	33,9	32,1	13,6	23,1	38,7

В свете подобных оценок логичным выглядит и тот набор качеств, который респонденты атрибутируют этим политическим партиям. Как мы и предполагали, опрашиваемые приписывали партиям качества в соответствии с теми гендерным маркировками, которые они дали им ранее: так, если «Яблоко» чаще называли «женственной» или «скорее женственной», то именно этой партии приписывали стереотипно женские качества (нерешительность, слабость и т. д.). Процент опрашиваемых, характеризующих партию «Яблоко» как пассивную, нерешительную, слабую составил соответственно 56,7, 46,6 и 46,3 % (эти же качества значительно реже приписывались КПРФ и ЛДПР и еще реже — «Единой России») (табл. 3).

Таблица 3

**Мнение респондентов о качествах политических партий,
% от числа опрошенных**

Качества	Политические партии			
	«Единая Россия»	КПРФ	«Яблоко»	ЛДПР
Сила	80,1	9,8	1,3	16,2
Забота	35,5	23,4	6,8	9,4
Решительность	45,2	15,2	5,5	43,3
Пассивность	5,4	21,8	56,7	9,4
Нерешительность	3,4	21,2	46,6	5,8
Разумность	51,0	17,7	9,8	12,3
Храбрость	25,3	10,4	3,6	40,8
Слабость	5,7	28,2	46,3	12,3
Верность убеждениям	32,7	53,2	9,4	28,2

При этом гендерные маркировки партий серьезно различаются в зависимости от политических предпочтений респондентов: например, ни один из сторонников «Яблока» не отметил пассивности своей партии, и лишь немногие указали нерешительность и слабость. Интересно, что больше половины опрошиваемых, назвавших храбрость как характеристику «Яблока», являются сторонниками данной партии. Та же тенденция обнаруживает себя в отношении остальных партий. В наибольшей степени с помощью маркеров мужественности оценивалась партия «Единая Россия» — и не только среди сторонников.

Анализируя роль гендерных стереотипов в политических предпочтениях, мы посчитали необходимым остановиться и на другом важном вопросе — какими качествами, по мнению респондентов, должен обладать политик. Мы предложили им сделать выбор из списка качеств, среди которых были и стереотипно мужские, и стереотипно женские характеристики. Среди вариантов ответов лидирующими стали: ум (71,4 %), честность (51,4 %), ответственность (51,4 %), решительность (46,9 %), справедливость (42,6 %), активность (39,6 %), самообладание (34,8 %), твердость убеждений (32,8 %), надежность (21,8 %), воля (20,1 %). Большинство из этих характеристик обычно определяются как мужские. Замыкали данный список традиционно «женские» миролюбие (9 %), тактичность (8,8 %), терпеливость (7 %), доброта, отзывчивость (6,5 %), эмоциональность (0,3 %). Каково гендерное измерение тех характеристик, которые в политиках не приветствуются? Из предложенного списка негативных качеств опрошиваемые выбрали: легкость смены убеждений (60,5 %), пассивность (59,3 %), нерешительность (53,5 %), трусость (52,5 %), слабость (45,5 %), жестокость (45,0 %), агрессивность (39,3 %), непредсказуемость (37,8 %), внушаемость (30,3 %), амбициозность (17,5 %); остальные варианты ответов набрали менее 15 %. Очевидно, большинство качеств, определенных респондентами как нежелательные для политика, входят в стереотип женщины (исключениями являлись трусость, которую опрошенные считают присущей и тому и другому полу, а также жестокость, агрессивность, амбициозность, кото-

рые обычно приписываются мужчинам). Таким образом, тезис об андроцентризме политической сферы находит подтверждение в том, что более высокую оценку получают те характеристики политиков, которые связаны с деятельностью (инструментальные качества) и одновременно являются составляющими стереотипа мужчины; напротив, «женские», экспрессивные черты рассматриваются скорее как недостаток для «идеального политика».

Поскольку предпочтительными качествами политика являются именно те, которые входят в стереотипный образ мужчины, то резонно предположить, что тот, кто добился наибольшей политической власти, выглядит в глазах избирателей наиболее мужественным. Кроме того, и это было одной из гипотез исследования, оценки сопровождаются ингрупповым фаворитизмом. Свои должны восприниматься более позитивно, то есть в большей степени соответствовать канону маскулинности, между тем как Чужие — в меньшей.

В ответ на нашу просьбу назвать «настоящего мужчину» современной российской политики около половины респондентов (44,8 %) остановили свой выбор на В. Путине. Кроме него, чаще других назывались С. Иванов (5,8 %), В. Жириновский (5 %), С. Шойгу (4,8 %), Д. Медведев (3,5 %). В числе неоднократно упоминаемых — губернаторы и лидеры регионов (Ю. Лужков, М. Мень, А. Тулеев, М. Шаймиев, Р. Кадыров), министры и государственные чиновники (С. Лавров, Г. Греф), лидеры партий (С. Миронов, Б. Грызлов, Г. Зюганов).

В данном случае интересен не столько персональный список, составленный респондентами, сколько то, что послужило основанием для их выбора. Часть опрошенных (5,5 %) дали объяснения общего характера, которые, тем не менее, характеризуют их представление о мужественности; приведем некоторые из них: *только настоящий мужчина способен добиться столь высокого поста и поднять страну из небытия; он доказал свою мужскую состоятельность; обладает лучшими мужскими качествами; выполняет свою работу так, как должен выполнять мужчина; в нем чувствуется мужская сила характера.*

Представления о тесной связи мужественности с властью в наиболее явной форме отразились в таких неоднократно встречавшихся высказываниях, как «Путин — настоящий мужчина, потому что он президент». Иногда объяснением или иллюстрацией мужественности политика для опрошенных являлась связь политика с армией или силовыми структурами, его успехи в спорте (*...потому что он военный, спортсмен, бывший разведчик, представитель силовых структур, летчик*).

Однако значительно чаще респонденты просто отмечали личностные качества политика, которые, с их точки зрения, характеризуют его как мужчину. Перечислим самые называемые характеристики: ум (16,8 %), решительность (10,5 %), твердость убеждений (10,3 %), мужественность, мужская сила характера (9,5 %), сила (7,8 %), ответственность (6,3 %), активность, энергичность (5,8 %), честность (5,5 %), надежность, справедливость, «отвечает за свои слова» (по 4,5 %), образованность и компетентность (по 4 %), качества лидера, требовательность к себе и подчиненным, авторитет у подчиненных (по 3,5 %). Этот список характеристик «настоящего мужчины», предложенный респондентами, практически полностью укладывается в стандартный набор качеств, которые,

как было отмечено, составляют содержание стереотипа мужчины. Исключением являются лишь забота, тактичность и миролюбие (впрочем, такие описания мужественности встречались нечасто — соответственно 2,7, 2 и 0,7 %).

Ряд опрошенных (7,2 %) не предложили своего варианта «настоящего мужчины» в политике. Настоящих мужчин в российской политике нет — так полагала другая часть респондентов, и их аргументация также представляет интерес: *у них у всех отсутствует чувство ответственности; мужчина должен быть честным и иметь понятие о чести, а у наших политиков это отсутствует; политики лицемерны, а это не подобает настоящему мужчине; они только раздают обещания; они пассивны; они нерешительны; они легко меняют убеждения; они непредсказуемы.*

Проверяя гипотезу об ингрупповом фаворитизме, мы предложили респондентам оценить по пятибалльной шкале степень мужественности десяти известных политиков, среди которых были лидеры государств, главы регионов и политических партий.

В целом оценка респондентами мужественности этих политиков различалась от 2,1 балла у Г. Явлинского до 4,3 балла у В. Путина. При этом ни пол отвечающих, ни их возраст не выступили фактором, определяющим различия в оценках. Гипотеза о маскулинизации Своих получила подтверждение: основным фактором, дифференцирующим ответы респондентов на этот вопрос, явились именно их политические предпочтения. Симпатии к Своим политикам порождают не только представления об их решительности, силе, справедливости, но и уверенность в их мужественности.

Таблица 4

Оценка мужественности политиков в зависимости от политических предпочтений респондентов, баллы от 1 до 5

Политик	Взгляды какой партии Вам ближе?						
	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Яблоко»	«Справедливая Россия»	Никакой	В среднем
В. Путин	4,7	4,1	4,3	3,9	4,8	4,2	4,3
Д. Медведев	3,6	2,8	3,2	3,2	2,9	3,3	3,3
С. Иванов	3,9	3,2	3,7	4,1	3,7	3,4	3,6
В. Жириновский	3,3	2,7	4,7	2,6	3,3	3,0	3,1
С. Миронов	3,0	2,4	2,7	2,6	2,3	2,7	2,8
Г. Явлинский	2,8	1,8	2,4	3,3	2,4	2,0	2,1
Г. Зюганов	2,5	3,5	2,8	3,6	2,6	2,5	2,6
Дж. Буш	2,5	2,4	3,0	3,0	2,9	2,5	2,5
Э. Лимонов	2,1	2,7	2,7	2,7	2,7	2,3	2,3

Данные опроса показывают существенные расхождения мнений респондентов, сочувствующих той или иной партии, в отношении лидеров основных политических сил (табл. 4). Заметим, однако, что оценки мужественности В. Путина были высоки у сторонников всех партий (лишь сторонники «Яблока» поставили ему значительно меньший балл), что соответство-

вало стабильно высокому рейтингу президента; он являлся Своим для большинства населения. Степень же мужественности Г. Зюганова, Г. Явлинского, В. Жириновского их сторонниками и противниками оценивалась по-разному, что подтверждает тенденцию маскулинизации Своих и демаскулинизации Чужих. Так, у приверженцев ЛДПР наивысший балл получили В. Жириновский и В. Путин (по 4,3), между тем как Г. Зюганов и Г. Явлинский — соответственно 2,8 и 2,4. Аналогичным образом сторонники «Единой России» были не слишком высокого мнения о маскулинности Г. Явлинского и Г. Зюганова, оценивая собственного лидера, В. Путина, по этому критерию очень высоко — большинство из них (71 %) были уверены, что он заслуживает «пятерки» (низший балл В. Путину поставили только 0,3 % респондентов). Среди сторонников КПРФ никто не удостоил максимальной оценки Г. Явлинского (и целых 55 % поставили ему минимальный балл); мужественность Г. Зюганова, напротив, 58,7 % из них оценили на 4 или 5 баллов.

Любопытно, что Э. Лимонов, лидер НБП, для которого свойственно позиционирование себя как «настоящего мужчины», в том числе при помощи протестного поведения, также далек, по мнению респондентов, от идеала маскулинности (более 40 % опрошенных поставили ему «единицу»). Наконец, низкая оценка мужественности Дж. Буша — человека, который во многом определяет мировую политику, — может быть понята, на наш взгляд, только в контексте гендерных аспектов современного российского антиамериканизма [12].

Таким образом, можно сделать ряд принципиальных выводов. Гендерные стереотипы выступают фактором политических предпочтений современных россиян. Они оказывают влияние на оценку субъектов политического процесса. При этом представления о мужественности/женственности партий коррелируются с представлениями об их силе/слабости и, как следствие, с убежденностью в том, какое положение они должны занимать в иерархии власти. Маскулинное оценивается более позитивно, чем фемининное, что позволяет говорить об андроцентризме политического дискурса. Это обуславливает определение власти как мужского; обоснование притязаний на власть предполагает демонстрацию собственной маскулинности. Данные опроса подтверждают положение об ингрупповом фаворитизме в функционировании социальных стереотипов: Свои маркируются как мужественные и описываются в терминах с мужскими коннотациями, Чужие — как женственные и описываются в терминах с женскими коннотациями.

Библиографический список

1. Айвазова С., Кертман Г. Мы выбираем, нас выбирают: Гендерный анализ парламентских и президентских выборов 2003—2004 годов в России. М., 2004.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1990.
3. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004.
4. Ильин М. В., Мельвиль А. Ю. Власть // Полис. 1997. № 6.
5. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
6. Кирилина А. В. Гендерная метафора // Словарь гендерных терминов. М., 2002.

7. *Клецина И. С.* Гендерная социализация. СПб., 1998.
8. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Штутгарт; Ганновер, 2007.
9. *Рябова Т. Б.* Гендерный дискурс как оружие политической борьбы // *Женщина в российском обществе.* 2003. № 1/2.
10. *Рябова Т. Б.* Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества // *Гендерные исследования.* 2004. № 1.
11. *Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в российской политике. Иваново, 2008. Гл. 1.
12. *Рябова Т. Б., Лямина А. А.* Антиамериканизм по-ивановски: (К вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов) // *Границы: Альм. Центра этнических и национальных исследований ИвГУ.* Иваново, 2007. Вып. 1. Этническая ситуация в Ивановской области.
13. *Скотт Дж.* Гендер: Полезная категория исторического анализа // *Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной.* Харьков; СПб., 2001. Ч. 2.
14. *Хасбулатова О. А.* Гендерные стереотипы в политической культуре: Специфика российского опыта // *Женщина в российском обществе.* 2001. № 3/4.
15. *Ashmore R. D., Del Boca F. K., Wohlers A. J.* Gender Stereotypes // *The Social Psychology of Female-Male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts / Ed. by R. D. Ashmore, F. K. Del Boca.* New York, 1986.
16. *Broverman I., Vogel S. R., Broverman D. M., Clarkson F. E., Rosenkrantz P. S.* Sex Role Stereotype: A Current Appraisal // *Journal of Social Issues.* 1972. Vol. 28. № 2.
17. *Cohn C.* Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // *Gendering War Talk / Ed. by M. Cooke, A. Woollacott.* Princeton, 1993.
18. *Kahn K. F.* Political Consequences of Being Woman: How Stereotypes Influence the Conduct and Consequences of Political Campaigns. New York, 1996.
19. *Riabova T., Riabov O.* «U nas seksa net»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia // *State, Politics, and Society: Issues and Problems within Post-Soviet Development / Ed. by A. Markarov.* Iowa City, 2002.
20. *Scott J.* Power. Cambridge; Malden, 2001.
21. *Sreberny A., van Zoonen L.* Gender, Politics and Communication: Introduction // *Gender, Politics, and Communication / Ed. by A. Sreberny, L. van Zoonen.* Hampton (N. J.), 2000.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Н. А. Шведова

ЖЕНЩИНЫ В КАНАДЕ: КАК ДЕЙСТВУЕТ МЕХАНИЗМ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА¹

В Канаде на официальном уровне признается, что равенство полов — женщин и мужчин — это критическая составляющая для будущего Канады. Ведь женщины представляют собой жизненно важную часть как экономических, так и социальных ресурсов в стране. Отсюда равенство между женщинами и мужчинами — интегральная часть канадского подхода к правам человека [23, р. 1]. В Канаде женщины составляют почти половину рабочей силы, владеют 800 000 компаний, которые вносят более 18 млрд долл. в экономику страны. Доля налогов, которые выплачивают канадки в доходную часть бюджета страны, — 50 %. Женщины составляют 50 % юристов, управленцев и бухгалтеров. В университетах вдвое больше женщин-студентов, чем мужчин. *В Канаде на душу населения среди промышленных стран в мире приходится самое большое число женщин-предпринимательниц* [17].

Официально признав равенство по признаку пола одним из принципов демократического правового государства², канадское правительство предпринимает разносторонние и зачастую новаторские шаги в этом направлении: создан продуманный и эффективный механизм по достижению гендерного равенства (в частности, по продвижению интересов женского населения), реализуются широкие программы по борьбе с насилием против женщин, принят Федеральный план обеспечения гендерного равенства.

Правительства Канады постоянно вводят женщин в состав кабинета, где они занимают ключевые министерские кресла, и в состав Верховного и Апелляционного судов страны. В 1993 г. премьер-министром Канады стала женщина — Ким Кэмпбелл. В 1999 г. впервые пост Председателя Верховного суда заняла женщина.

© Шведова Н. А., 2008

¹ Статья подготовлена на основании исследования, выполненного при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социально-экономический и общественно-политический статус женщин в России и США: сравнительный гендерный анализ». Проект № 07-03-02050а.

² В 1970—80-х гг. женщины Канады получили юридическое и конституционное равноправие. Главным достижением женщин в период «Десятилетия женщины» ООН (1976—1985) было конституционное закрепление их равноправия в Хартии о правах и свободах, являющейся первой частью канадской Конституции 1982 г.

Все это сыграло свою роль в том, что Канада стала признанным мировым сообществом лидером в сфере защиты прав женщин, выступившим с рядом полезных и конструктивных инициатив в Комиссии ООН по положению женщин, Комиссии ООН по правам человека, на встречах стран Содружества и на других международных форумах. Канада заслуженно снискала в мире авторитет страны, которая преуспевает как в решении проблем многонационального государства, в число которых входят и проблемы коренных народов, так и в достижении гендерного равенства. Именно поэтому опыт этой страны заслуживает пристального внимания.

Сразу заметим, что позитивный канадский опыт не означает полной идиллии для канадских женщин, которые не знают, что такое проблемы и конфликтные ситуации. Они также сталкиваются с необходимостью решения насущных задач.

В январе 2007 г., согласно данным Межпарламентского союза, признанной в мире авторитетной международной организации, Канада занимала 47-е место по представительству женщин в нижней палате парламента: в палате общин женщинам принадлежало лишь 20,8 % мест [18]. Хотя представительство женщин в канадском сенате было значительно выше, чем в палате общин — 35 %.

Канада все еще далека от 30 % гендерного минимума в нижней палате парламента, необходимого для обеспечения критической массы представительства женщин, про которой произойдет объективное отражение интересов населения страны — и женщин, и мужчин. Видимые меньшинства и аборигенки еще хуже представлены. В реальности лишь 3 женщины-аборигенки были избраны в канадскую палату общин с 1867 г. (Для сравнения: США занимают 67-е место в мире по представительству женщин в законодательном органе: им принадлежит 16,3 % мест в палате представителей и 16 % мест в сенате. Россия разделяет с Камбоджей 98-е место [18].)

Представительство женщин в муниципальных советах в Канаде составляет 21,7 %, а в законодательных органах от провинций (территорий) — 20,6 % [18], что практически равно общенациональному уровню.

В Национальной ассамблее Квебека (законодательный орган одной из территорий страны) женщины занимают 32 % мест. Квебек стал первой территорией в Канаде, с учетом законодательных органов всех уровней, которая преодолела 30-процентную критическую точку.

Кроме того, при полной занятости женщина в среднем зарабатывает почти на треть меньше, чем мужчина (это соотношение почти не изменилось за последние десять лет). И наконец, проблема насилия в отношении женщин все еще не теряет своей актуальности, а также и положение женщин-аборигенок требует безотлагательных мер для своего улучшения [23, p. 5].

Из этого следует, что канадское общество, как и многие другие в мире, несмотря на впечатляющие позитивные сдвиги в статусе женщин во всех сферах жизни, функционирует таким образом, что допускается дискриминация по признаку пола. Канадские женщины не получают своей «справедливой доли» возможностей и благ, соизмеримых с их вкладом в развитие государства.

Однако подчеркнем главное: **в Канаде уделяется существенное внимание политике равенства полов.**

Почему сложилось так? Какие факторы способствуют этому? Что такое государственная политика Канады в отношении гендерного равенства? Какова законодательная база политики государства? Какие программы, касающиеся женщин, существуют? Как они реализуются?

Национальный механизм интеграции интересов женского населения Канады

Канада — среди тех стран мира, которые подписали и ратифицировали шесть основных документов Организации Объединенных Наций по правам человека (Пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт по экономическим, социальным и культурным правам, Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и Конвенцию о правах ребенка), положения которых применяются через посредство различных мер, в том числе мер законодательного, политического и программного характера.

Права человека и основные свободы всех канадцев гарантируются Канадской хартией прав и свобод (The Canadian Charter of Rights and Freedoms). По инициативе женского движения и под его неослабевающим давлением *в Хартию прав и свобод была в 1985 г. включена статья о равных правах женщин и мужчин*. Кроме того, в разделе 35 Конституционного акта 1982 г. признаются и подтверждаются существующие договорные и исконные права коренных народов Канады. Эти права гарантируются на равной основе мужчинам и женщинам.

Достижение цели реального гендерного равенства требует кропотливой работы всех уровней власти в кооперации с частным сектором и неправительственными организациями (НПО) — это признание официальных кругов Канады [23].

Гендерный анализ — принципиальная основа модели национального механизма гендерного равенства

Что такое гендерный анализ — философия, определившая модель национального механизма «интеграции интересов женщин» в Канаде?

Анализ на принципах гендерного подхода — это процесс оценки различного воздействия, оказываемого на женщин и мужчин предлагаемыми или существующими курсами политики, программами и законодательством.

Сегодня понятие равенства включает признание того, что различное отношение к женщинам и мужчинам необходимо для достижения равных (одинаковых) результатов, потому что существуют различные жизненные условия, или для того, чтобы компенсировать дискриминацию в прошлом. Различное влияние политических курсов, программ и законодательства на женщин и мужчин часто может быть замаскировано или неясно, смутно выражено. При наличии гендерного подхода к анализу политического курса это воздействие, влияние, оказываемый эффект обнаруживаются, вскрываются и прежде скрытые, «спрятанные» выводы появляются на свет. *Гендерное равенство, таким образом, есть равная оценка обществом обеих составляющих: схожести и*

различия между женщинами и мужчинами и различных социальных ролей, которые они играют.

Такое толкование равенства включено в Канадскую хартию прав и свобод. Иными словами, гендерное равенство признает, что женщины и мужчины должны иметь не только равные права, но и равные условия, возможности для реализации этих прав, что, в свою очередь, влечет за собой создание условий для реализации в полной мере прав человека и потенций для того, чтобы они могли вносить свой вклад в национальное политическое, экономическое, социальное и культурное развитие и пользоваться его результатами.

Очевидно, что понятие социальной справедливости недостаточно без учета гендерной составляющей. Иными словами, необходимо стремление к «гендерной справедливости». Ясно, что возникает вопрос: что такое гендерная справедливость?

Осмысление канадской практики помогает понять, что гендерная справедливость — это процесс справедливого отношения к женщинам и мужчинам, суть которого — соблюдение социальной справедливости с учетом гендерной специфики полов. Чтобы обеспечить справедливость, часто необходимы специальные меры для компенсации исторических и социальных упущений, которые мешают женщинам и мужчинам занимать равные позиции. Справедливость ведет к равенству, которое означает, что *женщины и мужчины обладают одинаковым статусом (положением) в социуме (обществе) и государстве.*

Трудно переоценить значение Канады в деле разработки теории и практики (методологии) применения гендерного анализа как инструмента для понимания социальных процессов и поиска ответов на вопросы, как и почему политические проблемы влияют на женщин и мужчин³.

Гендерный анализ позволяет проводить и реализовывать политические курсы, в которых учитываются гендерное различие, характер отношений между женщинами и мужчинами, а также их специфические социальные реальности, жизненные ожидания и экономические обстоятельства.

Гендерный анализ подвергает сомнению утверждение о том, что любой человек, независимо от пола, испытывает одинаковое воздействие политических курсов, программ и законодательства. Такое представление именуется как *«гендерно-нейтральная политика»*, которая на практике оказывается социально недостаточной, или социально ущербной.

Таким образом, анализ политических курсов, программ и законодательства неполон, если в нем не рассмотрено воздействие планируемых или проводимых мероприятий в стране на оба пола — женщин и мужчин.

Этот подход определил модель национального механизма «интеграции интересов женщин», призванного учитывать интересы женщин от первой до последней стадии выработки как общих, так и конкретных направлений государственной политики.

---

³ Например, опубликован ряд изданий на данную тему, среди которых «Гендерный анализ: Руководство по разработке стратегии» [15].

Интегральные компоненты национального механизма гендерного равенства

Если речь идет о национальном механизме гендерного равенства, то прежде всего акцент переносится на интересы женского населения. И это не случайно в нынешних обстоятельствах.

Напомним, что международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций выработало специальные индикаторы для объективной оценки социального статуса женщин. **В политической сфере** это политические и гражданские права женщин, степень их политического участия, свободы выражения несогласия с официальным курсом.

В профессиональной сфере это степень реализации права на труд, справедливость его оплаты, возможность продвижения по службе, условия совмещения производственных и семейных ролей.

Важны также индикаторы **в семейной сфере, в области образования, охраны здоровья, культуры, защищенности от насилия**. Прибегнув к этим измерительным параметрам, с очевидностью наталкиваешься на факт худшего положения женщин в обществе по сравнению со статусом другой социополовой — мужской — части. И Канада не исключение: негативная сторона проблемы сконцентрирована в значительной степени на женской социополовой группе. Этим объясняется приоритетный интерес к рассмотрению сложившегося положения вещей в обществе, в частности к анализу статуса женского населения Канады.

Рассматривая национальный механизм интеграции интересов женщин как неотъемлемую часть **национального механизма гендерного равенства**, необходимо подчеркнуть, что было бы ошибкой сводить национальный механизм по положению женщин только к наличию структурных подразделений в аппарате исполнительной и законодательной власти.

Ведь не случайно дефиниция «механизм» принята мировым сообществом для обозначения всей совокупности институционального устройства, обеспечивающего строительство гендерного равенства в обществе и государстве. Заимствованный из механики термин «механизм» (греч. *mechane*) означает «орудие, сооружение... приспособление для передачи и преобразования движений и скорости», а также «систему тел, в которой движение одного (ведущего) тела вызывает движение остальных тел систем»). Иными словами, «механизм» — это устройство машины, совокупность ее связанных между собой частей. Вполне уместное заимствование термина в обществоведческую науку. Подчеркнем, что «механизм» в рассматриваемой сфере также предполагает совокупность взаимосвязанных частей, каждая из которых автономно, отдельно друг от друга не способна не только работать, но и представлять собой целостный «организм», систему, способную выполнять функцию по строительству гендерного равенства. Конечно, практика жизни человеческого общества знает появление «ростков» или признаков к созданию механизма гендерного равенства, однако следует понимать, что только сочетание основных частей (компонентов) способно «запустить», заставить двигаться механизм.

Исходя из этого, представляется, что национальный механизм гендерного равенства имеет четыре основных компонента (измерения), или признака (индикатора)⁴:

- правовое,
- организационное,
- содержательное,
- образовательно-просветительское.

К *правовому* измерению относится система законодательных актов, которая регламентирует взаимоотношения государства и женского населения, определяет права и обязанности сторон (в Канаде это Канадская хартия прав и свобод, закон о справедливом найме и др.).

К *организационному* — система органов власти, которые ответственны за разработку и проведение в жизнь государственных программ, законодательства во всех сферах деятельности государства, так или иначе оказывающих влияние на жизнь женщин (а это и развитие промышленности, и социальное обеспечение, и занятость, и здравоохранение, и т. д.).

Под *содержательным* измерением подразумевается наличие финансовых и материальных возможностей реализации всеобъемлющей политики гендерного равенства.

И наконец, *образовательно-просветительская* составляющая — это наличие в государстве обязательного стандарта гендерного обучения населения, без которого немислимо преодоление исторически укоренившихся гендерных стереотипов, возрождающих патриархатную идеологию в массовом сознании.

Особенно следует подчеркнуть, что появление и функционирование реального национального механизма гендерного равенства требует необходимой предпосылки, а именно *наличия демократического, активного, развитого женского движения* (как в странах «устоявшейся демократии»).

С учетом реалий современного развития (прежде всего наличия международных документов, подписанных, как минимум формально, многими государствами мира) *последовательная политическая воля демократически ориентированных правящих элит в условиях становления гражданского общества* способна сыграть свою позитивную роль там, где женское движение еще не приобрело достаточной силы политического влияния, чтобы оказывать необходимое давление в нужном для интересов женского населения направлении. Конечно, такой вариант менее эффективен, однако он служит иницилирующим и вдохновляющим стимулом для становления и укрепления женского движения и его носителей — женских неправительственных организаций.

Обращаясь к канадскому опыту, остановимся на организационном компоненте (измерении), чтобы осмыслить суть принципов интеграционной политики в отношении женщин. Это представляется принципиально важным, поскольку существует достаточно широко распространенное убеждение в том, что само наличие в структуре государственной власти или в законодательном органе некоего подразделения, к сфере компетенции которого отнесены дела

---

⁴ В данном контексте термины «компонент», «измерение», «признак», «индикатор» употребляются как синонимы.

семейные, проблемы детства и детей, а значит, и женщин, означает существование национального механизма гендерного равенства. Наивное заблуждение, если не сказать вредное, поскольку ведет не только к разочарованию, но и к потере исторического шанса.

Канадский опыт со всей четкостью показывает, что суть принципов гендерной интеграционной политики с точки зрения организационного измерения заключается в том, что ответственность за разработку и проведение в жизнь государственных программ, законодательства во всех сферах деятельности канадского государства лежит не только на министре, ответственном за положение женщин, но и на всем кабинете министров, ведомствах и агентствах, исполнительный аппарат которых должен в своей работе руководствоваться принципами *интеграционной политики*.

Иначе говоря, уже на начальной стадии разработки любого проекта или решения во властных структурах они должны быть проанализированы, «прочитаны» с точки зрения последствий — экономических, социальных, политических, психологических и гендерных, включая, разумеется, выявление логичных и возможных последствий для интересов и положения женщин в обществе.

При этом каждое федеральное ведомство в обязательном порядке проводит анализ возможных воздействий на женское население предлагаемых ими инициатив и включает эту специфическую *«женскую экспертизу»* во все относящиеся к делу документы кабинета.

Канадское федеральное правительство, одобрив в 1995 г. государственную политику, возложило на федеральные министерства и ведомства обязанность проводить гендерный анализ политических курсов, мер и законодательства.

Ведомство по делам женщин Канады (*Status of Women Canada*) — это федеральное государственное учреждение, которое в российской литературе называют либо управление, либо агентство, поскольку оно было образовано со статусом министерства, однако все министры, ответственные за положение женщин, имели одновременно портфели других министерств — либо министра юстиции, либо иммиграции, либо государственного секретаря, либо здравоохранения и социального обеспечения (так, в 2006 г. *Беверли Дж. Ода (Beverly J. Oda)* являлась министром канадского наследия и по делам женщин (Minister of Canadian Heritage and Status of Women). Оно содействует распространению равенства по признаку пола и полноценному участию женщин в экономической, политической, социальной и культурной жизни страны, проводя работу по следующим направлениям: улучшение экономической самостоятельности женщин и их благосостояния, искоренение систематического насилия в отношении женщин и детей, укрепление прав женщин как прав человека.

Управление (или Агентство) по делам женщин Канады (*Status of Women Canada*) было учреждено 30 лет тому назад (в 1976 г.) с целью «координировать политику в отношении положения женщин и управлять программами, которые касаются женщин» [23, р. 3].

Управление по делам женщин Канады в своей деятельности опирается на Канадскую хартию прав и свобод, а также на важнейшие международные документы о гендерном равенстве, которые были подписаны канадским прави-

тельством и ратифицированы высшим законодательным органом страны. Среди этих документов: *Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Пекинская платформа действий (1995)* и подтвердившие ее последующие международные документы.

Управлением по делам женщин Канады был создан специальный документ: *«Гендерный анализ: Руководство по разработке стратегии»* [15], представляющий собой практическое пособие для оказания помощи в осуществлении широкомасштабного правительственного курса. В документе сказано, что он разработан с целью «усиления обеспокоенности на всех уровнях правительства значимостью гендера как организующего принципа или подхода к осмыслению информации» (иными словами, как к способу видения мира); помощи в разработке и оценке политических курсов и законодательства с точки зрения гендерного подхода («справедливые результаты для женщин и мужчин, девочек и мальчиков⁵ должны быть предусмотрены»).

Министерства и ведомства могут при желании адаптировать предлагаемое руководство для своих особенных областей деятельности, т. е. здравоохранения, окружающей среды, финансового планирования и др. Этой концепцией и обусловлена структура подразделений по положению женщин в исполнительной ветви власти.

Прежде всего, необходимо наличие в рамках любого федерального ведомства специального подразделения для подготовки вышеуказанной экспертизы. Так, министерства и ведомства Канады (такие как министерства труда, здравоохранения и социального обеспечения, занятости и иммиграции, сельского хозяйства, юстиции, международных отношений и внешней торговли, Агентство по международному развитию и др.) имеют в своей структуре *специальные подразделения, занимающиеся кругом проблем, связанных с интересами женщин.*

Федеральная исполнительная структура, относящаяся к равенству женщин, включает: *Женское бюро Министерства развития людских ресурсов*, основанное в 1954 г.; *Фермерское женское бюро Министерства сельского хозяйства и сельскохозяйственных продуктов*, созданное в 1981 г.; *Бюро женского здравоохранения Министерства здравоохранения Канады*; *отдел в Министерстве иностранных дел и внешней торговли*; *отдел гендерного равенства в Канадском агентстве международного развития.*

В середине 90-х гг. XX в. были созданы новые подразделения по вопросам гендерного равенства в Министерстве юстиции, Министерстве по делам индейцев и народов Севера (Офис Старшего советника по женщинам — представительницам коренных народов и гендерного равенства), в Министерстве промышленности Канады (Женское бюро) и Министерстве гражданства и иммиграции (подразделение по гендерному анализу).

---

⁵ В данной работе всюду ссылки на женщин и мужчин включают соответственно девочек и мальчиков. Исходные принципы работы включают идеи о том, что женщины не представляют собой гомогенную (однородную) группу и что для них характерно многообразие, которое включает разнообразие возрастное, этническое, способностей, сексуальной ориентации, социально-экономического статуса и др.

В рамках федерального правительства Управление по делам женщин Канады предпринимает систематический мониторинг влияния на женщин существующей социальной, экономической, законодательной политики и различных программ, оно проводит ревизию новых и обновляемых программ, а также предлагаемых законодательных инициатив с точки зрения интересов женщин. Оно выдвигает другим федеральным ведомствам предложения об изменениях определенных курсов, а также рекомендует программы, направленные на решение насущных для женщин проблем.

В 1999 г. Управление по делам женщин Канады создало в своей структуре небольшое специальное подразделение — *Группу (отдел) по гендерному анализу* — для улучшения понимания федеральной политики по применению анализа, основанного на гендерном подходе.

Вмешательство в развитие федеральной политики обычно проходит несколько стадий:

— *уровень официальных лиц*, на котором должностные лица Управления по делам женщин Канады представляют свои рекомендации официальным лицам других федеральных министерств и ведомств по разработке определенного предложения с учетом интересов женского населения;

— *уровень заместителя главы ведомства*, на котором предыдущий анализ выявляет потребность в дальнейших консультациях по вопросу с другими департаментами. При необходимости осуществляется переписка или встречи координатора и заместителя министра соответствующего министерства;

— *уровень министров*, на котором при необходимости между министрами имеют место переписка или встречи для уточнения данной инициативы;

— *уровень кабинета министров*, на котором глава Управления по делам женщин Канады ставит вопрос на заседаниях комитетов кабинета министров.

С учетом того, что в Канаде полномочия в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, занятости, прав человека, уголовного законодательства разделены между федеральными и провинциальными (территориальными) правительствами, координация действий между различными уровнями правительства крайне необходима и важна в деле улучшения положения женщин в обществе.

Все региональные правительства Канады на своем уровне создали механизм интеграции интересов женщин по федеральной модели. При этом автономия региональных правительств значительна.

Ключевым моментом в деятельности Управления по делам женщин Канады является развитие и поддержание постоянных контактов с неправительственными женскими организациями (НЖО). Это входит в круг постоянных обязанностей главы подразделения, который(ая) регулярно проводит встречи с представителями различных женских и других общественных организаций страны. Поскольку представители НЖО встречаются с другими членами кабинета, министр, отвечающий за положение женщин, служит своеобразным центром-координатором интересов таких общественных групп.

Управление по делам женщин Канады координирует свою деятельность с правительствами провинций и территорий и международными организациями при анализе и развитии политики, касающейся интересов женщин. Оно прово-

дит также консультации с академическими кругами и другими заинтересованными сторонами. Для лучшего понимания проблемы ведомство способствует проведению научных исследований и экспертной оценки. Ведомство информирует общественность Канады о приоритетах правительственной политики и деятельности в отношении женщин.

Данный государственный орган исполнительной ветви власти играет важную роль в жизни канадцев: Управление ответственно за реализацию идеи гендерного равенства, работает над достижением этой цели, поддерживая полное участие канадок во всех сферах жизни.

Структура Управления по делам женщин Канады включает 5 регионов, 14 региональных офисов, 1 центральный аппарат, 5 региональных директоров, 1 руководителя по осуществлению национальной программы, 1 генерального директора. В Управлении занято более 50 сотрудников.

Работа во многих случаях ведется в сотрудничестве с другими ведомствами канадского правительства.

Директорат по вопросам исследований входит в Управление по делам женщин Канады. В рамках данного подразделения действует **Фонд стратегических исследований**, учрежденный в июне 1996 г. в результате обширных публичных консультаций. Он оказывает поддержку проведению учитывающих гендерную специфику стратегических исследований по вопросам государственной политики, затрагивающим интересы женщин Канады. Директорат исследований организует проведение тренингов (обучающих семинаров), посвященных вопросам, представляющим интерес для женщин, и поощряет практику проведения гендерных исследований.

Перед Фондом поставлены конкретные задачи:

- финансирование долгосрочных перспективных политических исследований;
- финансирование исследований по важным краткосрочным направлениям;
- определение тенденций и накопление знаний по влиянию гендерного фактора на социальные изменения;
- стимулирование общественных политических дебатов с гендерно-дифференцированной точки зрения.

Органы исполнительной власти, занимающиеся проблемами положения канадок, работают в соответствующей логической цепи с органами законодательной власти Канады, в частности с **Постоянным комитетом по статусу женщин**, на характеристике которого мы коротко остановимся.

Постоянный комитет по статусу женщин парламента Канады начал свою работу осенью 2004 г. До этого момента в высшем законодательном органе Канады существовал лишь подкомитет с аналогичным кругом юрисдикции. Учреждение полноценного постоянного структурного подразделения в парламенте Канады не без основания рассматривается как победа женского и общедемократического движения в стране.

Характерной особенностью работы данного подразделения является стремление к разностороннему и постоянному сотрудничеству с широкой сетью канадских женских организаций. Прежде чем определить план своей рабо-

ты, комитет провел широкие консультации с национальными и региональными женскими неправительственными организациями, которые помогли определить ключевые проблемы для женщин. В период с ноября по декабрь 2004 г. состоялись серии круглых столов. Участниками стали десятки представителей широкой женской общественности, НКО и академического сообщества [20]. Так, свидетельства 38 различных организаций и групп, предоставивших доклады и исследования, легли в основу сформулированных четырех главных направлений работы Комитета:

1) влияние финансирования федеральным правительством на способность женских организаций и организаций, выступающих за равенство, обеспечивать услуги и защиту по равенству;

2) значение развития и усиления способности федерального правительства принимать во внимание гендерную реальность жизни женщин;

3) наличие тенденции к росту бедности среди женщин;

4) непрекращающийся и стойкий уровень насилия в отношении женщин.

Именно по этим направлениям Комитет работал в 2005 г., были санкционированы приоритетные исследовательские проекты. Следует заметить, что ранее, в 1991 г., еще в рамках упомянутого выше подкомитета по статусу женщин были подготовлены два важных доклада о насилии в отношении женщин и об онкологических заболеваниях груди у женщин. Доклад подкомитета «*Война против женщин*» (*The War against Women*) включал 24 рекомендации, среди которых:

— проведение национальной кампании предупреждения насилия;

— обеспечение гендерно-чувствительной подготовки и обучения для профессионалов судебно-правовой системы;

— выделение финансовых средств для агентств, оказывающих услуги жертвам;

— установление юридической, судебной, законодательной политики, которая позволяла бы судьям выносить приговор мужчинам, признанным виновными в нападении на своих жен, предусматривающий выселение «обидчика» из семейного дома;

— создание Королевской комиссии по насилию в отношении женщин

В ответ на рекомендации подкомитета федеральное правительство учредило в 1991 г. **Канадскую комиссию по проблемам насилия в отношении женщин**. В 1993 г. Комиссия опубликовала доклад «*Изменяя ландшафт: конец насилию означает достижение равенства*» (*Changing the Landscape: Ending Violence-Achieving Equality*). Было представлено более 800 свидетельств о насилии в отношении женщин по всей стране.

Доклад подкомитета «*Рак груди: вопросы без ответов*» (*Breast Cancer: Unanswered Questions*, 1992 г.) содержал 49 рекомендаций, включая предложения об учреждении фонда для исследования онкологических заболеваний груди, а также созыве национальной конференции по данной проблеме и учреждении специальных государственных центров по исследованию и лечению онкологических женских заболеваний, в частности рака груди. Усилия не пропали даром. Под давлением женских НПО правительство выделило 20 млн долл. (канадских) на пять лет для учреждения *Фонда исследований рака груди* (*Breast*

Cancer Research Challenge Fund). Кроме того, оно согласилось финансировать развитие пяти проектов по обмену информацией об этом заболевании (*Breast Cancer Information Exchange Projects*) в рамках существующих центров по проблемам онкологических заболеваний или других здравоохранительных учреждений по всей Канаде и поддержать национальную конференцию по борьбе с раком груди у женщин [20].

В «**Федеральном плане обеспечения равенства полов**», известном как «*Повестка дня обеспечения равенства полов*», определены восемь задач:

- 1) добиться применения гендерного анализа при разработке документов и мероприятий федеральными департаментами и агентствами;
- 2) обеспечить экономическую самостоятельность и благосостояние женщин;
- 3) улучшить физическое и психологическое благосостояние женщин;
- 4) снизить уровень насилия в обществе, особенно по отношению к женщинам и детям;
- 5) способствовать равенству полов во всех аспектах культурной жизни Канады;
- 6) обеспечить женщинам возможность участвовать в управлении делами государства и общества;
- 7) способствовать равенству полов в других странах мира;
- 8) способствовать равенству полов в системе федеральных департаментов и учреждений.

Реализация программы стала значительным вкладом в дело улучшения положения женщин, однако этого оказалось недостаточно, чтобы успешно распутать весь клубок проблем.

Содержательным измерением национального механизма интеграции интересов женщин являются национальные целевые программы по обеспечению равных прав и возможностей для женского населения страны, среди которых одно из важнейших мест занимает «**Женская программа**».

«Женская программа», созданная в 1973 г., а с 1995 г. ставшая частью деятельности Управления по делам женщин, является первичным источником финансирования и технической помощи женским и другим НПО, добивающимся гендерного равенства и справедливости.

Национальные, региональные и местные группы, борющиеся за равенство, получают средства из этой программы на осуществление широкого круга проектов в области экономического равенства, социальной справедливости, доступа и участия женщин в разных сферах жизни. Она обеспечивает финансовую, техническую, информационно-консультативную помощь женским и другим общественным организациям, развивающим деятельность, направленную на улучшение статуса женщин. Если ее бюджет в 1988 г. составлял 12,4 млн канадских долларов (только в начале 90-х гг. XX в. программа поддержала 600 проектов, 2/3 из которых получили около 15 тыс. канад. долл. на каждый), то в период с 1995 по 2000 г. программа обеспечила поддержку и финансирование более 1500 различных проектов и инициатив на общую сумму 43 млн долл. [21].

Программа популярна среди женских организаций и групп, пользуется высоким статусом — подлежит утверждению парламентом. Еще в конце 80-х гг. — начале 90-х гг. постоянный парламентский комитет провел слуша-

ния по данной программе, которые проходили по всей стране: 140 женских организаций были представлены на них и еще 256 женских объединений прислали свои письменные показания-свидетельства и предложения. В докладе по результатам слушаний отмечалось, что женщины Канады все еще не добились равенства, что на пути к нему, как и прежде, хотя и в меньшей степени, продолжают существовать серьезные препятствия и барьеры. К тому же возникают новые проблемы для женщин. Комитет рекомендовал женским организациям, участвующим в «Женской программе», настойчивее добиваться результатов в трех основных направлениях: «экономическом равенстве, социальной справедливости, участии и доступе».

Правительство вынуждено было возобновить «Женскую программу», поскольку в обществе явно ощущалась необходимость в ней. Вновь была поставлена задача: помочь широкому кругу женских организаций и объединений в совместной работе с государственными структурами, ответственными за положение женщин, добиться существенного прогресса в достижении реального равенства женского населения.

«Женская программа» обеспечивает два типа финансовой помощи: для оперативной работы общественной женской организации и для развития проектов для женщин. Право на получение финансовых средств по данной программе предоставляется только тем общественным организациям, группам и объединениям, которые разделяют принципы и цели достижения равенства женщин, как они определены федеральными документами (Канадской хартией прав и свобод и др.), а также международными документами, подписанными канадским правительством.

Кроме того, организация должна разделять демократические принципы управления, а лица, ее члены, подающие заявку от имени своего объединения на получение финансирования по данной программе, должны пользоваться поддержкой остальных членов. Получатели государственной помощи по «Женской программе» обязаны предоставлять информацию о своей деятельности другим женским НПО, работающим в том же направлении, и не скрывать источники финансирования. И наконец, к моменту подачи заявления на грант (финансовую помощь) организация-претендент должна иметь стаж работы не менее одного года.

Получатели финансовых средств на проекты должны представлять финансовый отчет о выполнении проекта, подтвержденный заключением местных властей. Если на данные средства были изготовлены в процессе осуществления проекта письменные, печатные или аудиовизуальные материалы, экземпляр их должен быть приложен к отчету. Частные лица, государственные органы или агентства, университеты и колледжи, организации коммерческого характера, группы, способствующие поддержке аборт, не входят в список возможных получателей средств по «Женской программе». Программа также не финансирует капитальные затраты и расходы на поездки за границу. Большинство средств программы уходит на финансирование конкретных проектов для женщин.

В 2003 г. Управление по делам женщин Канады приняло на себя обязательства использовать ежегодно выделяемые ему на реализацию «*Инициативы по борьбе с насилием в семье*» средства (1 млн канадских долларов в тече-

ние четырех лет, с 2003/04 г. по 2006/07 г.) [4] для финансирования национальных инициатив женских организаций коренного населения по борьбе с проблемой насилия в отношении женщин-аборигенок. Кроме того, по линии этой программы продолжается выделение средств на реализацию на местном, региональном и национальном уровнях инициатив, направленных на борьбу с насилием в отношении женщин и решение других вопросов, представляющих для них интерес, включая права замужних женщин на семейную недвижимость, создание потенциала для женских организаций коренного населения, участие женщин-аборигенок в рыбном промысле в арктических водах, вовлечение женщин коренного населения в процесс принятия решений, вопросы управления и устранения препятствий, мешающих женщинам-аборигенкам заниматься предпринимательской деятельностью.

При подготовке доклада о планах и приоритетах на 2006—2007 гг. Управление по делам женщин Канады организовало обширную исследовательскую работу, результаты которой отразились в представленном докладе. Консультации по всей стране, получение свидетельств и мнений в режиме «открытой линии» в Интернете охватили более 2600 человек. Выяснилось, что в обществе существует мощная поддержка приоритета гендерного равенства в государственной политике. Особенная тревога звучала по поводу того, что женщины становятся «невидимыми» и распространяется обманчивое представление о том, что равенство для женщин достигнуто. В связи с этим в обществе выражается настоятельное требование усовершенствовать механизмы государственной подотчетности и применения гендерного анализа при разработке политики и программ в различных сферах деятельности. Итоговый вывод в докладе сводился к тому, что **«фокус должен быть на борьбе с бедностью среди женщин» и улучшении общей ситуации женщин-аборигенок.**

Общий бюджет Управления по делам женщин Канады на 2006—2007 гг. составил 24,6 млн канадских долларов, из которых 11 млн выделялись через «Женскую программу» неправительственным организациям для реализации проектов, нацеленных на гендерное равенство.

Несомненно, Программа способствует развитию женской инициативы, а главное, под государственным контролем снимается социальная напряженность, возникающая в определенных сегментах канадского общества.

В Канаде действуют программы обеспечения равных возможностей в области занятости, распространяющиеся на женщин и других представителей коренных народов в целом.

Что касается федеральной государственной службы, то в соответствии с Законом о равных возможностях в области занятости Комиссия по вопросам государственной службы в рамках своих полномочий и мандата, определенных в Законе о государственной службе, отвечает за выявление и устранение недостатков в своих собственных системах, методах и приемах работы, препятствующих набору и укомплектованию штатов на принципах равенства [4].

Кроме того, Закон о равных возможностях в области занятости обязывает Комиссию по вопросам государственной службы принимать позитивные меры, направленные не только на устранение выявленных недостатков, но и на активное

содействие формированию более представительной государственной службы, чтобы ускорить прогресс в деле сокращения разрыва в плане представленности.

Правительство Канады в контексте рекомендаций Королевской комиссии по вопросам коренных народов выделило на осуществление пятилетней стратегии бюджетную сумму в размере 1,6 млрд канадских долларов, чтобы помочь общинам и организациям коренных народов самостоятельно разрабатывать и осуществлять свои собственные программы в области занятости и людских ресурсов. Срок действия стратегии был продлен до 31 марта 2005 г. [4]. Стратегия, осуществлением которой занимаются 79 участников Соглашения о развитии людских ресурсов аборигенного населения, была разработана с таким расчетом, чтобы удовлетворять меняющиеся потребности отдельных общин коренного населения и учитывать их широкое культурное разнообразие [4].

Женщины и предпринимательство

Надо отметить, что в Канаде достаточно быстрыми темпами развивается женский бизнес. Немалая заслуга в этом принадлежит и благоприятной государственной политике. Еще в августе 1988 г. федеральное правительство обнародовало «Национальную политику по предпринимательству», нацеленную на улучшение климата для предпринимательства в Канаде. Развитию женского бизнеса отводилось в ней приоритетное место. Затем в течение ряда последующих лет был осуществлен и продолжает действовать целый комплекс программ по поддержке женского малого бизнеса в Канаде, что, несомненно, способствует вхождению женщин в сферы делового мира.

Для сравнения следует подчеркнуть, что государственная система поддержки женского предпринимательства получила в мире достаточно широкое распространение. Так, под эгидой Европейского союза были осуществлены многие успешные программы, нацеленные на развитие женского предпринимательства. В большинстве европейских стран правительство оказывает поддержку женщинам-предпринимателям⁶, что находит свое выражение в создании специальных подразделений в рамках исполнительных органов власти. Как правило, секция поддержки женщин-предпринимателей входит в правительственные комитеты по развитию предпринимательства. Например, в Швеции поддержка женского предпринимательства с 1993 г. является задачей, сформулированной на уровне государственной политики. Правительство и парламент Швеции помогают финансировать деятельность по развитию женского предпринимательства. Под руководством правительства в Швеции содействуют развитию женского предпринимательства с помощью информационных, обучающих и консалтинговых программ. Если количество предприятий, организуемых женщинами, в 90-е гг. XX в. в Швеции составляло примерно 17 % от общего числа всех новых предприятий, то в 2005 г. этот показатель вырос значительно и составил 29—30 %. В результате ежегодно почти 30 % вновь стартовых предприятий в Швеции открывают женщины [1]⁷.

---

⁶ В Западной Европе очень развита помощь тем предприятиям, которые работают в области индустрии [1].

⁷ Однако в Швеции нет специального клуба женщин-предпринимательниц.

А в Канаде в конце XX в. женщины начинали свое дело в два раза чаще, чем мужчины. В период с 1981 по 1994 г. число женщин, владевших бизнесом, включая заново его начавших, удвоилось, что привело к созданию множества новых рабочих мест. В середине 1990-х гг. женщины составляли 32 % работников по самонайму и 22 % собственников компаний, зарегистрированных как корпорации (см.: [3]). Только в 1997 г. канадки-предпринимательницы создали больше рабочих мест, чем 100 крупнейших компаний [22].

Поскольку большинство женщин занято в мелком бизнесе, меры канадского правительства (льготное налогообложение, кредитная политика, программы помощи), направленные на создание условий для развития мелкого и среднего бизнеса в стране, оказывают существенное воздействие на положение женщин в этой сфере.

Здесь государственная система поддержки женского предпринимательства складывается из нескольких основных направлений, которые можно встретить и в других странах. Например, в Швеции после создания в правительстве специальной секции по женскому предпринимательству были привлечены научные кадры (55 специалистов, советников для изучения специфики районов и выработки соответствующих программ). Прослеживается общая методика — обеспечение научно-преподавательскими ресурсами, благодаря которым были разработаны программы, основанные на знании районов, тенденций их развития, а также всех проблем, с которыми приходится сталкиваться женщинам. Важен принцип «дойти до каждого дома».

В Канаде практикуется распространение опыта успешных программ через женские конференции, с учетом специфики местного уровня, издание для женщин-предпринимателей брошюр о финансах, о том, как развивать бизнес, как правильно определять уровень цен. Оказывается помощь женщинам-предпринимательницам в самоорганизации: создании групп, в которых они могут консультироваться друг с другом и определять, какие суммы они должны получить за свои товары или услуги.

Всегда в поле зрения обратная связь с женщинами-предпринимательницами и работа по преодолению в обществе сложившихся стереотипов: образ профессионального предпринимателя как предпринимателя-мужчины, со всеми его «мужскими» качествами — логикой, сноровкой, силой, четкостью — подвергается сомнению и обсуждению.

Заметна поддержка женских предпринимательских проектов и в сельской местности, в регионах и тех сферах деятельности, где женщины давно привыкли работать: в обслуживании, медицине, образовании. Регулярно проводятся встречи консультантов с предпринимательницами в сельских районах, обсуждение новых методов и технологий. Женщины, работающие в сельском хозяйстве, должны овладеть дополнительными знаниями и профессиями, чтобы больше заработать и привлечь больше денег для развития своего дела. Именно им нужны дельные советы для развития своего бизнеса.

Однако не все так гладко складывается и в Канаде. Экономические рычаги высокого уровня находятся в значительной степени в руках одной гендерной группы, что, в свою очередь, означает отсутствие гендерной сбалансированности в распределении экономической власти, ответственности и доступе к ре-

сурсам. Канадки, как и женщины во многих других странах, в частности США, сталкиваются с препятствиями на пути развития собственного масштабного, не говоря уже о крупномасштабном, бизнеса. Эти препятствия типичны и носят международный характер. Серьезнейшие среди них:

- ограниченный доступ к финансово-кредитным потокам;
- дискриминация по признаку пола, осложненная национальными, этническими, культурными и другими факторами;
- необходимость сочетания семейных, репродуктивных и родительских функций;
- маскулинная модель жизнедеятельности мира бизнеса;
- глобализация экономики, обостряющая международную конкуренцию;
- недостаточная представленность женщин на уровне принятия решений во всех сферах жизни, включая экономическую;
- недостаток осознания существования специфических барьеров для женщин как группы, которая сталкивается с препятствиями в этой сфере;
- наследие исторической дискриминации женщин, неравенство «де-факто»;
- живучесть гендерных стереотипов и предрассудков.

Так, согласно исследованию, проведенному Канадской федерацией независимого бизнеса, женщины — владелицы частного дела гораздо чаще получают отказ в кредите от финансовых институтов по сравнению с мужчинами даже в случаях аналогичной собственности (сравнительная характеристика проводилась по таким критериям, как размер бизнеса, срок его существования, сфера деятельности, объем продаж и др.). В случае же предоставления финансирования при одних и тех же характеристиках женщины-предпринимательницы платят более высокие процентные ставки за кредит, чем их коллеги-мужчины. Некоторые женщины и мужчины из мира бизнеса не признают наличия дискриминации по признаку пола в сфере кредитования, однако систематический анализ показывает, что она существует.

Канадки — представительницы коренного населения, которые владеют собственным бизнесом, сталкиваются с еще большими сложностями на старте своего дела, их доступ к кредитным потокам порой значительно затруднен.

Однако благодаря наличию политической воли, реализованной в государственной политике в отношении соблюдения принципов гендерного равенства и поддержки многонациональной культурной среды, в стране происходят позитивные сдвиги в данной сфере. Деятельность финансовых институтов регулируется федеральным правительством, что создает возможности для партнерства в решении проблемы дискриминации по признаку пола в деле доступа к кредитам. В частности, в интересах женщин разработаны две крупные инициативы. Первая из них — это руководство по планированию предпринимательской деятельности, озаглавленное «*Путь к успеху*», в котором содержится полезная и конструктивная информация для тех женщин из числа коренного населения, которые заинтересованы в организации собственного дела. Его разработало Министерство по делам индейцев и северных территорий (МДИСТ) при поддержке других административных органов страны. Руководство вызвало заметный интерес как внутри страны, так и вне ее пределов: оно было пред-

ставлено на Постоянном форуме ООН по вопросам коренных народов в мае 2004 г., а также на Форуме по экономическому сотрудничеству в сентябре того же года в Чили. (Для сравнения: в Швеции также наблюдается массовое широкое издание специальной литературы для женщин-предпринимателей: для новичков, которые хотят открыть свое дело; для муниципальных образований, которые заинтересованы в поддержке предпринимательства в регионах и поэтому предлагают свои проекты. Проекты для школы, чтобы со школьной скамьи ребенок думал, что можно стать предпринимателем, а не только работать на частных или государственных предприятиях. Разрабатываются специальные программы «Как стать предпринимателем?» — отдельно для мальчиков и для девочек. Очень важно, чтобы девушки видели себя в будущем женщинами-предпринимательницами, уверенными в себе и своем деле — ведь это ключевое качество для успешного предпринимателя.)

Вторая инициатива — это проведение обучающей программы-тренинга, которая представляет собой практические занятия по теме «Женщины за будущее». Данное мероприятие профинансировало Министерство по делам индейцев и северных территорий, а реализуется оно через отделение по вопросам оказания услуг коренному населению Канадской организации административного обслуживания. Цель данной программы состоит в том, чтобы женщины из числа коренного населения могли получить общее представление по следующим вопросам:

- предпринимательская деятельность,
- развитие навыков управления собственностью,
- осуществление конкретных деловых и финансовых операций,
- кадровое планирование,
- подготовка к организации предпринимательской деятельности.

Осуществление первого экспериментального проекта началось в 2004 г. в Саскачеване (провинция Канады). Оно охватило 10 общин из различных районов Саскачевана, принявших участие в серии занятий-тренингов, посвященных вопросам развития навыков управления. Кроме того, в 2005 г. такие тренинги были организованы для общин коренного населения в провинции Онтарио и для общин инуитов на территории Нунавут [4].

Правительство Канады осуществляет и другие проекты и программы. В частности, Министерство по делам индейцев и северных территорий координирует свои усилия по расширению участия представителей коренного населения в решении торговых вопросов, поддерживая рабочие контакты с Комитетом по развитию международной предпринимательской деятельности аборигенов, своего рода консорциумом, членами которого являются 23 федеральных департамента и агентства, координирующих мероприятия по развитию торговли в интересах предпринимателей из числа коренного населения. Оказывается помощь тем предприятиям, которые готовы работать на экспорт.

Иными словами, как и в других странах, канадское правительство стремится к созданию инфраструктуры поддержки предпринимательства на местах. (Для сравнения: в Швеции одна из предпринимательниц организовала выпечку экологически чистых блинов, тортов и т. п. и продает их теперь не только в Швеции, но и в Германии, где большой спрос на экологически чистую продукцию; другая купила небольшой пивной завод и смогла сделать его достаточно рентабельным.)

Женщины в парламенте Канады

Известно, что прогрессивное мировое сообщество убеждено в необходимости более сбалансированного гендерного представительства в законодательном органе власти для адекватного отражения и учета интересов различных слоев общества, в котором женщины составляют, как правило, не меньше половины [26]. В связи с этим им неоднократно выражалась приверженность идеи и задаче корректировки сложившегося положения вещей. Был принят ряд широко известных документов. Так, Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин («Женская Конвенция») (Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women — CEDAW) 1979 г. равное участие мужчин и женщин в общественной и государственной жизни рассматривает как одно из своих краеугольных положений. Неравенство мужчин и женщин на уровне принятия решений во власти — одно из 12 ключевых направлений, определенных в Платформе действий 1995 г. Широко признанный минимум для парламента, обеспечивающий критическую массу женщин в нем, определен в 30 %⁸.

Между тем к началу 2007 г. пропорция женщин в высших законодательных органах стран составляет в мире лишь 16,9 % [18]. Конечно, число женщин-политиков, занимающих самые высокие посты в государственной власти, выросло, однако в 2006 г. лишь 13 женщин были избраны и заняли посты глав государств⁹.

Признается также, что именно женщины играют лидерскую роль в местных органах и локальных сообществах, а также в неформальных организациях, *однако их представительство в государственных органах остается существенно незначительным по сравнению с представительством мужчин.*

Эта тенденция характерна для многих стран мира, и Канада не является, к сожалению, счастливым исключением в этом ряду [11], несмотря на то что она ратифицировала Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Многое изменилось в стране, как справедливо подчеркивают аналитики, в том числе и Дж. Кул, автор одного из последних исследований, посвященных женщинам в Канадском парламенте, с того момента, когда в 1921 г. первая женщина — *Агнес Макфейл (Agnes Macphail)* — была избрана в палату общин Канады (нижнюю палату парламента) [11]. Однако прогресс не оказался столь стремительным, как само течение времени и как бы хотелось женскому движению и просто мыслящим канадцам. Конечно, прогресс в представительстве женщин на высшем законодательном уровне заметен, однако, как уже отмечалось, представительство женщин в нижней палате парламента — палате общин — остается почти неизменным на уровне немногим больше 20 % уже на протяжении десятка лет. Для наглядности представим таблицу, которая явственно демонстрирует динамику роста числа мест, занимаемых женщинами в канадской палате общин [11].

---

⁸ Эту цифру отмечают Межпарламентский Союз и ООН.

⁹ Из 194 стран, предоставивших информацию организации «Всемирное руководство женщин в лидерстве» [24].

Женщины в канадской палате общин с 1984 по 2006 г.

Год	Общее число мест	Число мест, занимаемых женщинами	Процент мест, занимаемых женщинами
1984	282	27	9,6
1988	295	39	13,3(4)
1993	295	53	18,0
1997	301	62	20,6
2000	301	62	20,6
2004	308	65	21,1
2006	308	64	20,8

Хотя за два с небольшим десятилетия канадки сумели *удвоить* свое представительство в высшем законодательном органе страны, в целом это составляет лишь *пятую часть* корпуса парламентариев. Причем очевидно, что последняя декада «заморозила» представительство женщин в палате общин на этом уровне.

Почему женщины недопредставлены в парламенте Канады? Это вопрос, который занимает и ученых, и политиков, и активистов, и лидеров демократического женского движения в стране. Высказываются различные мнения и суждения, которые, если их суммировать, можно свести к следующим. Существует комплекс ключевых факторов, вследствие которых женщины отказываются от участия в гонке за парламентские места, причем следует отметить их универсальный характер для многих стран.

Некоторые барьеры на пути женского участия относятся к широкому социально-экономическому спектру. Так, женщины продолжают нести на своих плечах непропорционально большую часть домашних и семейных обязанностей и в среднем имеют более низкие доходы (и поэтому обладают меньшей экономической независимостью), чем мужчины.

К тому же женщины все еще *воспитываются в духе, что политика не их призвание*, особенно женщины-аборигенки и представительницы меньшинств. Женщин также мало в таких областях, как юридическая, академическая и крупный бизнес, — сферах, позволяющих развивать высокую профессиональную репутацию, которая востребована политическими партиями. Как следствие, у женщин гораздо более ограничены возможности доступа к необходимому финансированию, обеспечивающему выдвижение на политическом поприще.

Традиционные способы работы в политических партиях и других политических институтах могут также отвращать женщин от стремления к политической карьере из-за дискриминационного отношения и практики, выражающейся в недостатке внимания к механизмам, которые могли бы поддерживать баланс между семейными и профессиональными обязанностями. Достаточно широко распространено убеждение, что партийная иерархия является все еще самым сложным препятствием на пути к равенству [16].

Женщины неохотно идут в политику из-за враждебной и бойцовской природы работы на политическом поприще, хотя среди части электората есть желание увеличить представительство женщин на выборных постах.

Итак, объясняя слабое представительство женщин в политическом процессе, канадские специалисты, как правило, указывают на три основных причины: во-первых, это социально-экономические условия, не позволяющие средней канадской женщине заниматься «большой политикой»; во-вторых, неспособность политических партий определить в своих концепциях гендерные роли и женские семейные обязанности в соответствии с требованием сегодняшнего дня; в-третьих, низкая организационная культура политических партий, не способствующая участию в них женщин; живучесть отталкивающих женщин предрассудков в высших эшелонах мужской партийной элиты. В результате *три процесса на пути в парламент: принятие индивидуального решения, выдвижение и поддержка номинации со стороны партии и, наконец, выбор и поддержка электората — чреваты именно для женщин особыми трудностями и препятствиями.*

Женское движение

Именно активное, инициативное и настойчивое женское движение, постоянно работающее над повышением своего профессионального и политического уровня, послужило главным фактором создания в Канаде национальной системы интеграции интересов женского населения, системы, ставшей известной как государственный механизм по статусу женщин. По инициативе женского движения и под его неослабевающим давлением в Хартию прав и свобод была в 1985 г. включена статья о равных правах женщин и мужчин. Женским группам и организациям удалось добиться и того, что обсуждение женских проблем в общенациональных телевизионных дебатах, проходящих в ходе избирательных кампаний, стало традиционным для практически всех избирательных кампаний 80—90-х гг. XX в. Это позволяло привлечь внимание властей и общества к повседневным трудностям канадок, а также, сопоставив в дальнейшем реальные действия и предвыборные обещания того или иного политика, определить его истинное лицо. Помимо того, женское движение заставило правительство повернуться к проблеме насилия в семье и предпринять решительные шаги по его искоренению.

Но особая заслуга женских организаций лежит в плоскости формирования самосознания канадок, роста их самооценки, чувства собственного достоинства, основанного на признании права на собственный выбор роли в обществе, не ограниченный единственной извечной ролью «хранительницы домашнего очага», полностью подчиненной представителям «сильного пола».

В 80-х гг. XX в. в Канаде создаются специальные женские группы и организации, ставящие перед собой цель способствовать продвижению женщин на выборные должности, активизировать их участие в политической жизни страны. Появление таких специфических политических организаций в женском движении шло в русле общей тенденции специализации многочисленных женских общественных объединений, которые стали концентрировать свою деятельность на определенном круге вопросов. Политические партии также предпринимали шаги по вовлечению женщин в политическую деятельность, стремясь соответствовать новым реалиям дня и не потерять существенную поддержку среди женщин-избирательниц.

Как старые, так и новые женские организации проводят специальные семинары, конференции, симпозиумы по политическим проблемам, роли женщин в политике. Ведется заметная работа по подготовке женщин-кандидатов, претендующих на участие в избирательных кампаниях различного уровня, издается и распространяется специальная литература. Хотя многие женские группы действуют разрозненно, однако заметна тенденция к росту понимания среди женского движения тесной взаимосвязи между социальными переменами и политической властью.

Политические женские организации ставят своей целью преодолеть барьеры на пути интеграции женщин в политический процесс страны. В стране действуют различные женские неправительственные организации, среди которых можно выделить Комитет национального действия по положению женщин (The National Action Committee on the Status of Women — NAC)¹⁰, «Голос женщин Канады за мир» («Canadian Voice of Women for Peace»)¹¹; «Канадские женщины за политическое представительство» (Canadian Women for Political Representation)¹², Канадская федерация женщин с университетским образованием (The Canadian Federation of University Women)¹³.

---

¹⁰ Комитет национального действия по положению женщин — национальная общественная организация, основанная в 1972 г. Она объединяет свыше 600 женских групп, организаций и объединений, являясь едва ли не самой крупной и влиятельной женской организацией Канады.

¹¹ «Голос женщин Канады за мир» — активно действующая женская организация, образованная в 1960 г. и имеющая свои отделения во всех канадских провинциях. Входит в различные консультативные группы по внешней политике при канадском правительстве, принимала участие в обсуждении пересмотра внешней политики Канады 1994—1995 гг., направив свои соображения на рассмотрение специального парламентского комитета и выступив на его слушаниях. Главным направлением деятельности «Голоса женщин Канады за мир» была и остается борьба за мир и ограничение гонки вооружений. В 90-е гг. «Голос женщин» сместил акценты на образование в духе мира, мирное, ненасильственное разрешение конфликтов, охрану окружающей среды, сокращение военных поставок странам, в которых наблюдаются нарушения прав человека. Одним из программных требований, выдвигаемых организацией с момента ее создания до настоящего времени, является роспуск военных блоков и выход Канады из НАТО и НОРАД. При подготовке предложений канадской официальной делегации к Четвертой Всемирной конференции по положению женщин в Пекине (сентябрь 1995 г.) «Голос женщин» рекомендовал обратить особое внимание на положение женщин, пострадавших от военных конфликтов, в том числе женщин-беженок. Эти соображения были учтены — канадская делегация в Пекине выступила с рядом инициатив в области прав этих женщин и принятия мер по облегчению их участи.

¹² «Канадские женщины за политическое представительство» — политическая женская группа, возникшая в 1986 г., со штаб-квартирой в Оттаве, занимается подготовкой женщин к политической карьере.

¹³ Канадская федерация женщин с университетским образованием — престижная женская организация, созданная в 1919 г. и имеющая свыше 10 тыс. членов. Имеет свои клубы (около 130) во всех канадских провинциях. Входит в состав Международной федерации женщин с университетским образованием.

Канадские общественные (особенно женские) организации стремятся помочь женщинам преодолеть сомнения и колебания, чтобы решиться на выдвижение в кандидаты на пост в парламент страны. Они занимаются подготовкой женщин к участию в избирательном марафоне. Для претенденток созданы **Школы по избирательным кампаниям** (*the Campaign School*). Можно упомянуть такие школы, созданные НПО: «Женщины, политика и демократия в Квебеке (*Femmes, politique et démocratie in Quebec*); Канадский конгресс женщин-избирательниц в Британской Колумбии (*the Canadian Women Voters Congress in British Columbia*). В Новой Шотландии Школа по проведению избирательной кампании для женщин была организована Консультационным советом по положению женщин данной территории (*the Nova Scotia Advisory Council on the Status of Women*). Кроме того, есть женские НПО, которые борются за увеличение представительства женщин в парламенте Канады. Например, группа «Равный голос» (*Equal Voice*), объединившая свыше 1200 женщин и мужчин по всей стране, сформировалась на межпартийной основе, поставив своей целью способствовать избранию как можно большего числа женщин на все уровни представительства в Канаде [17].

Список женских политических организаций мог бы быть продолжен. Так, только в провинции Квебек действуют три влиятельнейшие женские общественные организации: Ассоциация женского образования и социальных действий (*The Association feminine d'education et d'action sociale — AFEAS*), Федерация женщин Квебека (*The Federation des femmes du Quebec — FFQ*) и Женские группы за доступ к политической и экономической власти (*Femmes regroupees pour l'acces au pouvoir politique et economique — FRAPPE*), которые проявляют серьезную заботу о реальном равенстве женщин. Они организуют широкие обсуждения проблемы «Женщины и политика» с привлечением ведущих политических партий, по их инициативе создаются политические клубы на местах, проводится заметная исследовательская работа.

В целом женские НПО ведут широкую лоббистскую работу в правительственных и парламентских кругах, а также образовательную деятельность для широкой общественности. Женские НПО проводят активные избирательные кампании, призывая женщин использовать голоса для защиты своих интересов, оказывают поддержку на выборах тем кандидатам, которые включают в свою платформу женские вопросы. Так, в арсенале Комитета национального действия по положению женщин такие формы работы, как рассылка женщинам специального издания «Руководство НАС для избирателей», где разъясняется положение женщин Канады во всех сферах жизни, указываются самые болезненные проблемы и предлагаются пути их решения, дается позиция ведущих политических партий по интересующим проблемам и объясняется значение той или иной законодательной меры. Руководство содержит список вопросов, которые необходимо задать своим кандидатам, чтобы выяснить позицию претендентов по важнейшим проблемам с точки зрения интересов женщин. Обозначенная позиция доводится до сведения широкой канадской общественности. С середины 90-х гг. комитет проводит серию общенациональных кампаний за справедливость и равенство, против сокращения расходов на социальные нуж-

ды и свертывания социальных программ. Формы выражения протеста — самые различные¹⁴, порой неожиданные и даже экстравагантные, например такие, как посылка участницами акций своих старых туфель в знак несогласия с распределением бюджетных средств в середине 90-х гг. Женские НПО стремятся поддерживать контакты друг с другом. Как правило, они выпускают свои информационные листки или бюллетени.

Таким образом, в Канаде, как и в других странах так называемой устоявшейся демократии, женские НПО действуют как эффективные общественные лоббистские группы, отстаивающие в правительстве интересы женщин — общественные интересы, поскольку речь идет о потребностях, ожиданиях и чаяниях большей половины населения страны. Под давлением активного женского движения правительством была учреждена специальная Королевская комиссия по делам женщин. Именно женские организации подвергают самому тщательному контролю деятельность правительств разных уровней по осуществлению одобренных программ, касающихся положения женщин. Они поддерживают постоянные связи и контакты с кабинетом министров, комитетами парламента (так, министр финансов в процессе подготовки федерального бюджета стремится ознакомиться с позицией женских, равно как и других, общественных организаций, прежде чем будут выработаны правительственное решение и предлагаемый план действий).

Женское движение в Канаде представляет собой заметную политическую силу, заставляющую политических, партийных и государственных деятелей считаться с собой. В ходе последних избирательных кампаний женские организации добились согласия трех ведущих партий участвовать в общенациональных телевизионных дебатах, на которых им задаются вопросы о положении женщин и выясняется позиция партий в отношении путей и средств решения женских проблем. Таким образом привлекается внимание всей страны к острым женским проблемам и обнародуется предлагаемая лидером каждой партии политика в отношении женщин. Женские организации внимательно следят за такими дебатами, а затем сопоставляют реальные действия политиков с их предвыборными обещаниями, о чем информируют общественность, помогая определять истинное лицо той или иной партии и политического деятеля.

И наконец, неопенима заслуга женского движения, которое, конечно, разнолико и по социальному составу, и по идеологической направленности, в формировании самосознания женщин в рамках мировоззрения, разделяющего взгляд на женщину как на субъект истории, что дает женщине право на собственный выбор роли в обществе. Если согласиться с тем, что главнейшей функ-

---

¹⁴ Организация демонстрации против введения оплаты за право въезда в Канаду для беженцев и иммигрантов, распространение информационных листовок, маек и значков с требованиями участниц акций, проведение совместно с крупнейшим профсоюзным центром страны — Канадским рабочим конгрессом — в мае—июне 1996 г. марша против нищеты под лозунгами «За хлеб и розы! За рабочие места и справедливость!». Участницы марша прошли от Ванкувера до Оттавы и передали свои петиции в федеральный парламент.

цией любого женского движения является работа на подъем самосознания женских масс в духе гендерного равенства и справедливости, то нельзя не заметить, что канадское женское движение развивается именно в этом направлении и накопило в этом отношении бесценный опыт.

* * *

Таким образом, деятельность государства в социальной сфере в Канаде носит гендерно-чувствительный характер и выросла до масштабов социальной функции, став одной из главных внутренних функций государства. Причем степень непосредственного участия канадского государства и его структур в осуществлении программ, направленных на гендерное равенство, гораздо выше, чем, например, в США. Государство напрямую занимается распределением ресурсов через систему социального заказа, воздействуя на процессы внедрения гендерного компонента. Оно занято проведением в жизнь важнейших гендерных программ федерального правительства, таких как «Женская программа», призванных создавать и поддерживать гендерное равенство в обществе, охватывая и интегрируясь во все сферы жизни.

В Канаде современная государственная политика в отношении женщин как социальной группы отражает не столько линию того или иного правительства, сколько долгосрочный курс всей государственной надстройки, для которого характерны преемственность и последовательность. Этот курс отражает в целом осознание правящими структурами равенства субъектности женского населения, без сознательного участия которого в жизни государства немыслимо демократическое устройство и функционирование ни одной общественной системы, признание объективного вклада и необходимости участия половины населения в развитии экономики страны.

Все изменения в статусе женского населения, несмотря на их объективную неизбежность, произошли и продолжают реализовываться в результате конкретной длительной и упорной работы женского движения, ставшего фактом и влиятельной силой в политической жизни. Практика свидетельствует, что именно благодаря давлению канадского женского движения стало возможным создание в Канаде национальной системы интеграции интересов женского населения, системы, ставшей известной как государственный механизм по статусу женщин.

Сегодня женское население Канады осваивает не только хозяйственно-экономические области, но и другие общественно-политические институты, многие десятилетия державшиеся на мужском авторитете. Для современной канадской женщины труд не только вынужденная необходимость, но и одна из главных ценностей, с которой она не желает расставаться. Если общество, уважая роль женщины в семье, признает ее право на реализацию своего потенциала по личному выбору, то оно обязано обеспечить женщине равные с мужчиной возможности для осуществления ее выбора. Отсюда необходима политика, исходящая из стремления облегчить бремя женских проблем путем совершенствования социального законодательства, изыскивающего возможности переложить часть семейных обязанностей на плечи мужчин, создания высокого уровня системы дошкольного и школьного воспитания, — в этом суть требований, выдвигаемых канадским женским движением.

Однако в обществе существуют определенные силы, явно обнаруживающие стремление урезать расходы на социальные нужды широким слоям, поддерживающие приоритетную помощь «прочным семьям» с неработающими матерями в ущерб одиноким и разведенным женщинам, предпринимающие попытки вернуть женщину к «домашнему очагу» на фоне демагогического возвышения роли женщины в семье.

В канадском женском движении крепнет осознание тесной взаимосвязи между социально-экономическим положением женщины и доступом ее к политической власти. Поэтому многие женские организации и объединения рассматривают работу по продвижению женщин на высшие государственные и политические посты уровня принятия решений как приоритетные сферы своей деятельности.

И хотя женское движение не добилось победы по основным направлениям (до конца не ликвидирована дискриминация женщин, нет эффективной охраны материнства и детства, остро стоят проблемы насилия и др.), однако очевидно и другое: все более широкое и активное участие канадских женщин во всех областях жизни общества заставляет правящие круги считаться с позицией женщин, их интересами и требованиями.

Именно активная деятельность женского движения послужила толчком для создания национального механизма по улучшению положения женщин в стране, сам факт существования которого является символом происшедших перемен как в статусе женского населения, так и в общественном сознании в отношении женщин. Национальный механизм — объективно необходимый инструмент защиты интересов женского населения, часть государственной машины, главная функция которой — учет настроений и чаяний женской половины общества при выработке государственной политики и последующем осуществлении ее на практике. Канада заслуженно снискала в мире известность как страна, занимающая лидирующие позиции в деле осуществления политики по пресечению насилия в отношении женщин. Она, в частности, хорошо известна своими федеральными и региональными законами, а также социальными программами местного уровня, направленными на борьбу с жестоким насилием в отношении женщин, которое происходит в их домах.

Вместе с тем опыт Канады демонстрирует, что одни только организационные решения не способны обеспечить массовую интеграцию женщин в социально-политический процесс общества. Если женщина несет двойное бремя заботы о хлебе насущном, быте и воспитании детей, то, конечно, ей не до большой политики. На пути к подлинному равноправию канадских женщин остаются еще всякого рода экономические барьеры, дополняемые социально-психологическими, для ликвидации которых необходимо формирование нового отношения к женщине как равному члену общества. Только активная, наступательная позиция женщин способна привести к новому отношению к женскому населению в любом обществе. Этот процесс прогрессивной перестройки общественной психологии и сознания длителен и сложен.

Женское движение нуждается в большей сплоченности, порой оно разобщено, раздираемо противоречиями. Однако в целом оно хорошо организовано, отличается действенным характером, многообразием форм и методов

практической деятельности, опирается на движение снизу, продолжая и развивая глубокие исторические традиции женского движения в государстве.

Политическое сознание канадских женщин, несомненно, поднялось на новую ступень: выросла их решимость бороться за улучшение своего положения в обществе, полагаясь на собственные силы и не отвергая союзников по борьбе за укрепление общедемократических начал в обществе. Очевидно, что перспективы этой борьбы будут зависеть от множества слагаемых, среди которых сплоченность, организованность и ясная стратегия женского движения — наиважнейшие факторы успеха.

Все вышесказанное не означает, что в Канаде все проблемы решены и канадки в целом как социально-половая группа населения, включая женщин коренных народов, пребывают в «идиллической» обстановке, наслаждаясь плодами гендерного равноправия и вкушая равные гендерные возможности. «Женский вопрос» и в Канаде окончательно и безусловно не решен.

Однако много делается для его решения. В целом процесс гендерной модернизации канадского общества носит достаточно централизованный характер (наличие организационной государственной структуры сверху донизу по гендерному равенству), что обеспечивает широкие возможности для использования рычагов административного контроля со стороны государства за социальными процессами, происходящими в стране и в обществе. Канадское правительство при выработке и осуществлении политики, нацеленной на создание равных гендерных возможностей с учетом специфики жизнедеятельности коренных народов, рассматривает развитие предпринимательства как один из действенных инструментов для преодоления бедности и создания условий для достойной жизни.

Библиографический список

1. Бизнес для всех. 2005. № 13 (485).
2. *Джемисон М.* Путь к успеху: Пособие по планированию предпринимательской деятельности для женщин, представительниц малых коренных народов / Министерство по делам индейцев и северных территорий (МДИСТ). Оттава, 2004.
3. *Моррис М.* Пособие по гендерному анализу. М., 2001.
4. ООН. Экономический и социальный совет. Постоянный форум по вопросам коренных народов. 4-я сессия. Нью-Йорк, 16—27 мая 2005 г.: Записка Секретариата. Канада. E/C.19/2005/5/Add.1.
5. *Шведова Н. А.* Гендерный аспект политической жизни в США и Канаде // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2004. № 3.
6. *Шведова Н. А.* Из международного опыта: стоит ли изобретать свой велосипед: Опыт Канады // Предпринимательство и женщины коренных малочисленных народов Севера через призму гендерного образования. М., 2007. http://openlibrary.ru/item/?i_id=574
7. *Шведова Н. А.* Просто о сложном: гендерное просвещение. М., 2002. <http://www.owl.ru/win/books/easygender>
8. *Шведова Н. А.* Северная Америка в начале XXI века: женщины и политика: Гендерная политическая культура: Научный доклад. М., 2003.
9. *Шведова Н. А., Израелян Е. В.* Канадская модель общественно-политической интеграции женщин // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004.

10. Canadian International Development Agency. Guide to gender sensitive indicators. Ottawa, 1997.
11. *Cool J.* Women in Parliament. 2006. 20 February. <http://www.parl.gc.ca/information/library/PRBpubs/prb0562-e.htm>
12. *Dahlerup D.* Women, Quotas and Politics: Routledge Research in Comparative Politics. New York, 2006.
13. Federation of Canadian Municipalities. Increasing Women's Participation in Municipal Decision Making: Strategies for More Inclusive Canadian Communities. Ottawa, 2004. September.
14. Gender Equality Indicators: Public Concerns and Public Policies. http://www.swc-cfc.gc.ca/pubs/pubspr/0662274180/199901_0662274180_e.html
15. Gender-based Analysis: A Guide for Policy-making / Status of Women Canada. Ottawa (Ontario), 1997. http://www.swc-cfc.gc.ca/pubs/gbaguide/gbaguide_e.pdf
16. <http://www.equalvoice.ca/idx.php?rl=328>
17. <http://www.equalvoice.ca/index.php>
18. Inter-Parliamentary Union (IPU), 31 января 2007. <http://www.ipu.org>
19. New Brunswick Advisory Council on the Status of Women. Women and Electoral Reform in New Brunswick: Brief presented by the New Brunswick Advisory Council on the Status of Women to the New Brunswick Commission on Legislative Democracy. Fredericton, 2004. July.
20. Standing Committee on the Status of Women (FEWO). http://cmte.parl.gc.ca/cmte/CommitteeList.aspx?Lang=1&PARLSES=391&JNT=0&SELID=e20_2&COM=10477&Print=1
21. Statement by the Honourable Hedy Fry Secretary of State. <http://www.swc-cfc.gc.ca/beijing5/statement-e.html>
22. Statistics Canada. Women in Canada: A Statistical Report. Ottawa, 1999.
23. Status of Women Canada, 2006—2007: Report on Plans and Priorities. <http://www.swc-cfc.gc.ca>
24. The Worldwide Guide to Women in Leadership. <http://www.iknowpolitics.org/en/node/733>
25. *Trimble L., Arscott J.* Still Counting: Women in Politics Across Canada. Peterborough (Ontario), 2003.
26. United Nations. Platform for Action and the Beijing Declaration. United Nations Department of Public Information. New York, 1995. Clause 190 (d).
27. *Wiegand J. et al.* Women and Electoral Reform: Submission to the B. C. Citizens' Assembly on Electoral Reform. 2004. 29 May.
28. Women and Electoral Politics in Canada / Ed. by M. Tremblay, L. Trimble. Don Mills (Ontario), 2003.
29. Women in Parliament: Beyond Numbers: A Revised Edition / International IDEA. Stockholm, 2005. <http://www.idea.inf>

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РОССИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Е. В. Панкратова

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН (на примере Ивановской области)

Одной из особенностей всех современных социальных наук является их антропологическая и гуманистическая ориентация. «Человеческое измерение» общества требует использования новых категорий и понятий, которые помогли бы увидеть в общем историческом потоке конкретных людей с их индивидуальными потребностями, желаниями, установками. Одной из таких категорий является **качество жизни**. Эта категория в настоящее время имеет глубокий теоретический и практический смысл. В современном социологическом дискурсе категория качества жизни применяется для комплексного анализа всей совокупности индивидуального и общественного уровней социальной жизни на основе объективных и субъективных параметров.

Некоторые ученые говорят о качестве жизни как о новой цивилизационной парадигме [1, с. 208], отмечая, что «только качество жизни может в наибольшей степени выразить целевые устремления мирового сообщества» [8, с. 27].

Одна из важнейших теоретических проблем современного социологического знания — определение качества жизни. Множество ученых — социологов, экономистов, психологов, историков — заинтересовано данным вопросом. Несмотря на актуальность категории качества жизни, его точного определения, структурного содержания до сих пор не выделено.

Под качеством жизни можно понимать **совокупность необходимых и достаточных условий для реализации достойной жизнедеятельности человека в социуме**.

В настоящее время объективная сторона качества жизни, возможности ее измерения с помощью статистических показателей, индикаторов все чаще становятся объектом внимания исследователей (см., напр.: [4, 5, 7, 3, 6, 10, 11]). Роль субъективной стороны качества жизни как специфической его характеристики подчеркивается реже и в основном иностранными социологами (см., напр.: [9, 2]).

Внимание автора статьи сосредоточено на анализе субъективной оценки качества жизни. Субъективная оценка в структуре качества жизни позволяет определить самоощущение индивида в каждой из сфер общественной жизни, общее осознание удовлетворения потребностей человека, что ускользает при объективном анализе. Без удовлетворенности человека жизнью и ее сторонами говорить о том, что его жизнь носит качественный характер, невозможно.

Теоретические и практические исследования в области качества жизни показали, что можно говорить о качестве жизни общества, региона, социальной группы, отдельной личности, используя различные методики, а значит, и критерии оценки. Поэтому содержание деятельности по улучшению качества жизни получает конкретное наполнение только в том случае, когда имеет определенного «адресата». Особый интерес представляет исследование качества жизни молодых женщин. Это объясняется тем, что женщины репродуктивного и трудоспособного возраста обладают большим демографическим, профессиональным и интеллектуальным потенциалом и выполняют значимые социальные функции для региона.

В статье использованы результаты социологического исследования, проведенного в феврале 2008 г. (n=1000 чел.), цель которого заключалась в выявлении субъективной оценки качества жизни населения Ивановской области. Среди респондентов были и женщины в возрасте от 18 до 30 лет*. Основным параметром сравнения удовлетворенности социально-экономическими аспектами жизни выступило место проживания опрошенных женщин.

Субъективные социально-экономические показатели качества жизни были объединены в 3 блока:

1. Оценка собственного здоровья, мер и способов его поддержания.
2. Удовлетворенность собственным уровнем жизни (материальное положение, питание, одежда, жилье) и удовлетворенность трудом (оплата труда, условия труда, содержание труда и др.).
3. Оценка услуг, предоставляемых учреждениями здравоохранения и образования.

Также были проанализированы эмоциональные аспекты субъективной оценки качества жизни.

---

* Приведем социально-демографические характеристики опрошенных. По месту жительства: в областном центре — 43,4 %, в других городах, городских поселениях области — 37,7 %, в сельской местности — 18,9 %. По семейному положению: 79,2 % никогда не состояли в браке, 15,1 % состоят в зарегистрированном браке, разведенных — 3,8 %, состоящих в незарегистрированном браке — 1,9 %. По количеству детей в семье: 78,7 % не имеют детей, 14,4 % имеют одного ребенка, 6,9 % имеют двух и более детей. По уровню образования: среднее полное общее — 26,4 %, среднее специальное — 7,5 %, незаконченное высшее — 35,8 %, высшее — 28,3 %, послевузовское — 1,9 %. По сфере деятельности: учащиеся, студенты — 58,5 %, работники государственных предприятий — 20,8 %, работники частных предприятий — 20,8 %. По отрасли занятости: легкая промышленность — 13,6 %, торговля — 22,7 %, культура — 9,5 %, образование, наука — 26,4 %, армия и милиция — 9,5 % связь — 9,1 %, строительство — 4,5 %, здравоохранение — 4,5 %.

Здоровье как биологический базис жизни оказывает важнейшее влияние на жизнедеятельность человека. Каждая пятая опрошенная указала на то, что проблема здоровья является значимой и актуальной. Анализ субъективной оценки здоровья молодых женщин показал, что большинство опрошенных удовлетворены состоянием своего здоровья: 13,8 % — «абсолютно удовлетворены», 41,5 % — «по большей части удовлетворены», 29,6 % — «в целом удовлетворены». 15,1 % молодых женщин, принявших участие в опросе, сказали, что их не устраивает состояние собственного здоровья.

В большей степени состоянием собственного здоровья удовлетворены молодые жительницы областного центра, из которых 95,6 % выбрали варианты различной степени удовлетворенности здоровьем. Менее всего собственным здоровьем удовлетворены женщины, проживающие в других городах области, среди которых третья часть заявила, что не удовлетворена своим здоровьем. Среди жительниц сельской местности 90 % участниц опроса удовлетворены здоровьем.

Женщины, не имеющие детей и не состоящие в браке, более позитивно оценивают состояние своего здоровья. Среди опрошенных, имеющих одного ребенка, 54,2 % сказали, что они в целом удовлетворены своим здоровьем, более трети респонденток (31,8 %) — не удовлетворены, и лишь 14 % молодых женщин заявили, что они удовлетворены своим здоровьем по большей части. Большинство участниц опроса, имеющих двух и более детей (59,6 %), заявили, что недовольны собственным здоровьем. Примечательно, что ни одна из респонденток, имеющая детей, не была полностью удовлетворена здоровьем.

Следует отметить, что многие молодые женщины предпочитают активные способы поддержания здоровья: 20,8 % опрошенных женщин регулярно занимаются спортом (большинство из них — 63,6 % — жительницы г. Иванова), 50,9 % делают это время от времени. Исключение составляют респондентки, имеющие двоих детей. 24,5 % участниц опроса заботятся о режиме дня, сна и отдыха, 37,7 % соблюдают режим не всегда. Менее предпочитаемый способ поддержания здоровья — это посещение врача с целью профилактики: лишь 9,4 % респонденток делают это всегда (большинство из них — 83,0 % — жительницы г. Иванова, стоящие в браке и имеющие детей), 34,0 % — время от времени, 56,6 % — никогда. Абсолютное большинство опрошенных молодых женщин избегают вредных привычек и посещают врача с лечебной целью (83,0 % и 47,7 % соответственно).

Анализ частоты обращений в медицинские учреждения области показывает, что меньшинство молодых респонденток — 1,9 % — часто обращаются за медицинской помощью, чуть более 10 % опрошенных — «скорее часто». Абсолютное большинство (45,3 %) редко посещают медицинские учреждения, 39,6 % — «скорее редко». Из тех опрошенных, кто часто и «скорее часто» обращаются за медицинской помощью, большинство — жительницы городов и городских поселений региона, за исключением областного центра (57,8 %). Столь высокий процент объясняется и подтверждается тем, что многие респондентки, проживающие в городских районах области, не удовлетворены своим здоровьем.

Среди факторов, в большей степени оказывающих влияние на здоровье молодых женщин, выделяются следующие: качество питания (54,7 %), полно-

ценный отдых и уровень рабочей нагрузки (41,5 %), возможность стресса и экологическая обстановка (по 37,7 %), образ жизни (34 %), качество услуг здравоохранения (26,4 %). Качество питания, по мнению опрошенных горожанок, выступает наиболее значимым фактором, оказывающим влияние на здоровье. Качество жилья — наиболее приоритетный фактор, влияющий на здоровье, по мнению жительниц г. Иванова. Экологическая обстановка наиболее часто упоминается горожанками. Качество услуг здравоохранения и полноценный отдых выбрали представительницы других городов и сельской местности региона. Такие факторы, как образ жизни, материальная обеспеченность и семейное положение, в равной степени считаются значимыми для проживающих в городах и селах области.

Таким образом, исследование показало достаточно позитивную субъективную оценку молодыми женщинами собственного здоровья и высокую степень удовлетворенности им. Менее позитивные оценки свойственны молодым женщинам, имеющим двоих детей.

Исследование второго блока субъективных показателей качества жизни начнем с анализа удовлетворенности молодых жительниц области уровнем жизни. Прежде всего следует сказать, что 50,9 % респонденток выделили материальную проблему в качестве одной из самых значимых для них в настоящее время. Большинство опрошенных молодых женщин (52,8 %) отнесли себя к среднему слою населения по критерию материальной обеспеченности, чуть более 35 % респонденток указали на слой «между низшим и средним», по 5,7 % молодых женщин выбрали варианты «низший» слой и «между средним и высшим». Среди представительниц среднего слоя населения менее всего жительниц села (14,3 %), в числе респонденток, выбравших слой «между средним и высшим», селянки вообще отсутствуют (66,7 % жительниц областного центра, 33,3 % жительниц других городов области). Таким образом, большинство молодых горожанок считают себя представительницами среднего слоя населения и «между средним и низшим», большинство жительниц села относит себя к низшему слою и «между низшим и средним».

В ходе исследования мы попросили участниц оценить уровень собственной материальной обеспеченности по пятибалльной шкале (1 — самая низкая оценка, 5 — самая высокая оценка). Результаты свидетельствуют о том, что большинство опрошенных (60,4 %) оценивают свои доходы на уровне 3 баллов, 18,9 % респонденток говорят о хорошей материальной обеспеченности (4 балла), 17,0 % молодых жительниц региона смогли оценить свой достаток лишь на 2 балла и 3,8 % — на 1 балл. В числе последних абсолютное большинство молодых респонденток — женщины, имеющие детей (59,1 %). Респонденткам из городов присущи удовлетворительные и позитивные оценки материальной обеспеченности (3 и 4 балла), представительницам села — удовлетворительные и негативные оценки (2 и 3 балла). Хуже всех опрошенных собственную материальную обеспеченность оценили женщины, имеющие двух и более детей: 66,4 % респонденток смогли оценить свой достаток лишь на 2 балла.

Соотнеся оценку уровня материальной обеспеченности и слоя населения по уровню доходов, мы обнаружили противоречие следующего характера: 65,6 % опрошенных, оценивших уровень своей материальной обеспеченности

как удовлетворительный, отнесли себя к среднему слою населения. Это говорит о том, что в сознании молодых жительниц области не сформировано понимание того, что же такое средний класс населения и каковы его критерии.

Оценка качества питания жительницами области достаточно позитивна. Абсолютное большинство респонденток (41,5 %) сказали, что питаются «хорошо», 37,7 % — «удовлетворительно», по 9,4 % опрошенных — «очень хорошо» и «плохо», 1,9 % — «очень плохо». Чем выше оценка материальной обеспеченности участниц опроса, тем лучше оценка качества питания: 86,4 % респонденток с хорошим уровнем материальной обеспеченности (4 балла) заявили о хорошем питании. Жительницы г. Иванова и других городов и городских поселений области более высоко оценили качество своего питания по сравнению с представительницами села. Респондентки, состоящие в браке, высказывали более позитивные оценки качества питания.

Наличие одежды для всех сезонов — один из субъективных показателей качества жизни. Абсолютное большинство опрошенных (86,8 %) имеет одежду для каждого сезона, причем 81,1 % «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены» ее качеством. Из тех респонденток, кто не имеет необходимой одежды, большинство — молодые селянки.

Жилищная проблема актуальна в настоящее время для 34,0 % опрошенных. Абсолютное большинство опрошенных женщин удовлетворены качеством своего жилья: 20,8 % участниц опроса сказали, что их «полностью удовлетворяет» жилье, четверть опрошенных — «по большей части удовлетворяет», 34,0 % — «в целом удовлетворяет». Чуть больше качеством жилья удовлетворены жительницы сельской местности (84,4 % которых проживает в отдельных частных домах), нежели представительницы городов.

Среди основных причин неудовлетворенности жильем респондентки выделили: маленькую площадь (53,2 %), неудовлетворительное качество услуг, предоставляемых жилищно-коммунальной службой (27,7 %), то, что жилье не собственное, принадлежит родственникам (25,5 %), необходимость капитального ремонта дома (25,5 %). К менее распространенным причинам относятся неполный спектр жилищно-коммунальных услуг и проживание с соседями. Причем для горожанок, особенно жительниц областного центра и имеющих детей, наиболее актуальна нехватка жилой площади (84,5 % молодых женщин в г. Иванове и 62,8 % в других городах области выделили эту проблему), а основной причиной неудовлетворенности жильем селянок выступил неполный спектр жилищно-коммунальных услуг. Проблема ветхости жилья и необходимость его капитального ремонта актуальна для жительниц как городов, так и сел.

Таким образом, анализ субъективной удовлетворенности уровнем жизни молодых женщин области позволяет говорить о том, что абсолютное большинство молодых женщин Ивановской области удовлетворены своим питанием, качеством одежды, условиями жилья. Уровень материальной обеспеченности остается невысоким. Наиболее актуальна проблема низкой материальной обеспеченности для женщин, имеющих двух и более детей.

Удовлетворенность трудом — следующий субъективный параметр качества жизни. Проблемы с работой, трудоустройством актуальны для 22,6 % респонденток. В целом, своим рабочим местом довольно абсолютное большинство оп-

рошенных женщин, проживающих как в городах, так и в селах: «совершенно» удовлетворены 13,6 % респонденток, 68,2 % участниц опроса выбрали вариант «скорее удовлетворена», 18,2 % — «скорее не удовлетворена». Примечательно то, что ни одна из опрошенных не выбрала вариант «совершенно не удовлетворена». Более низкая оценка удовлетворенности трудом свойственна женщинам, имеющим детей: процент полностью удовлетворенных работой среди них в два раза ниже, а доля «скорее удовлетворенных» составляет 56,0 %.

Абсолютное большинство опрошенных молодых женщин работает по полученной специальности (63,6 %). Процент респонденток, работающих в соответствии со специальностью, наиболее высок среди женщин, проживающих в областном центре (71,4 %). Половина жительниц других городов, городских поселений и сел региона работает не по специальности. На вопрос о возможности трудоустройства по специальности 40 % опрошенных сказали, что «возможно, но необходимо искать вакансию», 30 % респонденток ответили, что их специальность совершенно не востребована, 10 % участниц опроса высказали мнение о том, что работа по специальности не приносит желаемого дохода, остальные затруднились ответить.

В большей степени женщин не устраивает размер оплаты труда и перспективы карьерного роста. Большинство опрошенных (36,4 %) совершенно не устраивает заработная плата, 31,8 % респонденток предпочли вариант «скорее не удовлетворена, чем удовлетворена». Несколько большее число респонденток, неудовлетворенных размером оплаты труда, проживает в сельской местности (59,4 %). Среди неудовлетворенных заработной платой максимальный процент составляют респондентки, имеющие двоих детей (49,8 %). 27,3 % жительниц области «скорее не удовлетворены» перспективами карьерного роста, а 22,7 % опрошенных «совершенно не удовлетворены». При этом треть опрошенных женщин все же удовлетворена размером оплаты труда (в основном это жительницы областного центра) и чуть менее 50 % респонденток удовлетворены перспективами карьерного роста. Также большинство молодых женщин не удовлетворены социальными гарантиями (76,4 % респонденток, работающих на частных предприятиях) и объемом работы. Такие параметры труда, как санитарно-гигиенические условия работы, отношения в коллективе и с руководством, график работы, содержание труда, возможность применения творческого подхода, устраивают абсолютное большинство участниц опроса.

Таким образом, степень удовлетворенности трудом жительниц области достаточно высокая. Основное недовольство вызывают размер оплаты труда и отсутствие перспектив карьерного роста.

Анализ последнего блока показателей социально-экономических аспектов качества жизни начнем с исследования субъективной удовлетворенности услугами, предоставляемыми учреждениями систем здравоохранения и образования. 60,4 % опрошенных жительниц области «не удовлетворены» и «скорее не удовлетворены» оказываемыми бесплатно медицинскими услугами. Причем количество недовольных предоставляемыми услугами максимально высоко в областном центре: из тех респонденток, кого «скорее не устраивают» и «совершенно не устраивают» услуги здравоохранения, 34,8 % и 43,5 % жительниц г. Иванова соответственно. Основными причинами недовольства медицински-

ми услугами опрошенных женщин, проживающих в областном центре, выступает система обслуживания (большие очереди, заблаговременная запись) и платность многих медицинских процедур. Для жительниц других городов и городских поселений — квалификация врача и качество обслуживания (недостаточное количество времени, уделяемого пациенту, неточный диагноз, неправильно назначенное лечение). Среди опрошенных селянок — качество обслуживания и плохая техническая оснащенность медицинских учреждений. Платная медицина доступна меньшинству опрошенных, среди них 66,7 % — жительницы областного центра.

Частота обращений в платные медицинские учреждения напрямую зависит от материальной обеспеченности женщин. Среди респонденток, имеющих плохую материальную обеспеченность (2 балла), лишь 15,6 % имеют возможность прибегать к таким услугам «редко», остальные же не пользуются ими вообще. Максимальное количество женщин, обращающихся за негосударственной медицинской помощью, составляют хорошо материально обеспеченные (4 балла) участницы опроса (68,7 %).

Основной причиной неудовлетворенности платными медицинскими услугами является слишком высокая цена, так считают 78,4 % опрошенных. Сельские женщины значительно реже обращаются за платной медицинской помощью. Это также связано с тем, что большинство подобных медицинских учреждений работает в областном центре.

Участницы опроса имеют достаточно высокий образовательный уровень: 28,3 % респонденток имеют высшее образование, 1,9 % — послевузовское образование, 35,8 % — незаконченное высшее (в настоящий момент 94,3 % из них — студентки ивановских вузов), 7,5 % — среднее специальное и 26,4 % — среднее полное общее образование. У представительниц городской местности преобладает высшее образование, у селянок — среднее. Абсолютное большинство опрошенных (90,6 %) удовлетворены полученным или получаемым образованием. Большинство женщин желают совершенствовать свое образование (75,5 %). К этому числу принадлежат в основном горожанки, из селянок лишь 15,4 % хотят повысить уровень образования. С повышением уровня образования опрошенных возрастает желание все более его совершенствовать. Среди основных причин желания повысить образовательный уровень 36,6 % респонденток назвали то, что с его повышением появляется больше возможностей карьерного роста, 29,3 % молодых жительниц области желают улучшить образование для того, чтобы совершенствовать свои профессиональные знания и навыки, 14,6 % — для собственного морального удовлетворения. Желание улучшить свое образование присуще абсолютному большинству молодых женщин, не состоящих в браке и не имеющих детей (81,2 %).

Таким образом, большинство молодых жительниц области не устраивает медицинское обслуживание по причине его плохой организации. При высокой субъективной оценке удовлетворенности полученным образованием у молодых женщин области присутствует стойкое намерение совершенствовать свой образовательный уровень.

В целом, анализ некоторых субъективных социально-экономических показателей позволяет говорить о высоком уровне удовлетворенности здоровьем,

трудовой сферой, образованием, большинством аспектов уровня жизни: питанием, одеждой, качеством жилья. К менее удовлетворительным параметрам качества жизни относится медицинское обслуживание. Наиболее проблематичной остается материальная обеспеченность молодых женщин. В группу риска, в которой оценки некоторых социально-экономических аспектов качества жизни значительно ниже средних, попадают женщины с двумя и более детьми.

Аффективный компонент в структуре субъективной оценки качества жизни играет очень важную роль. Анализ этого блока помогает не только выяснить эмоциональное состояние опрашиваемых, но и скорректировать субъективную оценку параметров качества жизни в целом. Оценив степень оптимизма молодых жительниц региона, мы получили следующие данные. Большинство опрошенных (54,7 %) вполне оптимистично настроено в отношении будущей жизни. Треть не смогла отнести себя ни к оптимистам, ни к пессимистам. 9,4 % отнесли себя к оптимистам в высшей степени. Менее 4 % совершенно пессимистично смотрят на будущее. Такое распределение позволяет говорить о позитивном жизненном настрое и эмоциональном состоянии молодых респонденток.

Среди опрошенных, которые вполне оптимистично смотрят на свое будущее, большинство (48,3 %) проживает в областном центре. Нейтральный и пессимистичный настрой в большей степени свойственен селянкам: 44,3 % молодых жительниц сельской местности не смогли отнести себя ни к оптимистам, ни к пессимистам, а каждая пятая опрошенная пессимистична в отношении будущего.

Несмотря на то, что материальная обеспеченность может выступать залогом уверенности в будущем, большинство молодых женщин с разными доходами вполне оптимистичны в отношении своего будущего.

Каждая десятая респондентка с полной уверенностью заявила, что в настоящее время счастлива, т. е. чувствует себя хорошо, обладает высоким жизненным тонусом и приподнятым настроением. Большая доля женщин, имеющих детей, составляет именно эту категорию опрошенных (36,9 %). 52,8 % молодых респонденток выбрали вариант «скорее счастлива», который характеризуется наличием чувства бодрости, хорошим настроением, в целом состоянием выше нейтрального. Каждая четвертая опрошенная заявила о нейтральном состоянии, 5,5 % сказали, что «скорее несчастливы», 1,9 % респонденток «совершенно несчастливы» и 3,9 % молодых опрошенных не смогли ответить на этот вопрос. Молодым селянкам в меньшей степени, чем жительницам городов, присуще состояние счастья. Респонденткам с уровнем материальной обеспеченности удовлетворительным и ниже чуть в меньшей степени свойственна близость к состоянию счастья. Однако по параметру материальной обеспеченности оценки счастья различаются не намного: 54,9 % опрошенных с хорошим и 49,9 % с удовлетворительным уровнем материальной обеспеченности смогли назвать себя «скорее счастливыми».

Таким образом, оптимистичные оценки респондентками будущего, близость им состояния счастья позволяют подтвердить их удовлетворенность большинством аспектов качества жизни и несколько скорректировать в сторону повышения субъективные оценки удовлетворенности другими параметрами.

Оценка жизни в целом позволяет подвести итог удовлетворенности качеством своей жизни. Большинство респонденток (67,9 %) сказали, что жизнь их отчасти устраивает, отчасти нет. К этой категории относятся абсолютное большинство жительниц сельской местности, большинство женщин с удовлетворительным и ниже уровнем материальной обеспеченности, абсолютное большинство респонденток, имеющих двоих детей. 22,6 % опрошенных заявили, что жизнь, которую они ведут, их вполне и по большей части устраивает. Совершенно не устраивает жизнь 5,5 % молодых жительниц региона. Однако в целом такие оценки жизни следует считать позитивными, так как полная удовлетворенность жизнью складывается из множества ее аспектов, каждый из которых не может абсолютно устраивать опрошенных. Более того, процент тех респонденток, которые недовольны жизнью, достаточно низок.

В результате социологического исследования субъективной оценки удовлетворенности социально-экономическими аспектами качества жизни обнаружено, что молодые женщины, проживающие в Ивановской области, ответственно относятся к своему здоровью, выбирают активные способы его поддержания, а значит, регион обладает хорошими демографическими ресурсами. Высокая оценка уровня образования, желание его улучшения говорят о качественном интеллектуальном потенциале этой демографической группы. Высокая удовлетворенность рабочим местом и большинством аспектов трудовой деятельности является основой для реализации профессионального потенциала молодых женщин. Наиболее актуальна для молодых жительниц региона проблема нехватки материальных средств, поэтому фактор материальной обеспеченности становится решающим при оценке различных аспектов качества жизни. Хорошее эмоциональное состояние и близость к ощущению счастья повышает удовлетворенность молодых женщин собственной жизнью.

Библиографический список

1. Антология русского качества / Под ред. В. В. Бойцова. М., 2002.
2. Давыдова Е. В., Давыдов А. А. Измерение качества жизни. М., 1993.
3. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., 2005.
4. Косов В. В. Динамика качества жизни в субъектах РФ и направленность социальной политики // Мир России. 2001. № 2.
5. Кузнецова Е. В. Индекс человеческого развития и тенденции его изменения в России и зарубежных странах // Вопр. статистики. 1999. № 2.
6. Ронге Ф. Условия жизни в России // Социс. 2000. № 3.
7. Саградов А. А. Индекс человеческого развития: опыт применения. М., 2000.
8. Урсул А. Д. Проблема государственности в перспективе перехода к устойчивому развитию // Социально-политический журнал. 1997. № 2.
9. Campbell A. The Sense of Well-being in America: Recent Patterns and Trends. New York, 1981.
10. Power T. W. The Economic Value of the Quality of Life. Boulder, 1980.
11. Wingo L. The Quality of Life: Toward a Micro-economic Definition // Urban Studies. 1973. Vol. 10.

Обзоры конференций

Н. В. Новикова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сто лет назад в Санкт-Петербурге произошли события, имеющие важнейшее значение для мировой истории женского движения. 10 декабря 1908 года в зале городской думы открыл работу Первый Всероссийский женский съезд, который, по словам его устроительницы А. Н. Шабановой, должен был «положить начало объединению женских сил в одном стремлении — достижения справедливости, в признании за женщинами их человеческих прав для полного участия в культурной жизни страны» [3, с. 9]. Собрание это поражало современников своей представительностью: на его заседаниях присутствовали более тысячи делегатов, треть которых составляли жительницы ближних и самых отдаленных окраин империи, его деятельность освещали более ста корреспондентов не только столичных и провинциальных газет, но и иностранных изданий, его открытие приветствовали люди, положение и политический вес которых гарантировали высокий статус мероприятия, — городской голова Н. А. Резцов, известный историк Н. И. Кареев, депутат I Государственной думы Л. И. Петражицкий и другие. За семь дней работы съезда были заслушаны сотни докладов, а некоторые читались повторно, поскольку нанятые для проведения съезда помещения не могли вместить всех желающих присутствовать на заседаниях секций. Прения по докладам порой выливались в жаркие споры, как говорили участницы событий, в «бушующие страсти», особенно когда дело касалось политических резолюций или обсуждения всех волновавшего вопроса о судьбе женского движения в России. Несмотря на ряд запретов и жесткий контроль во время проведения съезда (на всех собраниях находились полицейские приставы), поборницы женского равноправия затрагивали самые острые социальные и политические проблемы своего времени, говорили о готовности и способности женщин внести свой вклад в решение разных задач — от борьбы с проституцией и организации женского образования до аграрной реформы и обеспечения женского представительства в политике. Постановление о создании общероссийской организации, которая сплотила бы женское движение и «вовлекла широкие круги женщин в сознательную политическую и общественную жизнь», можно считать главным достижением Первого Всероссийского женского съезда.

В память о тех событиях и в ознаменование того вклада, который внесли в женскую историю России первые «равноправки», 21—23 марта 2008 года в Санкт-Петербурге была проведена Международная научная конференция «Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра». Она объединила исследовательниц и исследователей женского социального опыта, женской повседневности, борьбы за интересы женщин, представляющих как города России и пространство ближнего зарубежья, так и страны Западной Европы и США.

Этот научный форум показал, что тематика женской истории и гендерных исследований актуальна и востребована, число заинтересованных участников обсуждения растет, а поставленных вопросов значительно больше, чем ответов. На пленарных и секционных заседаниях поднимались проблемы, волновавшие наших предшественниц столетие назад, намечались новые сюжеты, продиктованные современностью.

О становлении и развитии этого нового научного направления в России, о сложностях и противоречиях, возникающих в рамках академического сообщества историков, и о перспективах развития женской истории говорила на первом пленарном заседании авторитетная российская исследовательница, председатель Национального комитета историков женщин Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, внештатный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Н. Л. Пушкарёва¹. Она отметила, что «женская тема», не являясь приоритетной или востребованной самостоятельной областью исторических изысканий, развивалась в нашей стране десятилетиями параллельно с эволюцией женских исследований и женской истории в США и Западной Европе. И если за «железным занавесом» возникновение гендерной теории происходило в лоне феминистского сознания и, по сути, было частью феминистской политики, то в российском контексте история женщин лишена «запальчивости и радикализма», «более академична по характеру», а гендерная история, призывающая к пересмотру принципов мышления и подходов к анализу прошлого, все еще находится в стадии становления. Особенностью нынешнего этапа развития женских и гендерных исследований Н. Л. Пушкарева считает «сосуществование» представителей двух течений: одно отличается попытками изучать женщин в истории, опираясь на аналитический инструментарий феминизма, представители другого стремятся откеститься от него и создавать исследования, претендующие на полную «незаданность». Она назвала такое сосуществование мирным, поскольку порой сторонницы этих подходов предпочитают не замечать друг друга. Однако путь к успеху всего направления женской и гендерной истории лежит, по ее мнению, в укреплении контактов, в развитии диалога между представителями научных групп, в преодолении теоретико-методологических расхождений, в стремлении услышать и понять друг друга.

---

¹ Высказанные с трибуны идеи Н. Л. Пушкарёва развивает в своей последней монографии — первом в российской историографии труде, освещающем историю складывания женских и гендерных исследований (см.: [2]).

Конференция призвана была стать прекрасной площадкой для обмена идеями и опытом.

Один из главных организаторов научной встречи — доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук М. Г. Муравьева подчеркнула, что осмысление правового положения женщин (а именно такой акцент был задан названием научного мероприятия, проводимого на базе юридического факультета РГПУ им. А. И. Герцена) невозможно без обращения к самым разным аспектам (со)существования женщин и мужчин в прошлом и настоящем, без анализа соответствующего гендерного порядка и дискурсивных значений публичного и приватного в различные эпохи. Поэтому узкоспециальные на первый взгляд формулировки не должны были помешать встрече и плодотворному сотрудничеству представителей всех направлений в области женских и гендерных исследований.

Как и следовало ожидать, почетное место в повестке конференции заняли сюжеты, связанные с историей женского движения в России вообще и Первого женского съезда 1908 года в частности. Пленарный доклад петербургской исследовательницы, доцента Невского института языка и культуры, кандидата социологических наук И. И. Юкиной был посвящен оценке достижений и потерь русского феминизма на рубеже XIX и XX веков². Пафос ее выступления заключался в выявлении особой значимости феминистского движения для российской женской истории в целом. При всей его кажущейся узости («это было городское движение женщин привилегированных групп», ориентированных на решение исключительно женских проблем), подчеркнула докладчица, женское и феминистское движение существенно повлияло на общественное сознание и продвижение России по пути модернизации, в том числе на принятие закона 1912 года о страховании рабочих, на достижение равенства в избирательном праве (за несколько месяцев до прихода к власти большевиков в 1917 году).

Большой интерес и оживление на заключительном пленарном заседании вызвало выступление профессора Рашель Рутчильд, члена Дэвисского центра российских и евразийских исследований при Гарвардском университете (США), известного знатока истории и историографии женского движения дореволюционной России. Ее доклад «Съезд 1908 года: его значение тогда и теперь» задавал тон дальнейшему обсуждению вопроса об историческом месте событий столетней давности. Он был построен вокруг развенчания мифов, сопровождающих как историю съезда, так и историю движения женщин в России вообще. Вопреки устоявшемуся мнению, съезд не был собранием лишь представительниц петербургской элиты и «сливок» провинциального общества. Большинство его участниц составляли группу женщин-профессионалов, происходивших из разных социальных страт и выразивших интересы значительного числа россиянок. Потому и вопросы, касающиеся положения работниц и крестьянок, стояли далеко не на последнем месте в выступлениях участниц и участников заседаний, а соответствующие резолюции с готовностью принима-

---

² Недавно вышла из печати её книга, анализирующая теорию и практику русского феминистского движения (см.: [4]).

лись. Не подтверждается и тезис о том, что доминирующие позиции на съезде занимали кадетки, которые якобы «лоббировали» выгодные конституционным демократам решения. Наконец, Р. Рутчильд подвергла сомнению и распротранненное утверждение о незначительном воздействии съезда на общественное мнение и на развитие женского движения. Напротив, он стал важным и смелым шагом в борьбе россиянок за свои права, а сегодня служит ярким свидетельством богатого исторического наследия русского феминизма.

Эти и другие темы получили развитие в ходе работы секций. Автор данной публикации в своем выступлении, например, сделала акцент на особой мобилизующей роли событий столетней давности. Первый женский съезд собрал воедино разрозненные и политически неоднородные женские группы и заложил основу для создания общероссийской организации феминисток. В этой связи часто встречающиеся в историографии утверждения о спровоцированном так называемой рабочей группой расколе якобы монолитного движения россиянок на «буржуазную» и «пролетарскую» ветви выглядят очередным мифом. Несколько других докладов также были посвящены анализу женского активизма в XIX — начале XX века. О. Волкова (Минск) поведала о малоизвестных страницах истории первой женской политической партии в России — Женской прогрессивной партии во главе с М. Покровской. М. Воронина (Харьков) и И. Сикорска-Кулеша (Варшава) описали специфику положения женщин и их борьбы за свои права в западных губерниях Российской империи. Сообщения О. Шныровой (Иваново) и Д. Вершининой (Пермь) о британских суфражистках помогли поместить рассуждения о русском феминизме в более широкий интернациональный контекст. Особого внимания заслуживает изучение различных общественных дискурсов, сложившихся в России вокруг «женского вопроса», и эту тему не обошли участницы конференции. Так, Н. Козлова (Тверь) проанализировала публицистику противников женского равноправия и продемонстрировала, как в этих текстах переплетаются господствующие патриархатные гендерные стереотипы и националистическая риторика. Осмыслению теоретического наследия российских народников посвятила свое выступление Г. Яковлева (Витебск), а Е. Трофимова (Москва) затронула проблему восприятия теоретического и литературного наследия А. М. Коллонтай. Мировоззрение и творчество этой выдающейся женщины, как показала исследовательница, необходимо рассматривать в русле интеллектуальной традиции, в которой на первый план выступает идея о нравственном совершенстве человека и провозглашается приоритет духовных ценностей в ущерб заботе о материальных преимуществах и индивидуальном благополучии.

В работе других секций получило отражение все многообразие социального и культурного опыта женщин, наших предшественниц и современниц. Много внимания было уделено трактовке правового положения и общественных возможностей представительниц разных сословий, регионов и эпох. Не менее востребованной оказалась тематика, связанная с изучением женской повседневности и антропологией женского тела. Презентация различных подходов к изучению девичества в докладах Э. Шарифуллиной (Ульяновск), А. Темкиной (С.-Петербург) и М. Золотухиной (Москва) дополнялась анализом практик материнства в выступлении Ю. Градской (Стокгольм), эволюции отношения к браку и

семье в работах А. Дулова (Витебск), Т. Шубиной (Архангельск), Е. Жидковой (Самара) и др. Группа исследователей посвятила свои усилия изучению влияния войн на формирование женской идентичности. Например, П. Щербинин (Тамбов) показал, что военные конфликты и революционные потрясения начала XX века способствовали развитию общественной инициативы и самостоятельности женщин в городах Черноземного центра России, а О. Чуракова (Архангельск) проследила за изменением правосознания и автостереотипов россиянок в годы Первой мировой войны. Темы женского письма и самоописания прозвучали в докладах К. Сарсенов (Лунд, Швеция), Э. Гучиновой (Москва) и др. Значительное место в программе конференции было отведено интерпретации проблем современности: особенностям женского политического участия и женского движения в России и в странах ближнего зарубежья, трансформации гендерного порядка. В частности, петербургский социолог Е. Здравомыслова очертила параметры нового гендерного контракта, который, по ее мнению, может быть выражен красноречивой формулой «коммерциализация заботы». Наконец, нельзя не отметить работу круглого стола «Насилие над женщинами», объединившего историков, социологов и правоведов в обсуждении актуальной теоретической, политической и социальной проблемы.

Подводя итог состоявшимся дискуссиям, не могу не отметить, что три дня напряженной работы оставили впечатление живого и заинтересованного общения единомышленников. Разница в восприятии тех или иных вопросов, разнообразие подходов к их решению стимулировали мысль и вдохновляли на дальнейший обмен идеями. Конференция создала пространство, в котором мы получили возможность говорить на одном языке — языке сообщества исследователей. Кстати, это выражение имеет и буквальный смысл, ведь все зарубежные участницы читали доклады на русском языке. Добавлю, что довольно полное представление о масштабе и географии конференции, о содержании выступлений и всем разнообразии мнений и исследовательских позиций позволяет составить сборник, вышедший из печати накануне открытия этого научного форума (см.: [1]).

В ходе его работы произошло еще одно важное событие, которое, я надеюсь, станет этапным в развитии отечественной историографии. На организационном заседании участницы и участники конференции заявили о создании Российской ассоциации исследователей истории женщин и гендерной истории. Ассоциация представляет собой Российский национальный комитет Международной федерации исследователей женской истории (МФИЖИ), образованной в 1987 году. Первая конференция вошедших в ее состав организаций была проведена в 1989 году в Белладжио (Италия), и с этого времени исследователи женской истории встречаются регулярно, практически ежегодно. С 1990 года МФИЖИ входит в состав Международного конгресса историков (МКИ), собирающегося раз в пятилетие, на правах аффилированного члена конгресса. Ближайший научный форум МКИ состоится 22—28 августа 2010 года в Амстердаме.

Цель МФИЖИ заключается в поддержке исследовательниц и исследователей, чьи научные интересы сосредоточены на истории женщин, женского социального опыта и аксиосферы женского, в координации деятельности национальных комитетов историков женщин разных стран, которые служат связую-

щими звеньями между МФИЖИ и отдельными исследователями темы в разных странах. Формы сотрудничества участников федерации весьма разнообразны. Они включают в себя организацию международных и региональных конференций (последняя состоялась в августе 2007 года в Софии), круглых столов, семинаров, поддержку издательских проектов³.

На петербургской конференции в марте наконец поставлена точка в затянувшемся процессе организационного оформления Российского национального комитета федерации. Участники ассоциации единодушно избрали председателем национального комитета Н. Л. Пушкарёву, вклад которой в развитие и институционализацию российской женской истории сделал ее признанным лидером этого историографического направления. Справедливости ради следует уточнить, что конференция стала плодом усилий маленькой инициативной группы, представлявшей Россию на форуме МФИЖИ в Софии, и потому проходила под эгидой Международной федерации исследователей истории женщин. Отмечая рождение нового научного сообщества, участницы и участники собрания не могли не вспомнить, что сто лет назад подобные «чувства величайшей радости и высокого удовлетворения» испытывали деятельницы женского движения на своем объединительном съезде. Конференция показала, что число исследователей женской темы растёт, и сегодня у нас есть силы и возможности для плодотворной совместной работы, а российская женская история может быть достойно представлена на мировом уровне.

Библиографический список

1. Гендерное равноправие в России: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, Санкт-Петербург, 21—23 марта 2008 г. СПб., 2008.
2. *Пушкарёва Н.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
3. Труды I Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С. Петербурге, 10—16 декабря 1908 года. СПб., 1909.
4. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности / Под ред. Т. А. Мелешко. СПб., 2007.
5. A Biographical Dictionary of Women's Movements and Feminisms. Central, Eastern, and South Eastern Europe: 19th and 20th centuries / Ed. and with an Introd. by F. de Haan, Kr. Daskalova and A. Loutfi. Budapest, 2006.

---

³ Примером такого сотрудничества стало издание объёмного биографического словаря деятельниц женского и феминистского движения стран Восточной Европы (см.: [5]).

Аннотации

Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков

Характеризуя роль и место сексуальности в частной жизни русских женщин, автор считает X—XIX вв. русской истории веками «православного гендерного порядка» и репрессивной сексуальности, а XX в. — временем сексуальной революции, резко повысившей значение этой составляющей в биографиях россиянок.

Ключевые слова: частная жизнь женщины, женская повседневность, этакратический гендерный порядок, православие, история сексуальности, история русской сексуальной культуры.

Мартинанова И. Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII — первой половине XIX в.)

Рассматриваются особенности понимания материнства и отношения к материнским обязанностям в XVIII — первой половине XIX в. Источниковой базой исследования послужили мемуары российских дворян, которые содержат воспоминания о детстве.

Ключевые слова: материнство, детство, мемуары, дети, эмоциональная близость, образование, воспитание, образ матери.

Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны

Статья посвящена изучению женского военного опыта на материалах устных и письменных воспоминаний о Великой Отечественной войне, собранных в Краснодарском крае. Выявлены закономерности восприятия женщинами самих себя на войне, поставлены проблемы адаптации женщин к военным условиям, борьбы с бытовыми трудностями, озвучена тема сексуального насилия во время войны.

Ключевые слова: устная история, военная повседневность, женский военный опыт, гендерные роли, сексуальное насилие.

Чикалова И. Р. Женщины в структурах власти и управления Республики Беларусь (1991—2008 гг.)

Анализируются тенденции, связанные с представительством женщин в органах законодательной, исполнительной и судебной власти Республики Беларусь после обретения ею самостоятельности. Делается вывод о том, что препятствия, тормозящие процесс вхождения женщин в верхние слои политической и управленческой элиты, по-прежнему сильны, хотя уже и не непреодолимы.

Ключевые слова: женщины, Республика Беларусь, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, гендерная симметрия.

***Рябова Т. Б.* Гендерные стереотипы как фактор оценки субъектов политического процесса**

Анализируются закономерности использования гендерных стереотипов для характеристики субъектов политического процесса. Поскольку власть соотносится с маскулинностью и ее атрибутами (сила, разум, воля, активность, контроль, справедливость), то Свой политики, политические партии характеризуются в категориях маскулинности, а Чужие — в категориях фемининности.

Ключевые слова: гендерные стереотипы как фактор оценки субъектов политического процесса, гендерная метафора, политические предпочтения, имидж политика.

***Шведова Н. А.* Женщины в Канаде: как действует механизм гендерного равенства**

Статья посвящена проблеме гендерной модернизации канадского общества: анализируется политика канадского правительства по достижению гендерного равенства в стране и ее компоненты, рассматривается положение канадских женщин в политической и экономической сфере, роль женского движения в обеспечении гендерного равенства.

Ключевые слова: статус женского населения Канады, «прорыв» женщин в политическую сферу, гендерное равенство и гендерная справедливость, национальный механизм по продвижению гендерного равенства.

***Панкратова Е. В.* Субъективная оценка социально-экономических аспектов качества жизни молодых женщин (на примере Ивановской области)**

Статья посвящена анализу субъективной оценки некоторых социально-экономических аспектов качества жизни молодых женщин, проживающих в Ивановской области. Рассматриваются такие компоненты качества жизни, как удовлетворенность уровнем жизни, здоровьем, работой медицинских и образовательных учреждений.

Ключевые слова: качество жизни, субъективная оценка, молодые женщины.

Summaries

Pushkareva N. L. Sexuality in the Private Life of Russian Woman (10th—20th cc.): Impact of Orthodox and State-ruled Gender Orders

Characterizing the role and place of sexuality in the everyday life of Russian women, the author considers the 10th—19th cc. “the ages of Orthodox Gender order” and the centuries of repressive sexuality, and the 20th c. — the time of sexual revolution, which had seriously increased the significance of this component in the biographies of the Russian women.

Key-words: Private life, women, everyday life, state-ruled gender order, Orthodoxy, history of sexuality, history of Russian sexual culture

Martianova I. J. Mother or Lady? (Motherhood in the 18th — second half of the 19th cc.)

The article is devoted to the specifics of the notion of Motherhood and the attitudes to the maternal duties in the 18th — second half of the 19th cc. The work is based upon the memoirs of the Russian nobility about their childhood.

Key-words: Maternity, childhood, memoirs, children, emotional proximity, education, nursery, image of mother

Rebrova I. V. Women’s Everyday Life in the Problem Field of the Great Patriotic War

The article deals with the women’s military experience on the base of oral and written memoirs on the Great Patriotic War. The materials have been collected in the Krasnodar region. The generalities of women’s self-imagination during the war have been disclosed and the problems of women’s adaptation to the war environment, of their struggle to overcome the everyday difficulties have been set and the theme of sexual violence has been stressed.

Key-words: Oral history, military everyday life, women’s military experience, gender roles, sexual violence

Chikalova I. R. Women in the State and Administration Bodies of Belarus (1991—2008)

The article analyses the tendencies of the representation of women in the legislative, executive and judiciary bodies of the Republic of Belarus after the proclamation of its independence. The conclusion is made that the obstacles to the recruitment of women into the upper strata of political and administrative elites are still strong but not as insurmountable.

Key-words: Women, Republic of Belarus, legislative power, executive power, judiciary power, gender symmetry

Riabova T. Gender Stereotypes as Factor of Evaluation of the Political Process Subjects

The article analyses the generalities of the gender stereotypes use for the description of the subjects of the political process. Since the power correlates to the masculinity and its attributes (force, reason, will, activity, control, justice) the “Our” politicians and political parties are described in the terms of masculinity and the “Alien” ones in the feminine terms.

Key-words: Gender stereotypes, gender metaphor, political preferences, image of politician.

Summaries

Shvedova N. A. Women in Canada: How Mechanism of Gender Equality Functions

The article is devoted to the problem of gender modernization of Canadian society. It analyzes the policy of the Canadian government aimed at gender equality in the country and its components. It also considers the place of Canadian women in political and economic spheres, the role in providing gender equality of women's movement.

Key-words: status of female population of Canada, "break" of women into political sphere, gender equality and gender justice, national mechanism of gender equality promotion.

Pankratova E. V. Subjective Evaluations of Social and Economic Aspects of Young Women's Quality of Life (The Case of the Ivanovo Region)

The article is devoted to the analysis of the subjective evaluation of some social and economic aspects of the quality of life by the young women living in the Ivanovo region. Such components of the quality of life as satisfaction with the living standards, health, medical and educational services have been underlined.

Key-words: Quality of life, subjective evaluation, young women

---

Авторы номера

- МАРТИАНОВА**
Ирина Юрьевна
сотрудник научной библиотеки Кубанского государственного университета, соискатель кафедры дореволюционной истории России
- НОВИКОВА**
Наталья Валентиновна
кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета, докторант Института этнологии и антропологии Российской академии наук
- ПАНКРАТОВА**
Екатерина
Владимировна
старший преподаватель Ивановского государственного университета
- ПУШКАРЁВА**
Наталья Львовна
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, постоянный представитель РФ во Всемирной федерации исследователей истории женщин
- РЯБОВА**
Татьяна Борисовна
кандидат исторических наук, доцент Ивановского государственного университета
- РЕБРОВА**
Ирина Викторовна
кандидат исторических наук, старший преподаватель Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар; магистрантка ЕГУ (г. Вильнюс, Литва)
- ШВЕДОВА**
Надежда Александровна
доктор политических наук, руководитель Центра социально-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)
- ЧИКАЛОВА**
Ирина Ромуальдовна
доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного педагогического университета

С о д е р ж а н и е

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

- Пушкарёва Н. Л.** Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков 3
- Мартянова И. Ю.** Мать или светская дама? (Материнство в XVIII — первой половине XIX в.) 17
- Рябова И. В.** «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны 25

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

- Чикалова И. Р.** Женщины в органах власти и управления Беларуси (1991—2008 гг.) 34
- Рябова Т. Б.** Гендерные стереотипы как фактор оценки субъектов политического процесса 44

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

- Шведова Н. А.** Женщины в Канаде: как действует механизм гендерного равенства 53

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РОССИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

- Панкратова Е. В.** Субъективная оценка социально-экономических аспектов качества жизни молодых женщин (на примере Ивановской области) 81

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

- Новикова Н. В.** Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра 90
- Аннотации* 96
- Авторы номера* 100

C o n t e n t s

PROBLEMS OF WOMEN'S AND GENDER HISTORY

- Pushkareva N. L.** Sexuality in the Private Life of Russian Woman (10th—20th cc.):
Impact of Orthodox and State-ruled Gender Orders 3
- Martianova I. J.** Mother or Lady? (Motherhood in the 18th – second half of the 19th cc.) .. 17
- Rebrova I. V.** Women's Everyday Life in the Problem Field of the Great Patriotic War ... 25

GENDER ASPECTS OF POLITICAL SOCIOLOGY

- Chikalova I. R.** Women in the State and Administration Bodies of Belarus
(1991—2008) 34
- Riabova T. B.** Gender Stereotypes as Factor of Evaluation
of the Political Process Subjects 44

WOMEN'S MOVEMENT IN RUSSIA AND ABROAD

- Shvedova N. A.** Women in Canada: How Mechanism of Gender Equality Functions 53

SOCIAL STATUS OF RUSSIAN WOMAN

- Pankratova E. V.** Subjective Evaluations of Social and Economic Aspects
of Young Women's Quality of Life (the Case of the Ivanovo Region) 81

REVIEWS OF CONFERENCES

- Novikova N. V.** Legal Status of Women in Russia: Yesterday, Today, Tomorrow 90
- Summaries* 96
- Authors of the number* 100

Уважаемые коллеги!

Журнал **«Женщина в российском обществе»** издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что Вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть Вас среди авторов журнала. Мы поместим Вашу научную статью, рецензию на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Принимаются публикации от ученых всех регионов России, докторантов, аспирантов и наиболее талантливых студентов (при наличии отзыва научного руководителя). Объем научных статей — 0,5—1 п. л., рецензий — до 0,3 п. л. Все материалы публикуются бесплатно.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: oaх@ivanovo.ac.ru, anysmir@yandex.ru.

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

*доктор исторических наук, профессор **О. А. Хасбулатова***